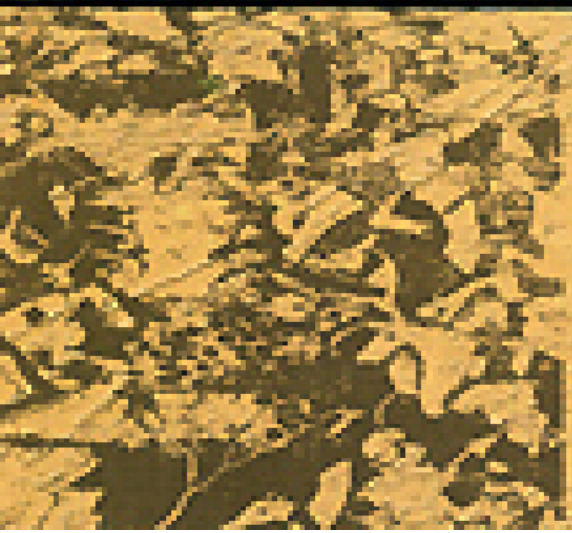
ГАРОЛЬД ЛЭМБ

ОМАР ХАЙЯМ

ГЕНИЙ, ПОЭТ, УЧЕНЫЙ



ZOMAN

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Оригинальное беллетризованное жизнеописание Омара Хайяма – персидского поэта, ученого, государственного деятеля и поэта, обессмертившего свое имя и время, в котором жил, в своих непревзойденных стихах.

Будучи астрологом при дворе хорасанского правителя Мелик-хана, Омар Хайям успевал заниматься астрономией, алгеброй, геометрией и конечно же сочинением своих удивительных четверостиший (рубаи), в которых философская глубина прекрасно уживалась то с тонкой иронией, то с едким сарказмом, то с нежной лиричностью. Каким же был этот человек, чьими стихами уже на протяжении столетий зачитываются люди на всех континентах? В каком мире он жил? Какие люди его окружали? Отвечая на эти вопросы в своей яркой, оригинальной книге, Гарольд Лэмб мастерски воссоздает экзотическую атмосферу средневекового Востока, где прекрасное и страшное слито воедино, где богатейшие культурные и гуманистические традиции, господствующие в среде интеллектуальной элиты, уживаются с религиозным фанатизмом и привычной жестокостью, бытующими во всех прочих слоях общества.

- Гарольд Лэмб
  - От автора
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Часть третья
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть четвертая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3

- Глава 4
- Часть пятая
  - Глава 1
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

Гарольд Лэмб
Омар Хайям. Гений, поэт, ученый

От автора

Подлинные факты

Большинство действующих лиц моей книги показаны такими, какими они представляются по свидетельствам очевидцев того времени. Хасана ибн Сабаха легко описывать; его специфический гений дан в письменных свидетельствах того времени, в рассуждениях о нем его современников. Его собственный комментарий о событиях тех лет был утрачен, когда монголы сожгли Аламут спустя сто лет после его смерти (уничтожив замечательную библиотеку ассасинов[1]), но многие авторы цитируют книги Хасана ибн Сабаха, и я взял на себя труд собрать эти ссылки, разбросанные по персидским и арабским хроникам.

Низам представлен таким, каким его описывают в исторических источниках, так же, как и Малик-шах.

Жизнь Газали изучена достаточно, чтобы описать его характер. Джафарак, Маймун, Исфизари, Му'иззи – исторические личности, изображенные мною так, как их описывают очевидцы. Но обо всех этих людях, за исключением, пожалуй, одного Му'иззи, известно немного.

Тутуш – персонаж вымышленный, но, как и Рун уд-Дин и Исхак, он – персонификация определенного характера того времени. Женщины – литературные персонажи, заимствованные из поэзии и древнейших преданий.

Так что моя книга – узор, составленный из старых мозаичных камней. Это – не портрет, поскольку никто не позировал мне при написании моего полотна.

Эта книга – повествование в восточном стиле. Это макамат – собрание эпизодов, рассказанных в едином повествовании. Немногое записывалось в то время в Азии, но многое передавалось из уст в уста. И когда мы изучаем времена Омара Хайяма, мы вынуждены больше полагаться на подробные описания свидетелей, чем на исторические летописи. Историография как наука была почти неизвестна в средневековой Персии до нашествия монголов с их китайскими летописцами. И конечно же нам и не снилось отыскать нечто подобное европейским романам.

Эта книга как сама жизнь, потому что автор не знает, как еще назвать ее. Эта работа – в чистом виде плод моего воображения, но опирающегося на действительность, выполненная в восточном стиле. Автор полагал, что, как Чингисхан может быть представлен

читателю более зримо в обстановке двенадцатого столетия в пустыне Гоби, чем подвергшийся современному анализу в исторической диссертации, так и кое-что в образе Омара могло бы быть открыто только благодаря описанию событий и обстановки, рассказанных в стиле, характерном для того времени и места действия. И в защиту этого моего видения проблемы я лучше всего приведу слова Каннингема Грэхама из предисловия к последнему изданию «Странников» (Wayfaring men):

«Так что я приношу извинения за отсутствие должного анализа, тщательности в раскрытии ложных фактов, но более всего за то, что я правдиво говорю об этом широкой публике; за то, каким образом я скрутил в один клубок обрывки осенней паутины и пушок семян чертополоха, стрекозиные крылья восточных сказаний и факты из старинных воспоминаний».

Наши знания об Омаре

История почти ничего не сохранила для нас из того, что можно было считать достоверными сведениями об Омаре. Мы считаем его дворцовым астрологом во время правления Малик-шаха. Мы убеждены, что он написал большинство четверостиший, обычно приписываемых ему; мы знаем его работы по алгебре, его комментарии к творениям Евклида, его исследования в области наиболее сложных разделов математики и астрономии и созданный им новый календарь. Существовал и его Дом Звезд («Обитель звезд») в Хорасане. Малик-шах, и это установленный факт, уважал его, в то время как Газали ссорился с ним. Его могила находится в городе Нишапур; он был рожден где-то в 1073 году, а умер за «несколько лет» до 1135 года[2].

И это все факты.

У нас есть предания, начиная с Низама из Самарканда[3] и кончая неопределенными, более поздними комментариями шестнадцатого столетия. Они сообщают нам, что он был:

– несчастным философом;

– защитником научной греческой школы и до некоторой степени последователем учения Авиценны (Ибн Сина);

– крайне свободолюбивым мыслителем для своего времени;

– лентяем и одновременно трудягой, в зависимости от ситуации;

– бесцеремонным в общении, обладающим едким острым умом, стремительным характером и феноменальной памятью: однажды он записал по памяти огромный фолиант слово в слово, прочитав его всего лишь семь раз;

– величайшим мыслителем своего времени.

Другие традиционные источники утверждают, что он избегал споров, если это было возможно, но давал волю языку без ограничения, если уж вступал в дискуссию, чтобы другие ученые уважали его; при его появлении на людях толпа отступала со словами «Идет учитель», но религиозные деятели испытывали к нему ненависть, а возможно, и боялись его. Предположительно, за ним шпионили запрещенные секты. И время от времени его жизни угрожали.

Считается, что он никогда не был женат, и похоже, нет никаких упоминаний о детях.

Эти традиционные источники создают непоследовательное, но ясное впечатление о характере этого человека. Мы можем добавить к этому отрицательные заключения, что он не вмешивался в политику своего времени; а время от времени сопровождая Малик-шаха в его походах, он, кажется, не был придворным льстецом, наподобие Му'иззи. По правде говоря, он, как представляется, являлся полной противоположностью Му'иззи.

Итак, у нас есть некоторые характерные черты человека, идущего своим собственным путем в полном одиночестве, открытого для общения с другими учеными, но независимого от них в своих мыслях. Более того, его суждения, легко определяемые нами через «Алгебру», позволяют сделать вывод о том, что он имел глубокие познания в таких областях, как уравнения третьего порядка, решенные геометрическими методами, и он использовал гиперболы, о существовании которых он не мог узнать у древнегреческих ученых и которые не были повторно открыты в Европе до появления Декарта. Он также изучал еще более трудные вопросы, некоторые из них просто невозможные, по его определению. Во вступлении к своей «Алгебре» Омар пишет:

«Однако я не имел возможности сконцентрировать свои мысли на ней, будучи остановленным некоторыми неприятными обстоятельствами. Мы страдали от недостатка людей науки, число их ограничивалось только группой немногих, тогда как нерешенных проблем оказалось великое множество. Большинство наших современников – псевдоученые, которые смешивают правду с неправдой, которые не поднимаются над обманом и которые используют то немногое, что они знают о науках, лишь для целей материального обогащения. Когда они видят выдающееся намерение человека искать правду или того из нас, кто предпочитает быть честным и отдает всего себя устранению неправды и лжи, избегая лицемерия и предательства, они

ненавидят и высмеивают его»[4].

Шахразури, который написал «Возрождение душ» приблизительно на столетие позже того времени, когда жил Омар, оставил нам интересное мнение по поводу его характера:

«Его известность в астрономии и философии стала бы притчей во языцех, если бы он только был способен управлять собой».

Нет никакого сомнения, что мы имеем дело со всепроницающим умом, обладающим необычайными способностями. То, что он подозревал, что Земля вращается на своей оси, – просто предположение. Некоторые из мусульманских ученых его времени верили в это. Но, если бы они провозгласили подобное мнение, они встретили бы ярое сопротивление со стороны ортодоксальных исламистов.

Четверостишия о Колесе Небес

По крайней мере однажды Омар высказывается в четверостишии, что он уверен во вращении Земли вокруг своей оси.

Рубай, начинающееся словами «Ин чарк-и-фалак…», я перевел следующим образом:

> Это Колесо Небес, которым мы поражены,
> Есть не что иное, как китайский фонарь,
> который все мы знаем,
> Солнце – свеча, Вселенная – тень,
> А мы возникшие из тени формы.

Персидский язык труден для перевода. Первые две строфы заканчиваются глаголами, имеющими противоположные значения, первое – «нам не постичь совсем», второе – «нам хорошо знакомо». Омар, очевидно, подразумевал, что нас ставит в тупик, озадачивает Колесо Небес, как, очевидно, он именует звездный круг знаков зодиака, тогда как китайский, или обычный, фонарь мы воспринимаем с достаточной готовностью.

Третья строфа понятна. Все переводчики соглашаются, что солнце – свет, или свеча, или лампа, в то время как земля или мир – тень. Но интересно, не означает ли персидское слово «алам» здесь Вселенную вместо Земли? Это – старое слово, означающее мир, но целый мир. Если Омар подразумевал Вселенную, он не мог использовать никакое другое слово.

И конечно же никакой астроном не стал бы думать о Солнце

как о свече в пределах нашей Земли. Пожалуй, даже просто образованному человеку не пришло бы это в голову. С другой стороны, восприятие Солнца как свечи безграничной Вселенной совершенно понятно всем.

Последняя строфа наиболее интересна, именно она дает повод переводчикам по-разному переводить ее значение. Никола пишет, что, подобно теневым фигурам от китайского фонаря, мы остаемся в оцепенении, в то время как Уинфильд представляет их как «дрожащие формы», а Гарнер и Томсон оба придают заключительному глаголу более активное значение «в то время как смертные всего лишь бестелесные создания, фантомы, тень от которых мы видим запечатленной на века» и «мы подобны фигурам, которые вращаются в этом мертвом мире».

Пожалуй, только Никола и Уинфильда я не стал бы критиковать за отход от персидского языка. Очевидно, что трудности перевода четверостишия испытал каждый, включая Фицджеральда. Но если допустить, что Омар думал о Земле как о вращающемся шаре, двигающемся в космическом пространстве и освещаемом Солнцем, в то время как мы цепляемся за поверхность Земли в своем невежестве, все, без сомнения, становится на свои места. Вспомните, что он использует китайский фонарь[5] для образного сравнения. А китайские фонари – не волшебные фонари, и при этом они не вращаются по кругу. И на них действительно изображены неодушевленные фигуры.

Фицджеральд, в свойственной ему манере, предлагает мысль Омара как красивое изложение без дословного перевода.

> Мы не что иное, как перемещающиеся цепью
> Волшебные Тени – призраки,
> которые рождаются и умирают,
> Совершающие свой круг
> по Освещенному солнцем Фонарю,
> Который держит в руке в полночь Владелец театра.

Омар и исламские ортодоксы

Тот факт, что Омар находился в конфликте с религиозным ортодоксальным исламом, не вызывает сомнения. С одной стороны, он был обвинен в том, что водит дружбу с вероотступниками ассасинами. Отзвуки того конфликта на территории Персии налицо. Часто, во время моего пребывания в

той стране, я спрашивал, почему Омар столь мало известен сегодня, и они отвечали дословно так:

– Мы, персы, имеем свою религию. Мы чтим труды Джалаледдина Руми, например, потому, что он вселяет в нас набожность. Он позволяет нам понять наши собственные мысли. А Омар Хайям был тем, кого вы называете «неверующим».

Нет никаких свидетельств, что Омар имел какое-либо общение с Хасаном или проповедниками из числа ассасинов. Но легенда о трех одноклассниках, Низам ал-Мулке, Омаре и Хасане, появившаяся много позже после их смерти, согласно которой все трое посещали одну школу и договорились помогать друг другу по ее окончании, позволяет предположить его близость к Хасану. И Омар, и Хасан являлись духовными лидерами Персии того времени; они появились на сцене в одно время и умерли с разницей до года друг за другом, Хасан был почти вездесущ в своих перемещениях по стране, и это было в его правилах приглашать людей, обладавших выдающимися способностями, в Аламут. Таким образом, весьма вероятно, что Омар был одним из гостей Аламута.

Мусульмане того времени путешествовали больше, чем в наше время. И поток интеллектуальной жизни был полноводным после того великого одиннадцатого столетия в Багдаде. Каждый, кто мог, совершал паломничество; известны путешествия ибн Юбера, аль-Бируни, Назира-и-Хосрова и многих других людей того времени. Сам Малик-шах провел в седле большую часть своего царствования. Могущественные караваны из Китая, Индии, Константинополя прошли через Хорасан. Весь исламский мир был, если так можно выразиться, на колесах.

Омар Хайям совершил паломничество, неизвестно только, в Мекку или Иерусалим. Его четверостишия создают впечатление, что он не прожил большую часть своей жизни, подобно Хафизу, на одном месте; без сомнения, он сопровождал Малик-шаха в его походах, а Малик-шах находился в Сирии в 1075 году, когда его сельджукские турки взяли Иерусалим.

Когда я был в Персии, я встретил очень мало людей, знакомых с могилой Омара, хотя они много рассказывали мне о местах погребения Хафиза, вне стен Шираза, и Авиценны в Хамадане. Один человек рассказал, что он слышал, как мешхедские паломники пытались найти в Нишапуре могилу Омара Хайяма, чтобы плюнуть на нее.

В Персии сегодня стихи Хафиза, Джаами, эпос Фирдоуси и выдающиеся творения Руми, его «Месневи», оцениваются много выше четверостиший Омара, которые менее известны и менее востребованы. По правде говоря, я не испытывал никаких

трудностей в приобретении хорошо изданных книг Хафиза, Джаами и Руми, но ни разу не встретил ни одного издания стихов Омара.

Известно, что календарь Омара был отменен сразу после смерти Малик-шаха и что Омар на старости лет оказался, можно сказать, в опале, вне двора, добровольно или по воле владыки, и вне академий[6].

Зная все это, представление об этом человеке становится более ясным и нам. Но есть еще одно мерило, помогающее нам понять его, а именно – его рубай.

Четверостишия

Я читал в первоначальном персидском варианте большинство стихов, которые, полагают, принадлежат перу Омара. Мой перевод тех стихов разбросан по диалогам Омара повсюду в этой книге.

Но при изучении четверостиший создается более ясное впечатление об его индивидуальности. Не по сравнению с современными идеями, а по сравнению с письменами и известными персонажами и мыслями людей того времени. Ощущая, а это соответствует действительности, присутствие Омара, возникающего из его четверостиший, и накладывая этот призрак на яркие примеры стремлений, безумия, догмы, суеверия и тоски, получаешь четкий образ героя.

Он – из числа тех, кто, подобно Авиценне, восстал против догматов своего времени. Тогда как восстание Авиценны оставалось умозрительным, Омар был страстен в своем сопротивлении им.

Восточные ученые, да и сами персы уверяют нас: несмотря на многие культы и школы мыслителей, которые объявляют себя последователями Омара в настоящее время, поэзия Омара является отражением его собственной жизни. Это – плод его жизненного опыта, лишь время от времени находивший отражение на листе бумаги. Они не предназначались, как мы теперь говорим, «для печати».

Читая их в оригинале, нельзя избежать ощущения, что его поэзия предельно реалистична. Когда Омар говорит о вине, он имеет в виду вино; он не использует скрытых аллегорий суфиев и мистицизма своего времени. Когда он говорит о девушке, эта девушка из плоти и крови.

Но одновременно мощное воображение рождает иные образы. Когда Омар рассматривает кубок, он подчеркивает, что создатель

этого кубка не разбил бы его о землю, тогда как самые прекрасные человеческие тела всегда искорежены или изуродованы под воздействием болезни, неизбежной судьбы. Он наливает вино из глиняной фляги и задается вопросом, не была ли эта глина когда-то воздыхавшим влюбленным, подобно ему прижимавшим губы к губам любимой, руками обнимавшим ее шею. Пьяное воображение? Весьма вероятно.

Но это вовсе не натуралистический реализм Назира-и-Хосрова, который мог говорить о высоких чувствах у навозной кучи: «Имея все богатства мира, я здесь дурак, что жаждал этого» – или удивляться: «О, почему ты сделал губы и зубы дикой красоты столь притягивающими глаз?»

И при этом его меланхолия весьма нетипична для многих персидских авторов, которые бывали часто более остроумными и более витиеватыми, нежели Омар Хайям. И правда, выводков лис и львов, устраивающих свое логово во дворце, где когда-то Джамшид высоко поднимал свой кубок, предостаточно. Но вот образ Бахрейна, устанавливающего множество ловушек и капканов на животных и пойманного наконец в ловушку смерти, не столь типичен.

Многие персы той поры могли бы написать: «Смотри, как соловей цепляется за розу!» Но в воображении Омара ветер сдувает красоту розы и рассеивает ее лепестки по земле, а человек может наслаждаться минутами отдыха под таким розовым кустом, который растет из земли, и быть погребенным в эту землю. Может, Хайям вспомнил об этом, когда сказал Низами из Самарканда, что его могила окажется там, где цветы опадают дважды в год?

Стихи Омара лишены типичных образов своего времени. Они страдают многочисленными труднообъяснимыми переходами из одного состояния в другое. С одной стороны, в них присутствует мотив огня, который пылает так часто: «Хайам, упавший в печь печали» и «О горение, горение, пепел. О ты, ставший огнем Ада, сделавший его таким ярким».

Омар горюет о молодости, оставляющей его; он кричит тому, кто подносит ему чашу, чтобы поспешил, потому что ночь его кутежа проходит. Он оплакивает друзей, которые оставили его одного на празднике жизни. Он вторит эхом рефрену Вийона: «Напился сильно страж градской в ночи». И все же Вийон мог написать себе свою собственную эпитафию, как человек, которого повесили, и он, раскачивающийся по воле ветра, обращается с молитвой об избавлении к «принцу Иисусу, который все равно владыка», в то время как Омар может вопрошать, вопрошать и вопрошать Всевышнего.

Его предсмертный стон слышен почти в каждом четверостишии. Луна, которую он любил, взойдет и зайдет, когда его не станет; цветы цветут на берегу горного потока, и он не должен наступить на них, потому что чья-то очаровательная головка может быть захоронена под ними; тело любимой – это не больше чем глина, на которой цветут цветы; его товарищи оставили его, и они никогда не вернутся снова.

Несмотря на версии различных переводчиков, Омар не молит о прощении, никогда не высказывает обвинений. Он задается вопросом, почему вино должно быть грехом, когда оно приносит избавление от воспоминаний. Время от времени он бросается высмеивать тех, кто предлагает успокоение иное, чем в вине, которое преобразовывает боль в забвение. Что еще может уменьшать его агонию?

Столь непрерывно это упоминание боли, что тот, кто следует за ним от четверостишия к четверостишию, становится сопереживающим эту боль. Нет никакого облегчения. Вам невольно хочется отбросить ее, дать отсрочку агонии борющегося духа. Но нет никакой отсрочки. Вы чувствуете, как человек умирает у вас на глазах и что он знает об этом. «Не поносите вино; в нем горечь лишь только потому, что вино – моя жизнь».

Возможно, простое человеческое страдание – особенность, которую мы не разглядели в Омаре.

Фицджеральд

Более семи столетий спустя после смерти Омара появился духовно близкий ему человек, который по крупицам собрал вместе стихи Омара и из них создал один из шедевров современной литературы.

Огромная популярность «Рубай Омара Хайяма» Эдварда Фицджеральда вызвала многочисленные обсуждения и комментарии.

Вопрос относительно того, сколько вошло в «Рубай» принадлежащего Омару, а сколько – Фицджеральду, обсуждался годами.

Но тот, кто читал в оригинале персидские четверостишия, не может не отметить, что Фицджеральд создал нечто новое и целостное из фрагментов стихов Омара. При этом Фицджеральд позаимствовал немного и у Хафиза, кое-что – у Авиценны. Он не переводил четверостишия Омара, а красиво излагал их.

Фицджеральд не написал ничего иного, что можно было бы сравнить с изложением Омара, и самые способные ученые не

смогли бы в дословном переводе сравняться с неподражаемым изложением Фицджеральда.

Возможно, размышляя о четверостишиях Омара, этот немногословный англичанин почувствовал кратковременное озарение, связавшее воедино паутину стихов, пушок семян чертополоха, и воссоздал образ волшебного гобелена, сотканного из крыльев стрекоз.

Часть первая

Глава 1

Улица Продавцов Книг в старом городе. Нишапур, Хорасан. Год 1069-й по христианскому календарю

Тенистая улица, увитая виноградом, укрывавшим ее от яркого солнечного света, пролегла от пятничной мечети до парка. Где-то посередине, там, где улица совершала свой поворот, рос гигантский платан, у основания которого журчал фонтан.

Женщины, приходившие сюда со своими кувшинами за водой, любили посидеть в тени раскидистого дерева. Они ставили на землю наполненные водой кувшины и, перешептываясь, обменивались новостями, тогда как мужчины дремали в лавках, а ученики медресе, пробегая мимо лавочников, дразнили их:

– Эй вы, книжники, просыпайтесь!

Их крики всегда заставляли Ясми поеживаться. Юноши никогда не обращали на нее внимания, ведь она носила девичью белую накидку – чаршаф, закрывавшую лишь половину лица.

Эти юнцы пробегали мимо широкими мужскими шагами, а иногда даже бросали камнем в ее серого котенка. У некоторых пробивался легкий пушок на подбородке.

Ясми уже исполнилось двенадцать лет, она считала себя взрослой красавицей. Поэтому возмущалась тем, что носит детский чаршаф. Если бы ей позволили надевать полный чаршаф и она смогла бы поглядывать на юношей лишь из-за ставней женской половины дома, они непременно заинтересовались бы ею.

Но она помогала отцу в книжной лавке, а отец был стар и слаб, он с трудом двигался, потому что почти ослеп от пристального изучения всех этих заумных рукописей. Он больше думал об украшенном рисунками листе в труде Авиценны, чем о дочери. И его жены замечали Ясми только тогда, когда вспоминали, что ей можно дать какое-нибудь поручение.

Ясми слушала иногда, как отец читает мальчикам, но получала от этого мало удовольствия. Разве могла она понять, какие очертания приобретает созвездие Диких Гусей в ночном небе? Подобная премудрость – привилегия мужчин. Считалось даже, что у женщины и души-то нет, так что они были почти тем же, чем лошади и кошки.

Ясми поддерживала порядок в отцовской лавке, отыскивала для старика все, чего он сам не мог найти, и бегала по его поручениям в дом. А в промежутках она вышивала накидку или

играла с серым котенком, усевшись таким образом, чтобы видеть все происходившее на обоих концах улицы Продавцов Книг.

Двое старшекурсников часто останавливались у лавки. Тот, что повыше, был Рахим – Рахимзаде, сын землевладельца. Он носил широкую красную с коричневым кабу[7]. Ясми это нравилось. Другой же вечно склонялся над книгами и читал вплоть до закатного часа, когда темнело и владельцы лавочек выходили на вечернюю молитву.

В тот вечер, когда Рахим купил книгу с картинками, ее отец сходил на угол и вернулся с большой плошкой карамели для Ясми. Она с благодарностью ела сладости, так как они были баловством в доме, где царила бедность, а ее отец сидел погрузившись в раздумье.

Рахиму очень хотелось получить этот рисунок на обратной стороне обложки, изображавший султана верхом на лошади, поражающего своим мечом неверного…

Все это принадлежало миру мужчин, о котором Ясми ничего не знала. В своем воображении она создала образ, который лелеяла, – образ спокойного и царственного эмира, в одеждах из бархата и Дамаска, скачущего на белом коне по улице Продавцов Книг в сопровождении дюжины вооруженных саблями турок.

Этот достопочтенный принц взглянул бы на Ясми глазами, полными страсти, и одарил бы ее отца подарками из серебра и алебастра в обмен на его согласие отдать ему Ясми. И увез бы с собой в свой дворец у реки, где он укрыл бы ее от чужих глаз в павильоне с белыми лебедями и шелковыми занавесками и серебряными блюдами, полными засахаренных фруктов.

Всадник на белом коне всегда оставался бы предан ей всей душой и не стал бы обращать внимание на остальных своих жен, а ее дети стали бы для него самыми любимыми. Он никогда не позволил бы себе смеяться над нею…

– Рахим слишком много смеется, – заметила она.

– Да, – согласился с ней отец. – Ты права. Но почему бы ему и не веселиться, если он рожден благородным господином и к нему приставлены слуги, чтобы бегать туда-сюда по первому его требованию?

На секунду Ясми представила Рахима на месте эмира на белом коне. Это было бы неплохо. Однако Рахим оставался Рахимом. Однажды он бросил ей медную монетку, и она полировала ее до тех пор, пока та не стала блестеть почти как золотая. Она недоумевала, почему Рахим повсюду ходил со своим другом, сыном Ибрахима.

– Сын Ибрахима, – решила она, не выпуская из рук серого котенка, рвавшегося на улицу, – всегда молчалив. Наверное, он

злой. Мне он не нравится.

Этот юноша ни разу даже не взглянул на нее. Обычно он спешил вниз по улице в своей аббе[8] из верблюжьей шерсти, спадавшей с его широких плеч, и в небрежно накрученной чалме, словно его совсем не заботила одежда и то, как он выглядел. Он нетерпеливо пробирался сквозь вереницы бредущих ослов и под шеями верблюдов, словно ничто не могло свернуть его с выбраной им дороги. Бывая в лавке ее отца, он с той же решимостью погружался в чтение и брал одну книгу за другой, пока Рахим и ее отец беседовали о чем-то между собой.

– Ибн Ибрахим? – пробормотал ее отец. – О, этот не отличается молчаливостью в школе. Он спорит и насмешничает. На все воля Аллаха всемогущего, но добром это не кончится.

О насмешках Ясми знала предостаточно, ей не надо было ничего объяснять. Живя на женской половине, она на себе прочувствовала, что такое насмешки. Но день, когда камнями чуть не забили ее серую маленькую кошечку, дал ей повод для размышления.

Котенок сбежал, и Ясми отправилась его искать.

– Малеки, Малеки! – в отчаянии кричала она, пока не обнаружила свою любимицу на ветке платана на повороте улицы.

Но Малеки явно не собиралась спускаться по доброй воле. Полдюжины школяров из медресе бросали в котенка мелкими камешками, сначала лениво, от нечего делать, но потом все более распаляясь, с какой-то исступленной беспощадностью.

– Прекратите! – пронзительно закричала Ясми.

Но они не останавливались, и девочка разрыдалась.

Малеки казалась совсем беспомощной, она съежилась от страха, пытаясь удержаться на ветке. Ясми протиснулась сквозь толпу мальчишек и затопала ногами. Слезы текли по ее щекам. Она отчаянно рванулась к дереву и стала карабкаться на него, перебираясь с ветки на ветку, пока не добралась до котенка. Как только она взяла любимицу на руки, юнцы прекратили бросать камни. Мальчишки утратили к котенку всякий интерес и ушли прочь, дальше по улице.

Но когда Ясми спустилась до нижней ветки, посмотрела вниз и испугалась. До земли было еще слишком далеко. И как это ей удалось взобраться сюда?! Прыгать, да еще с котенком в руках, казалось невозможным. Мужчины покинули свои лавки и уже направились большой толпой в сторону мечети. Никто из них не обратил внимания на девочку, каким-то образом оказавшуюся на дереве. Никто, кроме юноши, который подошел и остановился прямо внизу под ней.

– Прыгай, – серьезно сказал он, протягивая ей руки.

То был сын Ибрахима. Ясми не захотела прыгать.

– Нет, – покачала она головой.

– Йа-а бин! – Он подпрыгнул и, подтянувшись, уселся на ветку рядом с ней. – Ох уж эти девчонки!

Не успела она оглянуться, как он, обхватив ее вместе с котенком, спрыгнул. У Ясми перехватило дыхание. Серая кошечка жалобно попискивала, вцепившись в чалму мальчика. Когда они очутились на земле, сердце Ясми отчаянно колотилось в груди. Ибн Ибрахим улыбался, глядя на нее сверху вниз своими темными лукавыми глазами.

Он отцепил Малеки.

– О аллах, – сказал он, – обе вы такие цепкие!

Ясми вытерла слезы и выкрикнула:

– Не дразнись!

Но тут же испугалась и убежала в тень виноградной беседки. Весь тот вечер она вспоминала его смеющиеся глаза, обращенные к ней, и играющие мускулы его сильных рук, которые удержали ее.

С тех пор Ясми могла думать только о нем, о сыне Ибрахима. Теперь она не рассматривала всадников, проезжавших вдоль парка в конце улицы, она садилась там, откуда могла наблюдать за воротами медресе, и, когда в них показывались ученики и среди них мелькала его по-юношески нескладная фигура, Ясми стыдливо отворачивалась, пряча вспыхивающие щеки.

Правда, краешком глаза девочка наблюдала за ним. Она вдруг заметила, как прямо он держался и как уверенно ступали его сандалии по гладким камням. Его губы были полны и алы, а когда он улыбался ей, его смуглое лицо становилось нежным.

Дабы привлечь его внимание, Ясми испробовала самые разные способы. Как-то, взяв пудру своей старшей сестры, она напудрила лицо и насурьмила веки и ресницы. В другой раз сплела венок из цветов жасмина и якобы случайно (она видела, как ее сестра прибегала к подобной уловке) уронила этот венок, когда Омар проходил мимо лавки. Юноша поднял венок и положил его обратно ей на колени, а затем продолжил свой путь, после чего Ясми целый час скрывалась от людских глаз.

Волнение и смущение переполняло девочку. Не слишком ли далеко она зашла?

Ясми долго изучала себя в бронзовое зеркало своей матери и решила, что она красавица. Она воображала себя укрытой паранджой и покрывалом; таинственной и соблазнительной, будто ее благосклонности добивались мужчины, как если бы она родилась дочерью эмира. Когда женщины считали ее мирно спящей в своем углу на стеганой подстилке, она доверяла свои

фантазии серому котенку, она думала об ибн Ибрахиме.

Когда он приходил в лавку, Ясми наблюдала за каждым его движением: как он устраивался читать на краешке коврика, куда падал солнечный свет; какие книги он выбирал; как он хмурился и водил пальцем по исписанным местам. В лавке была одна книга, которую этот юноша особенно часто рассматривал.

Когда лавка оставалась в полном ее распоряжении, Ясми перелистывала эту книгу с множеством рисунков, полных кругов и линий и странных квадратов, разрезанных на части. Она не сумела бы прочитать эту книгу, но запомнила ее хорошо и однажды решилась спрятать ее среди других больших рукописей.

Когда Рахим и ибн Ибрахим вошли, она улыбнулась высокому студенту, и оба юноши посмотрели на нее.

– Эх, Ясми, – сказал ей Рахим, – какая новорожденная луна или гурия может соперничать с твоей красотой?

«Какие, – подумала она, – красивые слова и приятная речь». Она потупила очи, а потом вскинула их внезапно так, чтобы Рахим мог их оценить.

– О, я ведь беззащитен. У меня нет щита, чтобы отразить подобные разрушительные стрелы твоего очарования. Будь милосердна! – продолжил он свои хвалебные речи.

Ясми улыбнулась ему, но прислушивалась, не ищет ли ибн Ибрахим свою книгу. Девушка притворилась, будто нечаянно опрокинула груду рукописей, и выхватила из нее красную книгу с рисунками. Но при этом она случайно порвала страницу поперек. И в этот момент послышались медленные шаги приближавшегося отца. Он не видел случившегося. Ее сердце гулко застучало, когда она вспомнила, что это был один из самых лелеемых им фолиантов. Отец заметил порванный уголок, торчавший из книги.

– Это я случайно порвал страницу, – внезапно произнес ибн Ибрахим. – Придется мне купить эту книгу. Какова ее цена?

– Евклид со всеми диаграммами?! – Ее отец не скрывал своего удивления. То была дорогая рукопись, и оба они, Рахим и ее отец, знали, как мало мог себе позволить потратить сын Ибрахима.

– Даже в библиотеке Нишапурской медресе нет такой копии со всеми диаграммами, – начал было отец Ясми.

– О, – вмешался Рахим, – я куплю эту рукопись, поскольку я хотел сделать подарок Омару, сыну Ибрахима Палаточника[9].

Омар вспыхнул и сжал красную книгу в своих сильных пальцах.

– Но не говори только, о ты, продавец старых книг, – рассмеялся Рахим, – будто эта книга принадлежала самому султану Махмуду и он всегда хранил ее подле своего золотого трона. Красная цена ей не больше четырнадцати динаров[10],

поскольку принадлежит она перу неверного грека, умершего давным-давно.

– Нет. – Отец Ясми начал торг. – Даже простой список с этого экземпляра без чертежей стоит вдвое дороже. Один лишь переплет…

Битый час Рахим и ее отец обсуждали цену, и все это время Ясми напряженно вслушивалась, догадываясь, как хочется Омару обладать этой книгой. Наконец Рахим приобрел ее для друга за девятнадцать золотых динаров и несколько медных монет. Про порванную страницу больше никто не вспоминал.

Оба студента покинули лавку, и Ясми увидела, как Омар остановился и вытащил из пояса свой пенал, покрытый изящной росписью. Он сунул пенал в руку Рахима и отбежал, отказываясь принимать его обратно.

Тот вечер стал незабываемым для сына Ибрахима Палаточника. Придя домой, Омар поспешно проглотил ужин, вымыл руки в фонтане и тщательно вытер их о чистую овчину. Он принес еще одну лампу, зажег ее от факела, который светил во внутреннем дворе, затем направился в свою комнату.

Это была глиняная надстройка на крыше дома, предназначенная для сушки лука и пряностей. Юноша выбрал ее, поскольку она стоила ему всего лишь несколько медных монет за лунный месяц, и именно там он находил по ночам уединение, и именно там перед ним открывалась вся панорама звездного неба.

Когда дуновение ночного ветра проносилось над равниной, пучки связанной травы и луковые косы шелестели, словно ветер давал им жизнь. Лежа на своей стеганой подстилке, Омар мог вдали, над крышами домов, видеть круглую башню дворца султана.

Сейчас он облегченно вздохнул, заметив, что нет ветра. Он зажег еще одну лампу и поставил обе лампы в стенную нишу. Положил книгу Евклида на отполированную доску для письма и начал медленно, с трепетом переворачивать страницы. Все это было намного интереснее занятий в классной комнате, где они, как попугаи, повторяли сказанное наставником.

Его взгляд под густыми, высокими дугообразными бровями стал сосредоточенным. Рука потянулась за чернильницей с пером и листом хлопковой бумаги, с которой он смыл причудливые письмена прежних лет. С помощью линейки и циркуля юноша нарисовал конус и аккуратно разделил на части.

Ряды цифр выходили из-под его пера, и он погрузился в вычисления. Вся окружающая его обстановка – глиняный навес, лампы, даже книга – уже не существовала для него. Он работал… Вдруг знакомые звуки на мгновение отвлекли его.

То был голос муэдзина, созывавший на ночную молитву, и смутное беспокойство охватило юношу. Он должен вознести молитву – книга в его руках была написана неверным. Он прищурился на лампу и вновь погрузился в вычисления.

Перед наступлением полуночи его снова потревожили. Внизу, на улице, он услышал звуки шаркающих бегущих ног, потрескивание факелов и хриплый голос. Подойдя к краю крыши, он увидел толпу, собравшуюся вокруг изможденной фигуры в черной чалме вокруг головы.

– Слушайте, о благоверные!

Фигура распростерла руки, и Омар узнал в нем ханбалита[11], фанатичного приверженца ислама.

– О благоверные! Настанет день, он близок, когда вы, погрязшие в праздности и лени, будете призваны. Наступит день, когда вам придется браться за меч против неверных. Когда тот день наступит – вы услышите трубный клич, призывающий вас покинуть свои постели в обители праздности, и взяться за меч, и гнать неверных, как гонит большой ветер песок перед собой. Внемлите моему предупреждению!

Весь в лохмотьях, ханбалит бил себя в грудь, оглушая в ночной тишине своим голосом зевак, следовавших за ним. Омар слушал внимательно, поражаясь и восхищаясь его красноречием. Но разве когда-нибудь султан не вел войн?!

Когда ханбалит удалился и его «О благоверные!» постепенно стихло и сменилось привычными смутными звуками, доносившимися с плоских крыш, Омар засмотрелся на созвездия. Неожиданно для себя он зевнул. Потянувшись своими длинными руками, он загасил лампы и лег на подстилку, натянув одеяло из верблюжьей шерсти на плечи. Еще через минуту он уже спал.

Случай дал Ясми шанс, на который она так надеялась. Мать послала ее за водой. Было легко нести пустой кувшин к фонтану под платаном; когда кувшин был заполнен, Ясми замешкалась, прежде чем попытаться поднять его над своей маленькой головой. Тут-то и появился Омар и остановился напиться воды, подставив под струю ладонь. В руках юноши не было книг, он не спорил с друзьями, и он задумчиво и серьезно, без улыбки, поприветствовал Ясми.

– Погоди, скажи мне, – торопливо заговорила она прежде, чем он повернулся к ней спиной.

– Что сказать?

Она боялась, что он уйдет, так и не поговорив с ней.

– Мой отец говорит, будто ты – насмешник. Почему? Ведь это плохо.

Омар посмотрел на нее так, словно увидел перед собой попугая, который внезапно заговорил.

– Ведь намного лучше, – выпалила она, – не обижать людей и не дразнить их. Тогда… тогда они время от времени дают тебе сладости. Сколько тебе лет? И чем ты занят, когда не учишься в медресе, не размышляешь и не сидишь рядом с Рахимом?

– Что ж, слушай. – Омар улыбнулся. – Мне семнадцать. Иногда я хожу в лавку своего отца, он был из гильдии швецов шатров и палаток. Но он умер. А… Рахим… Рахим уезжает.

Ясми дрожала от любопытства. Она пугливо и смущенно посмотрела на юношу и освободила ему место на камне рядом с собой.

– Расскажи мне, – порывисто заговорила она, – кем бы ты хотел стать? Чем ты занят там, в своих мыслях, когда у тебя нет дел и тебе не надо носить ни детей, ни воду, ни стирать…

Она запнулась, с тревогой сообразив, что у студента, позволявшего себе спорить с преподавателями медресе и умеющего читать суры из Корана, которые знал наизусть, были совсем иные занятия, нежели у нее, бедной простушки. Но ее опасения оказались напрасными, потому что Омар присел рядом.

– Мне бы хотелось иметь обсерваторию, – с задумчивой мечтательностью произнес он.

Она не понимала, о чем он говорит, но проявила осторожность, стараясь не допустить второго промаха.

– А потом?

– О, карту небесной сферы и таблицы звезд Птолемея.

Для создания обсерватории необходимо было значительно больше. Ясми показалось, что Омар мечтает о башне звездочета, которая будет принадлежать только ему, – нечто подобное павильону с белыми лебедями из ее собственных грез.

– Я поняла! – кивнула девочка. – Ты хочешь стать магом, как Сиди Ахмед, и читать судьбу по звездам.

Старшие женщины у них дома ревностно почитали Сиди Ахмеда, предсказателя.

Омару ее слова не понравились. Он нахмурил брови и заскрежетал зубами:

– Отец дураков, ревущий осел… со всей его чепухой, бормотаниями абракадабры и с этими его гороскопами!

Выходило, Омар не верил в предсказателей. Ему хотелось совсем иного. Но проворный и живой ум Ясми все же смутно понимал желания Омара. Юноша хотел использовать свою обсерваторию, чтобы измерить время. Для Ясми понятие времени начиналось с восхода солнца и первой из пяти молитв и заканчивалось светом звезд. И несомненно, имелась еще луна,

дабы отмечать начало и конец месяца.

Омара, однако, не удовлетворяла луна. Луна совершала свой путь, оставляя много часов времени за пределами каждого года. Почему люди должны терять эти часы? В этой потере виновата луна, но люди не хотят оставлять привычку все мерить луной и начать истинный отсчет времени.

Ясми понимающе кивала ему, думая совсем о другом. Если бы Омар смог обзавестись своей обсерваторией и если… если бы он сумел полюбить ее хоть немного, она бы убирала там, и стирала бы для него чалму, и расшила бы ему шлепанцы. И они вдвоем прожили бы все отведенные им часы жизни в этой его обсерватории.

Теперь уже Ясми больше не хотела идти домой. Ей хотелось слушать голос сына Ибрахима, смотреть, как солнечные блики играют на его гладкой коже, а его глаза то вспыхивают, то гаснут. Она поняла, что без Омара жизнь ее станет пуста и ничто, ничто никогда не будет ее радовать. Она незаметно придвинулась к нему ближе, сжимая в руке розу, которую сорвала, чтобы приколоть к своим волосам.

– Тебе нравится? – едва слышно спросила она, когда он исчерпал свои обвинения в адрес луны.

– Что? О, это! Почему… – Он взял цветок и вдохнул его аромат. – Это твоя?

– Да, но мне хочется, чтобы ты ее взял… – пробормотала она, – и сохранил…

Ясми видела, как однажды ее сестра бросила бутон розы сквозь решетку балкона и молодой человек из Багдада подобрал его и прижал к своему сердцу. Ибн Ибрахим же только молча смотрел на розу; его мысли остались где-то далеко, рядом с луной. Ясми постаралась снова вернуть его к себе.

– Если у тебя появится твоя обсерватория, – Ясми думала, что обсерватория должна чем-то походить на круглую башню дворца эмира, – я буду рада.

Омар улыбнулся:

– Сколько тебе лет, Ясми?

– Почти тринадцать, – прошептала она. Девочка слышала, как ее мать и другие жены говорят, будто девочку можно выдавать замуж в тринадцать.

– Когда тебе исполнится тринадцать, я пошлю тебе розы, много роз.

И он ушел, удивляясь тому, почему он столько всего наговорил этому ребенку в полосатом платьице с голодными глазами. Но Ясми не двинулась с места, ее темные глаза выдавали внутреннее волнение. Все ее тело трепетало от

восторга. Звон ослиных колокольчиков и чьи-то крики доносились до нее, будто издалека. Вся улица словно переменилась, и все эти люди стали для нее незнакомцами. Где-то там, в глубине души появилось чувство, что никогда больше ничего не вернется и не станет для нее опять привычным…

Она не возражала, когда женщины отшлепали ее за баловство с водой у фонтана. Через некоторое время она выбежала и сорвала цветок розы с той же самой живой изгороди и отнесла его вместе с серым котенком в свой угол, где спала на стеганом одеяле.

– Пора бы, – заметила одна из женщин на следующий день, – и Ясми надеть покрывало и держать ее дома. Клянусь душой, все видели, как она битый час торчала у фонтана, болтая с каким-то безбородым студентом.

– Больше она не будет помогать в лавке, – согласилась ее мать.

Ясми ничего не сказала. Этого следовало ожидать. Наконец она наденет покрывало взрослой девушки, которой предстоит выйти замуж. Она не сомневалась, что никакие стены и решетки не смогут помешать ее любви. Но Омар пропал.

Глава 2

Караван-сарай в горах у великой дороги Хорасана в трех неделях пути груженого каравана на запад от Нишапура

Никто не спал в те первые ночные часы, просто потому, что никто не мог заснуть. Костры из колючего кустарника потрескивали на открытом внутреннем дворе; верблюды похрюкивали, мычали и вздыхали в отведенных им местах, где они могли улечься, подогнув колени; лошади жевали сено по углам, кругом бродили нищие со своими чашами и бесконечным «йа хакк».

Вокруг пустых котлов сидели мужчины, слизывая с пальцев остатки жира и риса, прерывая это занятие, чтобы бросить горсть сухих фруктов или медяшки в чаши нищих. Все они были настроены к нищим благодушно и по-своему проявляли щедрость, поскольку оказались втянутыми в опасное дело, весьма опасное. Впереди им предстояло много испытаний, а раздача милостыни считалась благочестивым делом и могла помочь заговорить судьбу.

Хозяин караван-сарая, напротив, кричал, что он не Моисей, чтобы найти воду там, где последние запасы воды исчерпаны, и подсчитывал монеты в своем потайном кошельке. То были беспокойные дни для его караван-сарая на хорасанской дороге; даже теперь, к середине зимы, ежедневно сотни людей, направлявшихся дальше на запад, чтобы присоединиться к армии, останавливались на постой.

Подстилки из овечьих шкур заполняли каждый сантиметр крытой галереи вокруг внутреннего двора. Кое-кто жег уголь в жаровнях, и отблески пламени освещали бородатые лица сгрудившихся кругом мужчин. Хорасанцы, персы и арабы, кутаясь в стеганые чапаны или меховые накидки, улыбались и что-то оживленно обсуждали, радуясь отдыху после невыносимо резкого горного ветра. Только гладко выбритые лица турок с маленькими глазками и высокими скулами оставались безразличными. Они привыкли к стуже, эти выносливые всадники из степей Центральной Азии; они были приучены к войне и скитаниям и при любых обстоятельствах не отличались многословием.

Рахим-заде, сын нишапурского землевладельца, к счастью, имел свою жаровню, а красивый и теплый халат, отороченный соболем, не позволял ему мерзнуть.

Однажды ночью в Нишапуре, когда он пил вино, укрывшись

за запертой дверью, он услышал вопли фанатика ханбалита, и они, казалось, прозвучали как предостережение. Рахим, обычно равнодушный и ленивый ко всему, кроме развлечений, почувствовал, что и он должен обнажить свой меч в этой войне, после чего они вдвоем со своим молочным братом Омаром из рода швецов шатров, сопровождаемые толпой вооруженных слуг, отправились на соединение с войсками султана Алп Арслана, далеко на запад.

– В конечном счете, – заметил он, – это будет более захватывающее развлечение, чем преследовать антилопу в степи.

Семья Рахима принадлежала к старинной персидской знати, более древней, чем греческая. Его отличали безупречные манеры и пристрастие к крепленым винам. Он неплохо играл в нарды, но игра его быстро утомляла.

– Ай-ва-алла, – пробормотал один из его спутников, – как холодно.

Рахим зевнул. Было и правда достаточно холодно, да и грязно. Кроме того, в его спальные подстилки забрались клопы. Он поднял глаза и посмотрел на хозяина караван-сарая, который стоял за его плечом и не уходил.

– Может, это доставит удовольствие достопочтенному молодому господину, – зашептал малый, – там, в доме позади караван-сарая, у нас остановились женщины.

Достопочтенный молодой господин не проявил признаков раздражения или неудовольствия, и хозяин караван-сарая нагнулся ближе к его уху.

– Кое-кто из них из самого Багдада, весьма славные и хорошо обучены, – прибавил он, раскрашивая свой домысел об обитательницах соседнего дома, якобы тоже путешественницах. – Если предводитель воинов желает развлечься…

Поколебавшись, Рахим поднялся.

– Передайте сыну Ибрахима, – приказал он слугам, – я ушел ненадолго… побеседовать с друзьями.

– О горе мне, – пробормотал человек, который сильнее всех страдал от холода.

Люди из отряда с завистью посмотрели на Рахима, когда тот последовал за хозяином караван-сарая к лестнице. Для простых воинов женщин здесь не нашлось, но, если на то будет воля Аллаха, после того как сражение с неверными завершится, рабов хватит на всех. Погревшись еще у жаровни, все отправились спать.

Было уже поздно, когда Рахим возвратился, переступая через обессиленные тела спящих, укутанных в покрывала, словно в погребальные саваны. Он был утомлен и явно не в духе.

Омар, привстав на колени на подстилке, раздувал жаровню и подвинулся, уступая место своему молочному брату.

– Откуда ты?

– Будь проклята вся порода хозяев караван-сараев, да пройдут они все семь кругов ада и задниц, – пробурчал Рахим. – Чтоб им землю есть!

Он рывком бросился на подстилку, довольный тем, что Омар не спит и есть кому пожаловаться.

– А ты-то где был?

– Бродил вокруг. О, там большая жизнь на дороге.

Омар улыбался: дорога всегда влекла и манила его, особенно дорога, пролегавшая по пустыне, ведь он родился в пустыне и в его жилах текла кровь арабских кочевников.

– Вон там – большой лагерь, а в лагере разбит шатер не меньше самого нишапурского дворца. И все вокруг заполонили вооруженные турки, с золотом, сверкающим на их шлемах. Мне удалось понять кое-что из их разговоров. Какой-то принц остановился там на ночлег. Я видел его.

Рахим вздохнул. Чем бы ни занимался Омар, он весь отдавался этому занятию, с головой уходя в него, стараясь все потрогать и проверить на себе. Война явилась для ибн Ибрахима чем-то новым, неизведанным, и он изо всех сил пытался больше узнать о ней. Он рассматривал незнакомых всадников, расспрашивал тех, кто останавливался на привал, и даже исследовал баулы, сгруженные с верблюдов. Омар нашел приключением даже переход вброд через реку, тогда как Рахим просто промок.

– Кто он? – спросил Рахим.

– Я не знаю. Этот господин восседал на красной подстилке у огня в палатке и разговаривал с какими-то учеными законниками, своими наставниками. Он года на два моложе тебя и носит кафтан из белого горностая. Эти ученые наставники убеждали его, будто та звезда, которую он видел, и есть Сухейл, но я-то знаю, что это не так. Никто не может увидеть Сухейл с этого места и в этот час…

– Верно, – торопливо согласился Рахим. – Но разве нет такой приметы…

– Что того, кто увидел Сухейл, ждет удача?.. Да.

– Так ты решился заговорить с этими турками? Но на каком же языке?

– На арабском, – объяснил Омар. – Мальчик-принц вышел из палатки, и я показал ему созвездия. Те, ученые, просто глупцы, изрекающие с умным видом всякую чушь…

– Ну вот, вертопрах, какого же дурака ты свалял, вступая с

ними в спор. Неужели ты никогда не научишься не противоречить тем, в чьей власти просто заткнуть тебе глотку? – полусердито-полуиспуганно воскликнул Рахим. – И что же на это сказал принц?

– Он спросил, указывает ли положение звезд на какое-либо предзнаменование для предстоящей войны.

– А что говорят звезды?

Омар, этот юный школяр, не отвечал, рассеянно рисуя какие-то знаки на потрескавшейся сухой земле ножнами кинжала.

– Если бы мы знали, Рахим, – медленно заговорил он, – мы превзошли бы самого Творца. О, если бы мы могли читать человеческие судьбы! И все же… я показал мальчику, в каких созвездиях расположились планеты…

– Мне ты не удосужился показать это, – возмутился его молочный брат. – И каково предначертание звезд?

Омар покачал головой:

– Слушайте Заратустру! Два короля готовятся к сражению, и небеса говорят нам: звезда восточного правителя восходит, звезда западного падает. Но вслушайтесь в пророчество, знамение о смерти висит над обоими из них… – Внезапно Омар расхохотался: – Все это, если честно, ерунда. Но львенок так вытаращил на меня глаза, словно увидел перед собой призрака.

– Львенок! – От изумления Рахим широко раскрыл глаза. – Так это…

– Тот принц, в белом плаще. По крайней мере, они называли его Сыном Льва.

– Клянусь бородой моего отца! – задохнулся Рахим. – Разве ты никогда не слышал о Сыне Льва?!

– Никогда.

– Да проявит Аллах милосердный сострадание к тебе. В мире только один такой! Он – старший сын нашего султана, Алп Арслана, Бесстрашного Льва. Выходит, ты напророчил победу самому отпрыску властителя.

– Я не знал, кто он.

– Неужели кто-нибудь поверит тебе? Но более того, ты умудрился предсказать смерть его отцу, а этого, – Рахим судорожно прокручивал в голове возможные последствия, – а этого никто, ни один прорицатель в здравом уме не позволит себе сделать, во всяком случае во всеуслышание. Однако выходит, трон перейдет к Сыну Льва. И что сказал тебе принц?

– Он спросил мое имя, и я назвал себя. Он спросил, кому я служу, но я не назвал никого, сказав, что учусь в медресе в Нишапуре.

– Хм-м. Итак, насколько я знаю этих турок, наших

властителей, коли Алп Арслан умрет, тебе дорога к этому самому Сыну Льва. Ты потребуешь место царского астролога. И не забудь назначить меня расстилать тебе коврик, само собой разумеется, за богатое содержание.

Омар покачал головой.

– Мне кажется, – Рахим настаивал, – из тебя, вертопраха, получится великолепный прорицатель. Нет никого, кто бы не верил тебе. О, Ярмак! – Он пнул одного из своих спящих рядом слуг. – Ярмак, подай мне кувшин в кожаной оплетке. И кубок.

Ярмак налил в кубок, подставленный Рахимом, вино. То самое, запретное вино. Рахим поспешно сказал себе, что такой маленький грех не сможет перевесить ту святость, которую они приобретут, сражаясь в священной войне. Омар, придававший всему этому мало значения, любил своего молочного брата и не стал ему противоречить.

– Однако, – заметил он, принимая кубок, – мы можем потерпеть поражение.

– Только не мы! – вскричал Рахим. – Наш турецкий султан, может быть, и обыкновенный воин, но он выигрывает все сражения. Это, по крайней мере, обоснованное пророчество.

Приятная влага освежила Рахима, и он опять наполнил свой кубок. Он представлял себя на поле битвы, смело оседлавшего своего черного коня и вырвавшегося впереди даже красного знамени султана. Вот он прорывается между линиями двух армий и вступает в рукопашный бой с одним из христианских богатырей, каким-нибудь рыцарем в великолепной броне.

Юноша представлял себя побеждающим самого отчаянного неверного, слышал, как мусульмане славят его. Может, стоило отрезать голову своему врагу и бросить ее к ногам лошади султана…

– Послушай-ка, Омар, – повернулся он к брату.

Но тот уже свернулся калачиком на подстилке из верблюжьей шерсти и сладко спал, словно не существовало ни предстоящей битвы, ни славы, ни милости владык.

Глава 3

Долина реки Арзанас с видом на озеро Ван в Армянских горах, в пяти неделях пути груженого верблюжьего каравана к западу от Нишапура. Ранняя весна года 1071-го по христианскому календарю

Джафарак, шут султана, погрузился в размышления, сидя на своем белом осле. Короткие ноги торчали с обеих сторон худого, с торчащими ребрами животного. Алый плащ закрывал его высохшее тело. Только ясные карие глаза беспокойно поглядывали из стороны в сторону.

У Джафарака, изо всех сил старавшегося держаться поближе к мрачному султану, своему господину, не было сомнений в том, что им предстоит не совсем обычное сражение.

Они велели ему дожидаться у каравана, на котором помещалась поклажа, там, где собрались все исламские священнослужители – муллы. Как сказали они, там будет самое безопасное место. Но Джафарак сказал: «Нет».

– Самое безопасное место, – парировал шут, – окажется за спиной моего господина. Мусульмане никогда не пошлют туда ни одной стрелы, а христиане и знать об этом месте ничего не будут.

Это понравилось его господину, султану Алп Арслану Сельджуку, властелину мира, владыке Востока и Запада. Итак, Джафарак занял свое место рядом с красным знаменем и зонтом от солнца, предназначенным для султана, который вооруженные рабы держали над головой Алп Арслана. Султан больше не смеялся, в эти последние дни от мусульманских воинов требовалось большое терпение.

Поскольку Алп Арслан водрузил свое знамя поблизости от самой высокой точки долины, около стен города Маласгерд, перед ним раскинулась холмистая, плодородная долина. По этой долине выдвигалось воинство христиан, ненавистных руми[12], воинство, которым командовал сам император Константинополя – император, чьи предки были ярыми противниками ислама вот уже на протяжении четырех столетий.

До сих пор Алп Арслан довольствовался набегами далеко в глубь владений императора – направляя передовые отряды всадников в самые жизненно важные части Малой Азии, доныне остающейся цитаделью Азиатского Рима. Эти передовые доверенные отряды терзали руми и вызывали в них ярость до тех пор, пока наконец император не собрал все свои силы для

нанесения ответного удара этим осторожным туркам, которые бросали ему вызов столь смело и чьи предки, сыновья Токак Боумана, появились из необъятных просторов Центральной Азии, чтобы победным маршем пройти перед самым носом у Константинополя.

И вот сейчас император выступил со своей тяжелой конницей и тяжелой пехотой, наемными стрелками булгарами, шумными и неистовыми в бою грузинскими всадниками и дружественными армянами, сражавшимися за свою землю против нашествия ислама. Это огромное, медлительное воинство, гибрид, как и войско Сеннашериба, по слухам, насчитывало семьдесят тысяч душ. Медленно двигаясь, оно заполняло долину вслед за отступавшими турками, численностью которых не превышала пятнадцати тысяч.

Христианскому императору, отличному воину, не терпелось вступить в схватку с турецкими всадниками, которые избегали столкновения с ним на протяжении многих месяцев.

Но теперь, к полной неожиданности для своих собственных офицеров, султан Алп Арслан воткнул знамя в землю, расположил конные полки поперек долины и стал ждать прибытия императора.

Странным казалось Джафараку, что пятнадцать тысяч должны остановиться и ожидать, пока их атакуют семьдесят тысяч.

Он слышал, как кто-то из эмиров сказал, будто старая турецкая конница не в силах противостоять натиску более тяжелых уланов-румийцев в рыцарских доспехах. Они говорили об этом лишь тогда, когда считали, что их никто не слышит, никто, кроме придворного дурачка в его шутовском наряде. Но все равно Алп Арслан оставался ждать на том же самом месте, ждать вместе со своей конницей, в то время как передовые знамена христиан все более приближались, медленно перемещаясь в облаках пыли. Джафарак знал, что многие офицеры боятся оказаться в окружении; они привыкли нападать и преследовать или столь же стремительно отступать.

– Этого не произойдет, – медленно произнес Алп Арслан своим низким голосом. – Руми уже разбили свой лагерь, там, вдали, на том конце долины. Они изо всех сил пытаются настичь нас, а мы останемся здесь. Это решено, и это записано. А то, что записано, тому не миновать.

Джафарак, сидевший подле старшего принца, заметил, как сын поглядел на своего отца, словно испугавшись его слов.

«Возможно, – думал шут, – исход сражения следующего дня уже предрешен, как утверждают набожные муллы и как пророчат ученые астрологи». Он думал о нетерпении великого

христианского императора, о пустынных пыльных просторах и застывших всадниках – сельджукских турках, тех, которые никогда не ведали поражения в бою. Возможно, все было предрешено, и в конечном счете на следующий день им предстоит только перемещаться назад и вперед, как пешкам на шахматной доске в игре, исход которой предопределен свыше.

Алп Арслан не спал той ночью.

Рахим поднялся еще до наступления рассвета, дрожа от холода и волнения. Он поручил Ярмаку в который раз наточить свой меч и заставил других слуг заняться его боевым конем. Он жадно и торопливо сделал несколько глотков и на мгновение окунул голову в воду. Теперь, когда пробил час битвы, это совсем не напоминало начало охоты за антилопой в степи.

Все здесь оказалось совсем не похожим на то, что ожидал увидеть Рахим. Вместо того чтобы вскочить в седло на рассвете и помчаться вперед с боевым кличем, Рахиму ничего не оставалось делать, кроме как часами беспокойно бродить вокруг своего коня. Завеса тумана вокруг него тем временем постепенно таяла и исчезала, а его люди, сидя на корточках, играли в кости. Когда он взбирался на лошадь, он мог видеть головы и копья всадников, проезжавших мимо, как на прогулке. Время от времени он слышал какие-то звуки, словно ветер мчался над лесной чащей где-то далеко, а однажды вдали, за туманом, раздался громкий ропот, похожий на шум толпы, колышущейся у мечети в Нишапуре в праздничный день.

Когда странный всадник проносился мимо, Рахим закричал ему, нет ли новостей о битве. Всадник, турок, лишь посмотрел на него и продолжил свой путь. Тогда, потеряв всякое терпение, Рахим помчался рысью к своему командиру, эмиру, собиравшему под свои знамена всадников-добровольцев в Нишапуре.

– Пошлите нас вперед, – нетерпеливо крикнул он, – или мы не увидим начала битвы!

К своему удивлению, он узнал, что сражение идет уже несколько часов там, в долине. Хорасанец слышал странные новости.

…Христиане послали против мусульман демонов, закованных в железо… Целый полк был потоплен в реке… Султан ушел в горы справа, где орды грузин и армян не ослабляли натиск… Долина, как и все вокруг, заполнена христианами…

– Но нет, – крикнул кто-то, – смотрите, вот наш господин, султан! Взгляните, вон там!

Рахим приподнялся в стременах и огляделся. Он увидел кавалькаду всадников, несущихся поперек холма перед ним. Во главе всадников на белом коне мчался широкоплечий, крепкий

мужчина, с усами, закручивающимися вверх на его морщинистом смуглом лице под высокой черной шапкой из овчины. В левой руке он держал белый жезл из слоновой кости, а колчан с луком болтался у его бедра так естественно, словно это был не сам султан, а стрелок из дворцовой охраны.

– Где же султан? – прошептал Рахим, обращаясь к одному из офицеров.

– О аллах, разве ты не видишь, вон он там – первый.

Рахим ожидал увидеть шелковые одежды, трепещущие на ветру от безудержного галопа, шлемы, украшенные султаном, знамя, услышать барабанный бой, впрочем, все, что угодно, но не это. Глубокое разочарование охватило его при виде этих обычных безликих воинов и карлика на белом осле, во всю мочь семенившего за ними. В молчании он вернулся на свое место.

В полдень, когда Рахим чувствовал себя уже и голодным, и усталым, его окликнул Омар:

– Сражение все ближе, Рахим. Я наблюдал его с холма, вместе с турками. Пойдем!

Когда они поднялись на высоту, по которой проехал султан, Рахим услышал гул, подобный жужжанию тысячи ульев. Слабый звон металла и стук лошадиных копыт. Солнце рассеяло последние остатки тумана, и вся долина открылась взору, с множеством крошечных всадников, перемещающихся по ней. Время от времени они замедляли шаг, двигались размеренно, словно скот, выгнанный на пастбище. Но тут же неожиданно неслись во весь опор назад, к холму, словно направляемые непреодолимым порывом ветра.

Несколько часов христианская конница давила турок, которые медленно отходили, затем наползали снова. Стрелы турецких лучников ни на секунду не прекращали сыпаться градом. Рахиму казалось, будто это несметное число крошечных всадников решило разом двинуться вниз в долину.

– Смотри! – крикнул Омар.

Слуги, вскочив на ноги, махали им. Полк хорасанцев пустился рысью под рокот седельных барабанов.

– Наконец-то, – закричал Рахим, – они атакуют!

– Аллах, о аллах! – вопил мальчик, волоча за собой длинное копье, судорожно вцепившись в стремя Рахима и пытаясь не отставать от лошади.

«Вот оно, – думал Рахим, – вот момент, которого я ждал». Он вытащил меч, затем опять вставил его в ножны, поскольку все вокруг него лишь выставили перед собой щиты.

– Смерть им, смерть им! – зарыдал мальчик с копьем и упал на землю, не в силах больше поспевать за скакуном.

Конница неслась поперек возделанной земли, перескакивая через канавы, заполненные водой.

Часом позже они все еще мчались по долине. Но здесь их лошади шарахались от тел, наполовину утонувших в грязи. Лошади без всадников неслись за ними, а арабы хватали добычу, рассеянную по всей долине.

– Ну, теперь-то, – воскликнул Рахим, съедаемый нетерпением, – султан, несомненно, призовет нас вступить в сражение.

Но к сумеркам они прибыли в полк турецкой конницы, спешившейся в заброшенных садах, и здесь им приказали ждать всю ночь. Хотя турки и раздобыли где-то сухие щепки и разожгли большие костры, у хорасанцев не нашлось ни огня, ни продуктов, и они продремали, борясь с усталостью, до первого света, когда звуки далеких труб разбудили их.

Трубы трубили в лагере христиан, куда император собрал разбитый центр своего войска. Его резервы в темноте отошли далеко в тыл или по недоразумению, или в результате предательства, а пехота оказалась отрезанной по флангам на холмах и окружена всадниками Алп Арслана, и теперь, на рассвете, трубы призывали тяжелую кавалерию из Константинополя на подмогу. Но ни Рахим, ни Омар ничего не знали об этом, сонные и окоченевшие от холода, идущего от сырой земли.

Слуги оседлали для них скакунов, и, прежде чем они сообразили, в чем дело, они уже оказались в гуще несущихся галопом и что-то выкрикивающих всадников.

Руки Омара судорожно вцепились в узду, в голове пульсировала кровь, как при лихорадке. Какими-то всплесками его сознание отмечало отдельные события вокруг него. Вот развязался тюрбан у всадника и теперь болтается вокруг его головы, вот мужчина бежит босиком с открытым ртом, вот опрокинутая телега с крестьянином, от страха прижавшимся к земле.

Внезапно откуда-то появился человек, который полз на руках и коленях. Всадник натянул поводья и на миг остановился над ним, чтобы с силой вонзить в него копье. Острие копья воткнулось в кольчугу, затем от толчка глубоко проникло в тело. И в тот же миг кровь хлынула изо рта, голова поникла, но тело все еще продолжало ползти. И Омар с удивлением подумал, что это, очевидно, был христианский солдат.

Он повернул голову, ища глазами Рахима. Всадник с разболтавшимся тюрбаном вцепился рукой в стрелу, торчащую из его бедра. Омар слышал, как он мычал от боли.

С другой стороны показались палатки. Послышались скрежет железа и крики. Омар заметил пену, выступившую на шее его коня, и ослабил поводья. Он усмехнулся, когда задумался, как ему удалось проскакать через все поле боя, так и не обнажив своего меча.

Рахим стоял, спешившись перед большой палаткой. Вокруг него спешивались остальные хорасанцы, чтобы отыскать себе добычу. Похоже, никто не отдавал им приказаний, но они кричали и суетились, как маленькие дети. Трое из спутников Рахима вышли из палатки с дамасскими тканями и серебряной посудой. Они вели за руку девушку.

Та изумленно оглядывалась вокруг себя, сбитая с толку происходящим, ничего не понимая. Копна блестящих светлых волос, золотистых, как пшеница, закрывала ее лицо. Она не носила ни паранджи, ни покрывала, ее тонкая талия была обхвачена золототканым поясом. Вооруженные люди смотрели на нее с любопытством: никогда прежде они не сталкивались с женщиной из христианского мира.

– Эй, Омар, – крикнул Рахим, – это Аллах поздравляет нас с победой!

«Победа!» Как странно звучало это слово.

– Должно быть, это рабыня какого-то христианского господина, – с радостным ликованием продолжил Рахим. – Я убил этого неверного, вон там. Давай войдем в палатку…

– Берегись! – внезапно закричал Ярмак. – О аллах!

Между палатками к ним неслась группа всадников на грязных и потных лошадях. Они сжимали мечи и топоры и скакали словно демоны. Под круглыми железными шлемами можно было различить вытянутые суровые лица. Христианские всадники.

Омар схватил поводья и повернул своего коня как раз в тот момент, когда вражеские всадники наскочили на него. Лошадь повернулась и встала на дыбы, отбросив его назад.

Что-то ударило его в плечо, и лязгающие копыта боевого коня едва не задели голову Омара. Его обдало грязью, грязь забила глаза и рот. Протерев глаза, он понял, что лежит на земле. Шатаясь, он сумел приподняться и встать на ноги.

Один из слуг корчился и извивался на земле, словно боролся с невидимым врагом. Рядом с ним Ярмак склонился над Рахимом, пытавшимся приподняться на колени.

Омар подбежал к нему и схватил за руки. Рахим улыбался какой-то странной улыбкой.

– Ты ранен, о брат мой?!

Его молочный брат посмотрел на него так, словно слова больше не имели никакого смысла. Омар велел Ярмаку принести

чистые тряпки.

Он осторожно опустил раненого Рахима и начал поднимать край его кольчуги, чтобы осмотреть рану, из которой бежала кровь. Горячая кровь обжигала руки, и на влажном воздухе от нее шел слабый пар.

– О, господин, – сказал Ярмак ему на ухо, – зачем вы это делаете? Разве вы не слышите его предсмертный хрип!

Приподнявшись, Омар посмотрел на свои окровавленные руки. Горячие солнечные лучи освещали руки и растоптанную землю. Лицо Рахима приобрело землистый цвет, и он затих, перестав судорожно задыхаться. Какое-то время слышался только хлюпающий звук, вырывавшийся из горла, затем и этот звук прекратился.

Тогда верный слуга Ярмак зарычал подобно зверю и выхватил изогнутый нож из-за кушака. С гримасой на лице он неожиданно бросился на пленную девушку, неподвижно стоявшую подле них, пока умирал Рахим.

– Жизнь за жизнь, – бормотал Ярмак, накинувшись на христианку.

Девушка сжалась в комок, и нож только задел ее платье. Она бросилась ниц перед Омаром, судорожно обхватила руками его ноги. Тело ее дрожало. Она не издала ни звука, но в глазах ее, ловивших его взгляд, застыла мука.

– Глупец! – Омар поймал руку слуги и отбросил его.

Ярмак упал на землю как подкошенный, словно силы разом оставили его, и зарыдал:

– Эй-алла, эй-алла!

Омар велел девушке-руми зайти в палатку, но она не понимала его слов. Тогда он указал рукой на палатку, и она, оглядываясь назад через плечо, нерешительно вошла внутрь. Вместе с другими слугами Омар внес туда тело Рахима и положил его на ковер. В нерешительности он вытер руки о ткань, затем приказал принести чистую воду.

Этой водой он принялся отмывать лицо своего молочного брата. Некоторое время спустя девушка встала на колени подле него и отобрала у него тряпку. Она проворно и ловко смыла грязь с головы и шеи Рахима, как будто надеялась своими действиями умилостивить Омара. Затем она привела в порядок одежду убитого. Омар подумал, что он никогда не смог бы коснуться мертвого христианина.

Оказалось, ему предстояло выполнить сразу множество всяких дел. Ничего нельзя было упустить из того, что было необходимо.

Поздно ночью мулла с седой бородой устало посмотрел на

него.

– Сын мой, – сказал он бесцветным голосом, – даже вода священных вод Зем-Зема должна уходить в землю. Жизнь прибывает от Аллаха, и к Аллаху возвращаются души правоверных в тот день, когда людские дела взвешиваются на весах Суждения.

В памяти Омара осталось землистое лицо Рахима, лежащего на сырой земле. Теперь Рахим лежал завернутый в чистый саван, ногами в сторону святого города Мекки, там, в глубине этой черной земли.

Мулла ушел, ему предстояли еще другие похороны той ночью, а Омар сел на камень. Ярмак, как верный пес, сидел рядом, мерно раскачиваясь. Теперь, когда его господин был похоронен, Ярмак казался спокойным. Больше ничем он не мог ему помочь.

Но для Омара, потерявшего своего молочного брата, с которым он вместе рос, было мучительно тяжело покинуть это место рядом с камнем. Здесь Рахим должен лежать, омываемый всеми дождями, лежать, когда взойдет трава, посеют и уберут пшеницу, – все бесчисленные годы до того дня, когда души их воссоединятся с их телами там, где вершится Высший суд. За завесой Невидимого Рахим станет ждать того дня, дня их встречи.

Омар просидел до первых серых отблесков рассвета, поджав подбородок руками. Ему все же стало немного легче, и страдания прошлых двух дней и ночей слегка отступили.

– О Рахим, – шептал он, – твое тело – всего лишь временное прибежище для твоей души. И тогда, когда тело твое гибнет, душа бредет дальше по своему длинному пути. О Рахим, я обязательно отыщу тебя на этом пути.

– Аминь, – согласился Ярмак. – Покойся с миром!

В палатке Омар нашел свечу и напряженно всматривался в ее пламя до тех пор, пока девушка-руми, уснувшая среди набросанной в углу одежды, не встала и не наполнила ему кубок вином из кувшина.

Омар поднял было руку, чтобы разбить кубок о землю. Но тут он вспомнил, как Рахим предложил ему выпить вина той ночью, когда они разговаривали вдвоем в караван-сарае по дороге из Нишапура. Он взял кубок и выпил вина. Тепло разлилось по его озябшему телу. Девушка снова наполнила кубок, и Омар снова выпил. Он вздохнул и, ничком упав на подстилку, погрузился в бессильное оцепенение.

Пленница загасила свечу. Устроившись подле него, она наблюдала, как рассветные лучи освещают небо. Когда света стало достаточно, она нашла бронзовое зеркало и начала

расчесывать волосы, задумчиво глядя на свое отражение. Уже не в первый раз у нее вот так внезапно менялся хозяин.

Далеко внизу в долине наконец-то установили шатер султана Алп Арслана.

Турецкие эмиры толпились у входа, по обе стороны ковра, и пытались разглядеть трех мужчин у начала ковра. Джафарак, как привилегированная персона, взгромоздился на сундук, откуда он мог видеть всех троих – Романа Диогена, императора католиков, и скромного маленького мусульманского раба, отыскавшего императора без сознания на поле боя и принесшего его к ногам Алп Арслана.

Сначала зрители наблюдали, как Романа Диогена, все еще закованного в латы, заставили встать на колени перед султаном. Алп Арслан поставил ногу на шею плененного императора, а затем поднял Романа Диогена и усадил на подушки по правую руку от себя.

Присутствующие напрягли слух и ждали первых слов, которые должны были быть произнесены между владыками Востока и Запада.

– Скажи мне, – небрежно начал Алп Арслан, – как поступил бы ты, окажись я плененным и брошенным к твоим ногам.

Выслушав переводчика, Роман Диоген поднял голову и на мгновение задумался.

– Я бы не стал с тобой церемониться и обошелся бы жестоко, – ответил он.

Улыбка осветила смуглое лицо султана.

– А какую кару, – настаивал он, – ты ожидаешь принять от моей руки?

Плененный император оглядел сосредоточенные лица своих врагов и задумался.

– Может быть, ты убьешь меня здесь, а может, закуешь в цепи и провезешь по всем своим владениям. Или примешь за меня выкуп.

Алп Арслан почувствовал в глубине души симпатию к этому христианскому монарху, которому нельзя было отказать в мужестве. Султана переполняло ликование от победы и от воспоминания о том, как он, Алп Арслан, попирал ногой шею римского самодержца.

– Знай же, – сказал султан, выдержав паузу, – что я решил уже твою участь.

Со своего места позади отца Сын Льва наклонился вперед, его руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки. Он не забыл пророчество, предрекавшее победу мусульман и смерть обоих владык.

– За тебя, – продолжал Алп Арслан, – я возьму выкуп и обложу ежегодной данью твой народ, а тебя я отправлю назад в твою страну с почетным сопровождением.

Детеныш Бесстрашного Льва глубоко вдохнул и откинулся назад на свое место. Если бы Романа убили здесь кривой турецкой саблей палача, Детеныш Льва ожидал бы исполнения оставшейся части предсказания молодого школяра из Нишапура.

Омар не мог спать. И хотя измученное тело его требовало сна, душа лишилась покоя. Его не покидало лицо Рахима, улыбавшегося той странной улыбкой, и все время стояло перед его мысленным взором. Тот Рахим все еще был Рахимом; но после его убийства он уже стал вещью, подобно деревянному сундуку. Его подняли, положили на землю в палатке, потом унесли. Как ни пытался Омар, он не мог избавиться от наваждения. Ему снова и снова вспоминалось, как они несли Рахима и как они его тело слой за слоем оборачивали в белую ткань.

С тех пор как он мог себя помнить, они всегда были вместе и походили скорее на близнецов, нежели на обычных братьев. Омар с трудом отдавал распоряжения вместо Рахима. Рахим всегда заботился о запасах продовольствия, занимался слугами и лошадьми, и теперь, естественно, люди обращались за указаниями к Омару.

Пришло время отправляться в обратный путь в Нишапур. Только сельджукские турки оставались в этих горах; уже и арабы и другие нерегулярные части войска султана двигались маршем домой, нагруженные добычей и пленниками.

Ярмак и его товарищи разобрали палатку Омара и упаковали ее на первых лошадей. Омар обратил внимание на то, что у каждого воина появились еще большие тюки. Последние дни люди занимались сбором трофеев и продажей ненужных им вещей. Теперь они собирались в путь домой, груженные добытым новым богатством. Но сын Ибрагима вынес с поля боя только кинжал. Он не хотел ничего, что напомнило бы ему о сражении.

Ярмак оседлал черного боевого скакуна Рахима и тщательно упаковал доспехи своего погибшего господина и его оружие и привязал их позади седла. Омар смотрел на черную лошадь и чувствовал, как ему будет нестерпимо больно видеть этого коня рядом, но с пустым седлом. Но его следовало вернуть отцу Рахима.

– Господин, пускай девушка-руми едет на нем, – предложил Ярмак. – У нас ведь нет для нее носилок.

Пленницу тоже следовало брать с собой. Она принадлежала Рахиму, и ее могли продать на невольничьем рынке в Нишапуре.

За молодую, с прекрасными шелковистыми волосами рабыню давали хорошую цену. Омар, изучая диалоги Платона в Академии, усвоил многие греческие слова, поэтому сумел узнать немного о жизни девушки.

Ее звали Зоя, других имен она не знала, ибо всю жизнь прожила в рабстве в Константинополе. На войну ее взял с собой офицер, уверенный, как и его император, в неминуемом поражении мусульман, которых без труда отгонят далеко на восток.

– Я поеду на скакуне, – сказал он. – А мою лошадь дай Зое, девушке-руми.

Хотя пленницу укутали в покрывало и она ехала позади Омара вместе с навьюченными животными, каждый, с кем они встречались на дороге, без труда определял в ней по одежде и светлым волосам пленницу-христианку, которую вез молодой хорасанский воин, одиноко ехавший рядом.

У Омара появились большие затруднения на первом же привале. Караван-сарай оказался настолько переполнен, что им досталось место около колодца, там, где уже расположился какой-то эмир с большой свитой. Слуги ничего не делали сами, во всем ожидая его указаний. Омару приходилось показывать им, где привязывать лошадей, и договариваться с людьми эмира о покупке ячменя и хлеба. Он не сетовал, поскольку это отвлекало его от мыслей. Но, когда все было сделано, воспоминания о Рахиме снова заполнили все его существование.

Он просидел на своей подстилке, пока огонь в костре под отверстием в палатке не погас и остались лишь тлеющие угольки. Он вспомнил про вино, которое принесло ему забытье на несколько часов в то первое утро без Рахима, но вино уже кончилось, остался только один кубок. Омар обследовал мешок, чтобы удостовериться в этом, и задержал серебряный сосуд в своей руке. Вот и Рахим, его брат, так же стремительно иссушил кубок жизни, и теперь он лежит в объятиях смерти.

Около него девушка зашевелилась под одеялом и вздохнула. Омар наклонился к ней и убрал волосы с лица. Глаза ее были темны и влажны от слез. Зоя плакала молча, грустя о своем.

– Что с тобой? – ласково спросил он.

Губы Зои раскрылись, и она улыбнулась. Очевидно, она не хотела, чтобы он видел ее слезы. Впервые он задумался, о чем могла думать эта девушка во время их долгого пути, угоняя ее куда-то далеко от родной земли. Раб мог чувствовать, как и султан, но ему не разрешалось жаловаться.

Он погладил волосы пленницы, запутавшиеся вокруг ее шеи, и его пальцы ощутили их мягкость. Зоя поглядела на него с

любопытством. Она больше не плакала и немного подвинулась, уступая ему место рядом с собой. Жилка на ее шее пульсировала сильнее от его прикосновения.

Он обнял ее и натянул покрывало на них обоих. Он лежал, глядя на купол шатра, куда уходил жар от последних тлеющих угольков и медленно исчезал. Он не знал, сможет ли он теперь забыть о глине, ночном ветре и странной улыбке Рахима.

Девушка приподнялась, чтобы убрать тяжелые пряди волос с плеч, его губы легко коснулись ее шеи. Тепло ее тела, аромат ее волос успокаивали его, а затем она крепко обняла его. Тепло превратилось в жар, в котором сгорела его усталость. Упоительное возбуждение заполонило все его существо, возрастая с каждым движением девушки.

В объятиях Зои той ночью он забыл и смерть, и движущуюся глину. Он спал, дыша спокойно, забыв обо всем на свете.

Часть вторая

Глава 1

Дом Зерцала Премудрости на дороге в солончаки. Год спустя после победы султана Алп Арслана над христианами

Учителю Али исполнилось семьдесят три года. После Корана, который он знал наизусть, он жил только математикой. Все в его домашнем хозяйстве происходило с точностью водяных часов, установленных во внутреннем дворе над бассейном, в котором плавали рыбы.

Его подмастерья, бывало, говорили: «Теперь мастер моет ноги и запястья; значит, уже время для полуденной молитвы». Или: «Третий час дня, сейчас наш мастер приступит к переписыванию листов своей книги».

Капли воды в водяных часах – пять молитв, два приема пищи, двенадцать часов работы – все по порядку. Занятия сменяли друг друга с регулярностью появления созвездий на небе. Неизменным оставался и выбор блюд, подаваемых к столу во время каждого приема пищи. Никто не проявлял безрассудства и не рисковал объяснить мастеру Али, чье прозвище звучало как Зерцало Премудрости, что его молодые последователи и ученики желали бы отведать фиников, или грецких орехов, или гранатов. Поэтому им приходилось тайком покупать гранаты у соседских феллахов и съедать их вдали от хозяйского ока.

В редкие свободные часы мастер Али одевался в парадный парчовый халат и отбывал в Нишапур на верховом муле, с зонтом от солнца и черным рабом, погоняющим мула. Его дом располагался на самом краю пахотных земель к югу от долины Нишапур. Дальше простирались только солончаки. Здесь мастер Али находил абсолютное уединение, столь необходимое для его работы.

Он заканчивал трактат по «Аль-джабр ва-ль-му-кабала»[13] – единству противоположностей, – который заказал ему Великий визирь султана несколько лет назад. Помощники для удобства называли этот труд алгеброй. Их обязанность состояла в том, чтобы переписывать комментарии, продиктованные мастером, проводить экспериментальные вычисления по его просьбе и отыскивать необходимые для него сведения в других книгах. Взамен мастер Али читал им лекции по математике в течение трех часов после полудня и кормил их.

Он знал всех своих восьмерых учеников по именам, реально оценивал их способности и недостатки, и, будучи

добросовестным человеком, пытался наделить их знанием настолько, насколько позволяла его собственная мудрость, чтобы после его смерти математическая наука не погибла в этой части мира, сотворенного Аллахом. Из всех восьмерых своих учеников он более всего испытывал сомнения в отношении будущего Омара, происходившего из семьи швеца палаток, присоединившегося к его домочадцам лишь десять месяцев назад.

Он полагал, что Омар обладал особым даром для решения сложных и запутанных задач и богатым воображением, весьма опасным качеством для математика.

– Математика, – достаточно часто наставлял мастер Али своих учеников, – является мостом, по которому вы можете проходить от неизвестного к известному. Другого пути и другого моста нет.

Чистую теорию неверных греков он не любил столь же сильно, сколь восхищался математикой древних египтян, которые первыми превратили цифры в своих верных слуг. Их вычисления помогали им возводить огромные сооружения.

– Йах, ходжа имам, – обратился к нему один из его учеников, – о учитель, какая польза нам от изучения пути, по которому движутся звезды? Луна дает нам меру наших месяцев, как повелел нам наш господин Мухаммад, да пребудет он с миром! Солнце дает свет. Но какой толк следить за звездами?

Учитель Али задумчиво кивнул. Он носил зеленый тюрбан, поскольку совершил паломничество в Мекку; он аккуратно подрезал свои седые усы, и его стройная худощавая фигура напоминала столб, на который крепился шатер. Он никоим образом не верил в астрологические предсказания, но, так как султан и все вельможи полагались на них, он старался не выказывать своего отрицательного отношения.

– И все же, учитель, – упорствовал ученик, – разве можно сомневаться в совершенной недостоверности утверждения, будто планета Меркурий[14], хоть и названа так греками и по-гречески означает «ртуть», влияет на движение ртути, в то время как Солнце якобы влияет на золото, а Луна – на серебро? Я… я слышал, так говорят.

Нельзя было исключить вероятность того, что Великий визирь, который покровительствовал учителю Али, направил своего шпиона под видом одного из учеников, дабы удостовериться в отсутствии контактов Зерцала Премудрости с неверными или применения им черной магии.

И Али считал таким шпионом именно Омара. По крайней мере, этот юноша мог им быть. Во-первых, Омар сам пришел к нему, проделав весь путь пешком из Нишапура. Он сказал тогда,

что желал бы учиться у самого знаменитого ученого-математика. Странно, но Омар упорно утверждал, будто у него совсем нет покровителя. Во-вторых, этот юноша с телом воина и неукротимой энергией льва на охоте учился вовсе не для того, чтобы самому стать учителем. Зачем же тогда он захоронил себя здесь, в уединении, на краю солончаков?

Тщательно продумав свой ответ, мастер Али заговорил бесстрастным голосом:

– Премудрый Абу Рейхан Бируни в первой главе своего трактата по астрологии называет изучение звезд наукой и говорит, что предсказание хода политических событий, изменений в благосостоянии городов, знатных и простых людей есть особое применение и использование этой науки. Так, вы можете добиться совершенства в изучении звезд, но не стать прорицателем, вы не сумеете ничего предсказывать без совершенного знания звезд.

Ученик проникся сказанным и с головой ушел в работу. Он выискивал, правда пока безуспешно, в книгах учителя некую тайную формулу, которая позволила бы ему получить золото.

– В «Ал магесте», – заметил он робко, – написано, что влияние Солнца на золото является самоочевидным, поскольку огонь или жар есть суть Солнца, и… и огонь – единственное средство приближения к сути и природе золота. Если сущность огня можно было бы сконцентрировать…

– В печи… – поддакнул его товарищ.

– …достаточной силы, – глубокомысленно добавил старший ученик.

– Это, – перебил их учитель Али, – является космографией, имеющей дело с природой астрономических и земных тел. Космография никогда не может стать точной наукой, подобной математике. Разве правоверный станет сомневаться, что премудрый Аллах, когда создавал внешний огонь и внутренний воздух, окружающий воду, в свою очередь окутывающую всю неподвижную сферу нашего мира, также создал и золото, которое сейчас находят в пределах земли? Какой истинный правоверный почувствует себя настолько лишенным мудрости, дабы попытаться заново создать то, чем Аллах уже наделил нас?

– Истинно… истинно, – забормотали ученики.

Учитель Али чувствовал себя совершенно уверенно, произнося эти слова. И Великий визирь, и сам султан уже не раз убеждались, что, несмотря на утверждения множества шарлатанов, будто они владели некой тайной, ни один из них все же не в состоянии был добыть золото из других материалов.

Али тайком поглядел на Омара, который, слушая их спор

вполуха, водил пером по листу бумаги, лежавшей на дощечке. Единственный среди учеников Али, Омар иногда работал над своими записями во время дискуссий, происходивших в классной комнате.

Сначала учитель Али решил, что Омар делает заметки для памяти. Потом он задумался, а не могли ли записи этого юноши предназначаться для глаз Великого визиря султана. Похоже, Омар хранил и прятал заметки в запирающемся сундуке из сандалового дерева рядом со своей стеганой подстилкой для сна.

Внезапно вскочив на ноги, старый математик стремительно приблизился к своему ученику и взглянул на лист бумаги. Он увидел чертеж двух кубов, разделенных многими линиями, и множество цифр вокруг.

– Что это? – поразился он.

– Задача по извлечению кубических корней, – с готовностью ответил Омар.

Учитель Али вспомнил, как на прошлой неделе он дал этому отпрыску семьи швецов палаток трудное уравнение с кубическими корнями.

– И как далеко ты продвинулся в его решении? – поинтересовался он.

– Я все решил.

Учителю Али это показалось сомнительным. Он знал, что греки нашли решение, но сам он не в состоянии был прийти к нему.

Поэтому учитель отпустил всех учеников и, взяв исписанный лист Омара, попросил его следовать за ним в его комнату. Удобно устроившись у окна, учитель Али стал просматривать записи, близко поднеся лист бумаги к глазам.

– Ну, я скажу тебе следующее, – сказал он наконец, – мой разум не в состоянии постичь значение этого. Я вижу только, что ты разделил кубы на мелкие части и таким образом пришел к решению, данному греками.

– Но как они пришли к этому решению? – нетерпеливо спросил Омар.

– Это, – медленно произнес учитель, – мне пока еще не дано понять.

Учитель Али помнил: ответ по этому уравнению он Омару не давал. Однако среди его бумаг хранились записи с ответом по данной задаче. Эти бумаги всегда лежали вместе с Кораном на диване подле него. Али ничего не выносил из своей комнаты, а его ученикам не дозволялось входить туда в его отсутствие. Значит, Омар либо сам сумел найти решение при помощи своего причудливого рисунка, либо тайком отыскал ответ среди его

учительских бумаг.

– Вижу только, – добавил он, – что ты каким-то образом вычислил корни куба через измерения этих пространственных площадей. Каким путем ты достиг своего решения?

– Ответ – вот тут. – Омар склонился над чертежом. – Вычтите эту долю, и эту, и эту. Добавьте эту…

– Я не слепой. Но, воля Аллаха, это же геометрия, наука неверного Евклида. Это – не алгебра.

– Нет, но все же это – решение. Я не сумел отыскать корни в алгебраическом уравнении.

Учитель Али улыбнулся. У него отлегло от сердца.

– Так ты все же не сумел дать ответ на это алгебраическое уравнение алгебраическим путем?

– Конечно. Но его ведь можно записать алгебраическими символами. Вот так. – Став на колени подле учителя и поглядывая на кубы, Омар записывал строчку за строчкой знакомые цифры. Одного взгляда на них хватило учителю Али, чтобы увидеть, как была решена его задача. Теперь ее можно было добавить к трактату.

Он ощутил восторженное возбуждение. Даже сам Харезми не касался этой проблемы в своей книге. Как удивится учитель Устад из Багдадской академии!

– А ты пытался решить другие задачи этим методом? – поспешно поинтересовался он.

Омар колебался.

– Да, и часто, – признался все же он.

– И достигал решения?

– Обычно… но не всегда.

– Могу я посмотреть твои выкладки?

Странно, но голос учителя Али, когда он задавал этот вопрос, прозвучал даже как-то подобострастно.

Омар ответил не сразу.

– О учитель, я ел ваш хлеб – сказал он, – я сидел у ваших ног, приобретая знания, которыми вы делились с нами. Я выполнял все ваши задания. Но решения тех, других задач – они мои, и только мои, и… я приберегу их.

Казалось, что даже борода учителя Али заострилась, а взгляд застыл.

– Прибережешь их! Но с какой целью, ты, о сын Ибрагима?

Омар смотрел из окна на высушенный зноем сад, не проявляя признаков ни стыда, ни беспокойства.

– Пока не знаю, – ответил он.

Менее всего учитель Али ожидал услышать подобный ответ. В нем росло подозрение. Чем больше он размышлял, тем тверже

оно становилось. Как-то слишком уж небрежно говорил Омар обо всем этом.

– Твои выкладки, – упорствовал старый математик, – ты хранишь в том своем сундуке, который запираешь?

– Да.

– Но я-то, я не запираю дверь в свою комнату. Я не прячу ни одной своей бумаги, там нет ничего, что бы я скрывал от вас. – Он посмотрел в глаза юноши. – Даже ответ, который получили греки в этом уравнении, находится здесь… вон там, на полу, подле тебя.

Омар не повернул головы к столу, на котором лежал Коран и бумаги с записями, где хранилось решение этого уравнения, полученное греками. Но при этом юноша и не выказал ни малейшего удивления. Если Омар и рылся в вещах учителя, то сумел сейчас проявить самообладание либо дипломата, либо шпиона.

Отпустив своего ученика, учитель Али склонился над вычислениями кубических корней и провел часы за их изучением. К изумлению учеников, он совершенно забыл о послеполуденных лекциях. Али попытался подступиться к решению другой подобной задачи по методу Омара, но безуспешно. Он не смог методом геометрии решить уравнение алгебры, у него не получалось ориентироваться в трехмерном пространстве.

– Даже Авиценна не сумел бы сделать этого! – подумал он раздраженно. – И все же…

Смутная мысль промелькнула в голове старого Али. Дело и смысл всей его жизни, его алгебра всегда выручала там, где не могла справиться простая арифметика. А что, если эта нелепая геометрия греков помогает решить подобным же образом задачи, непосильные алгебре? Что, если эта некая, до сих пор не изведанная область познания пойдет дальше, и перешагнет три измерения геометрии, и станет иметь дело с числами, суть бесконечности?

Учитель Али с омерзением отбросил в сторону перо и бумагу.

Он только впустую потратил время. Все это было не что иное, как постыдная игра воображения, не имеющая никакого отношения к точной науке – математике. «Омар, – решил он, – просто воровски проник в мою комнату в мое отсутствие и обнаружил тут решение задачи. А зная ответы, придумал все эти вводящие в заблуждение кубы». Вероятно, у него ничего больше и нет, и он ничего не запирал там, в своем сундуке. Скорее всего, он шпион и хранит в сундуке лишь свои донесения до тех пор, пока ему не удастся попасть с ними в Нишапур или как-то иначе переслать их.

Придя к этому заключению, учитель Али отложил записи Омара, поглядел из окна на водяные часы, тревожно вскрикнул, когда увидел, что до вечерней молитвы осталось всего ничего, и поспешил к бассейну, чтобы успеть вымыть ноги и запястья.

Неделей позже старому математику опять представился случай поразмышлять об Омаре.

В полдень у его ворот остановилась лошадь. Лошадь сопровождали полдюжины пеших слуг. Коверный раб поспешил раскатать узкую ковровую дорожку от лошади до ворот дома учителя Али, в то время как другой раб побежал объявить, что с визитом к учителю Али пожаловал Тутуш.

Вслед за рабом, объявившим о его прибытии, появился и сам Тутуш. Весь кругленький, похожий на перекатывающийся мячик, закутанный в шелка, с огромным тюрбаном насыщенного бирюзового цвета и с ошеломляющими модуляциями в голосе.

Не успел он закончить раздавать указания своей собственной свите, как тут же начал убеждать рабов учителя Али в необходимости заботиться о здоровье их выдающегося господина. Когда же сам учитель Али наконец появился во всем блеске, весь одетый в иссиня-черное, Тутуш рассыпался в радостных восклицаниях и своими коротенькими ручонками стал сжимать хозяина в объятиях.

– Хвала и слава Всевышнему, повелителю обоих миров, что здоровье всемирно известного Зерцала Премудрости неизменно! Да пребудет сие Зерцало незапятнанным в течение бесчисленных лет! Да продолжит он отражать свет мудрой зрелости… столетия… на нас, бедных рабов невежества!

На это хвалебное приветствие учитель Али возразил с подобающим ему смирением. Но Тутуш отмахивался от любых возражений:

– Нет, разве не известно в Нишапуре, что ваша честь поднялся выше Хорезми в своих знаниях и мудрее этого глупого Устада из Багдада? Разве сам Авиценна обладал большим научным познанием!

Учителю Али пришлось тяжко, когда наступил его черед в ответ славословить гостя. Как только они уселись на гостевом ковре, перед ними разложили фрукты и шербет. С одной стороны, он никак не мог прервать речевой поток Тутуша, с другой, он очень мало знал о своем посетителе. Он знал лишь то, что Тутуш являлся доверенным лицом Великого визиря, который, в свою очередь, патронировал и учителя Али. В Нишапуре поговаривали, будто Тутуш коллекционирует бирюзу, тончайший фарфор и старые рукописи. Но он не удостоился ни единого титула, и никто, казалось, не помнил, где он жил.

После часового обсуждения того, как идет работа над книгой учителя Али, Тутуш попросил позвать к нему некоего Омара Хайяма. Учитель Али насторожился. Когда Омар появился из сада и уселся на углу гостевого ковра, с почтением сложив руки, спрятав их в рукава, Али стал украдкой внимательно наблюдать за общением между гостем и своим учеником.

– В прошлом месяце, – как бы невзначай начал Тутуш, – мы получили новости с Востока. Роман Диоген, император христиан, был захвачен собственными людьми и ослеплен ими с такой жестокостью, что умер от раны.

Омар нахмурился. Это напомнило ему о сражении, в котором он потерял своего молочного брата.

– Как странно, – добавил Тутуш, кинув взгляд на Омара, – что этого правителя пощадил наш господин, султан, да продлятся его дни и будет он жить вечно. Но затем его убили собственные же люди? Кто бы мог предсказать подобный исход? – И Тутуш снова посмотрел на Омара.

– Никто, – заметил Омар. Казалось, от него ожидался именно такой ответ.

Когда Омара отослали и оба пожилых человека остались одни, Тутуш впервые замолчал и, перебирая бусы из слоновой кости, висевшие на его шее, видимо, размышлял о чем-то важном.

– Верите ли вы, – лениво спросил он, – в науку предсказания? Действительно ли это возможно, о учитель, предсказывать то, чему суждено произойти?

Но учителя Али трудно было заманить в подобную ловушку, и менее всего это удалось бы секретному агенту его всесильного покровителя.

– Я верю, что все возможно с помощью Аллаха, если на то будет его воля. Что касается меня, мое убогое знание посвящено совершенствованию лишь моей книги.

Тутуш пробормотал что-то в знак согласия.

– Предположим, некий человек предсказал три события. Возможно ли, ищу я ответа у вашей мудрости, чтобы все три события наступили и это было бы случайным совпадением?

Тут даже мастер Али не сумел удержаться от комментария:

– Два события из трех могли наступить случайно, но три уже никогда. Тем не менее где найти такого прорицателя, который вдруг да проявит подобную глупость и сделает этакое тройное предсказание?

– Где?! Разве среди ваших учеников нет по крайней мере одного, кто искусен в составлении гороскопов? А как же этот юноша, с кем я говорил только сейчас?

– Омар? – Борода учителя Али странно затрепетала, словно

он подавил улыбку. – Это последнее, что я мог бы ожидать от него.

– Душа моя! Тогда чем же он занимается?

– Он решает кубические уравнения с такой же легкостью, как вы, достопочтенный мой гость, передвигаете бусинки из слоновой кости по шелковой нити.

– Хэй? Значит, он и это умеет? А что поделывает он в часы досуга?

– Он читает все мои книги; в одиночестве бродит по краю пустыни; ест гранаты, и играет в нарды, и говорит слишком мало. И, – учитель Али добавил, не без злого умысла, – он делает вычисления, которые прячет в своем сундуке.

– Но зачем молодому человеку бродить по пустыне? Воля Аллаха, наша кровь, о Зерцало Премудрости, уже водяниста и не так кипит после стольких прожитых лет, но кровь этого птенца горяча. Возможно, этот школяр отыскал себе милую в вашей дикой местности.

– Здесь в округе нет других женщин, кроме прачек, а они старые карги, и у них полно блох и бородавок.

Лицо Тутуша скривилось в гримасе. Он напоминал человека, искавшего сад, а оказавшегося на пустом внутреннем дворе, но который все еще надеется обнаружить там хоть какой-то цветник.

Бусинки щелкнули под его пальцами, карие глазки блеснули.

– Ах-ах. Какой странный студент! Много умеет и много молчит. Возможно, его дар от Невидимого… или, может быть, от дьявола… Поручите тому, кого вы знаете, установить, не практикует ли кто-нибудь здесь тайное применение искусств дьявола. Сможете ли вы проверить, есть ли дар у этого юноши из семьи швецов к глубочайшему и запредельному? И необходимо выяснить, каковы его устремления. Напишите обо всем на бумаге, запечатайте ее и отошлите этого юнца ко мне с этим посланием. Через месяц, накануне пятницы. Пусть прибудет к Такинским воротам Нишапура.

– А теперь, – Тутуш, набрав воздуха, поднялся с улыбкой, – я, тот, кто собирает знания, вынужден покинуть ваш дом, где обитает это самое знание. Увы, я доставил вам множество хлопот.

Когда его гость наконец отбыл, учитель Али провел какое-то время, обдумывая произошедшее. Его, учителя Али, просят понаблюдать за Омаром. И оценить его способности. А ведь он, учитель Али, склонен был подозревать Омара в подглядывании и слежке за своим домом. Тутуш, этот странный человек, велел изложить результаты наблюдений на бумаге. Мучило старого математика и еще одно сомнение. Не умудрились ли эти двое обменяться какими-то тайными посланиями под самым его

носом?! Недоумевал он и по другому поводу. Почему Омара следовало отослать в Нишапур?! Учитель Али во всем видел или искал какой-то подвох.

Все же к концу месяца учитель Али так и не выведал секреты Омара. Он не мог понять, почему его ученик проявлял безразличие к обычной рутинной алгебре и все так же стремился решать новые задачи. Несомненно, Омар ни в коей мере не зависел от пособничества темных сил. Юноша добивался своего, выводя собственные математические формулы. Все это было так, но этого оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить ревнивое любопытство учителя.

В последний вечер он пришел к Омару и хотел заставить его разговориться, как в тот день, когда речь между ними зашла о корнях куба.

– Когда ты возвращаешься к Устроителю Мира? – небрежно спросил он.

Низам ал-Мулк, Устроитель Мира[15], был Великим визирем султана Алп Арслана, властителем этих мест и покровителем учителя Али, а также Тутуша.

– Возвращаюсь? Я ни разу в жизни не видел его.

– Тогда, во имя Аллаха, почему ты здесь?

Омар объяснил все очень просто. Он пришел учиться. После смерти отца Омар нашел новую семью в доме своего молочного брата Рахима. Но когда он возвратился с войны, семья Рахима встретила его плохо. Они стали видеть в своем приемном сыне человека, приносящего в дом одни беды. Словно со смертью Рахима Омар утратил право находиться в их семье. Родственники Рахима отобрали у него и Зою, чтобы продать ее на невольничьем рынке.

После всего случившегося ему стало совсем невыносимо блуждать по улицам Нишапура, где он когда-то весело проводил время с Рахимом. Поэтому он и отыскал дом выдающегося преподавателя, надеясь погрузиться в новую работу.

– И какова должна стать эта работа? – настаивал учитель Али. – В какие ворота ты выйдешь, покидая Академию, чтобы войти в мир и начать дело? Но сначала надо разобраться, как мудрость сама попала в наш скромный маленький мир.

Самую большую мудрость поведали пророки, их, естественно, никто не учил ей, но они постигли ее и проникли в мир Невидимого.

Пророки явились первыми среди обладателей мудрости. Вторыми идут философы, которые благодаря изучению откровений пророков и благоприобретению в совершенстве овладели научными знаниями и способны объяснить обычным

людям то, что было сокрыто от них. Первым в порядке хронологии среди высших пророков был Моисей, вторым Иисус из Назарета и третьим наш господин Мухаммад. Это неоспоримо.

Что касается философов, то тут существуют самые различные мнения. По своему невежеству я могу назвать лишь Платона и Аристотеля и затем нашего учителя Авиценну. Они вплели нити познания и мудрости в покрывало наших бедных умов.

После философов идут поэты. Но искусство поэзии опасно. Задача поэта состоит в том, чтобы разбудить воображение и, таким образом, заставить большое казаться малым, а мелкое – значительным. Пробуждая гнев или любовь, ликование или отвращение, поэзия может принести в этот мир как великое, так и ничтожное.

Но раз поэт будит воображение и не может внести ясность в понимание, значит, искусство поэта менее благородно, нежели у философа. Какие строки поэта сумели пережить своего певца?

Но плоды работы математика, – сказал в заключение учитель Али, – никогда не умирают. Он один достигает доказуемой истины, он, и только он строит единственный мост, связующий неизвестное с известным. Поскольку алгебра – самая благородная отрасль математики, я надеюсь, ты посвятишь себя и свой дар вычислениям и объяснению алгебраических уравнений третьего порядка.

Омара взволновал интерес, проявленный к нему старым учителем.

– Я думал… – он искал слова, чтобы яснее передать свою мысль, – есть другие задачи. Если только наш разум способен постичь их решение. Если бы мы могли измерить параметры движения звезд…

– Звезд?! Но это же астрологи пытаются определить влияние планет на дела человеческие.

– Но задачи ведь и у них все те же…

– И это говоришь ты… ты, мой ученик… Утверждаешь, будто задачи в моей книге подобны и сходны тем, которыми занят какой-то там астролог владыки? Это – безумие… я сожалею, что мне довелось… услышать твои слова…

– И все же истина одного не отличилась бы от истины другого, если бы можно было прийти к ней.

Учитель Али вздохнул и задумчиво оглядел собеседника:

– Сын мой, ты еще слишком молод для таких тщетных желаний. Со временем ты непременно узнаешь следующее – то, что является результатом изучения одной науки, вовсе не может служить доказательством в другой. Если астролог султана прибегнет к математической истине…

Невероятным образом борода учителя Али вдруг затряслась, гортанный звук вырвался из его горла, и он расхохотался. Немедленно устыдившись подобного проявления эмоций, он добавил уже серьезно:

– Боюсь, наши мысли идут разными путями. Я желал бы… я многое бы отдал, лишь бы сделать так, чтобы ты продолжил свои занятия математикой и выбрал бы эти ворота в мир. Это – единственный мост от известного к неизвестному. Что ж, завтра я передам тебе письмо, которое ты доставишь в Нишапур, где, возможно, ты найдешь себе покровителя. Да будет твое путешествие приятным!

Омар замешкался и не отреагировал, когда учитель поднялся. Столь много своих раздумий хотелось бы юноше доверить старому математику, но как немного он сумел сказать. Он чувствовал, как очередная дверь закрывается для него.

Когда ученик ушел, учитель Али взял перо и лист ценной, белой бумаги и принялся писать:

«Для меня совершенно очевидно, что мой ученик Омар Хайям уже равен по своим способностям мудрецу Устаду из Багдада. Он владеет методом, благодаря которому способен приходить к решению всех без исключения задач, но в чем состоит этот метод, я не знаю.

Для меня совсем неясно, как он намерен применять свои дарования, поскольку этот юноша все еще пребывает в рабстве у своего воображения.

Молю Аллаха Всевышнего, дабы это его знание, взлелеянное в моем доме, оказалось на пользу моему покровителю, которого вы знаете и у которого нет более преданного раба, чем я, недостойный Али».

Когда чернила высохли, он сложил лист и тщательно запечатал его на сгибах расплавленным воском, прижав сверху свою печать. Он адресовал послание господину Тутушу.

Глава 2

Переулок Продавцов Конфет, между Такинскими воротами и мечетью Сыновей Хусаина, в канун пятницы перед часом молитвы

В переулке на корточках сидел Омар, держа в руке небольшой железный прут, все еще горячий от огня. С прута он снимал кусочки только что изжаренной баранины и чеснока. Он оборачивал их в длинные узкие полоски, которые отрывал от хлебной лепешки, лежавшей у него на коленях, и ел, наслаждаясь их вкусом.

Он был очень голоден, потому что проделал путь сюда, в Нишапур, от солончаковой пустыни, ни разу не остановившись и не отдохнув с самого восхода солнца. Большую часть пути он проехал на осле, принадлежащем погонщикам верблюдов из каравана, везшего полные корзины соли. В беседе с погонщиками верблюдов время шло быстрее, и, слушая их песни, он не замечал палящего солнца.

Подобные поездки, занимающие целый день, когда приходилось бороться со встречным ветром, всегда наполняли сына Ибрагима ликованием.

Теперь, со своего места в переулке он мог наблюдать, как прибывали через арку Такинских ворот последние путники из долины. Несущаяся кавалькада ослов, два дервиша в сопровождении беспризорной овцы, скрипучая телега, груженная влажной глиной для гончарных кругов, и караван величественных верблюдов-дромадеров, чьи головы качались в унисон с массивными тюками товаров, подвешенными с двух сторон.

– А-а, – заметил владелец лавки, где жарили кебаб, – из Самарканда. С каждым днем их все больше приходит по самаркандской дороге.

– И что они везут? – поинтересовался Омар.

– Только Аллах знает! Слоновую кость, шелк для наших ткацких станков, мускус, амбру, новое прозрачное стекло, бронзу и ревень. Да мало ли, какие еще товары. Трудно назвать то, чего бы они не привозили.

– И например, таких кебабов, как этот, – улыбнулся Омар, отдавая назад пустой прут. Он покопался в своем поясе и достал оттуда три медные монетки.

– Маш-алла! Хвала Аллаху, наши овцы тучны. – Продавец кебабов был польщен. – Эй ты, сын никудышного отца, – все

спишь! Не видишь, молодой господин страдает от жажды? Принеси воду!

Мальчик стоял рядом с ними с большим медным кофейником, закрепленным на плече. Он заслушался сказителя, устроившегося перед фруктовой лавкой. Когда его окликнули, он повернулся и вытащил из кушака фарфоровую пиалу. Наклонив кофейник, он наполнил пиалу и протянул Омару, который принял ее с благодарностью. Наполнив пиалу второй раз, он полил из нее воду на руки и обтер пальцы о полотенце, приготовленное мальчиком.

– Во имя Аллаха милосердного, – пробормотал мальчик.

Омар подал ему мелкую монетку, и тут лавочник стал громко сетовать на жадность продавцов воды, которые не могут утолить жажду правоверного без денег.

– И как же насчет голода правоверного? – удивился Омар.

– Охо, сначала найдите мне того, кто даст мне овцу как подаяние… да, и древесный уголь для очага оплатит, и мальчика, чтобы переворачивать шампура. Уж тогда и я подам страждущим. – Он глубокомысленно покачал головой. – Впрочем, может, ты – паломник и направляешься к святой усыпальнице в Мешхеде?

Пощупав рукой три медные монеты, он все же заколебался. Молодой студент походил на араба и горделивой статью, и сдержанными манерами, но на нем была однослойная, из верблюжьей шерсти накидка, и он нес с собой небольшую седельную сумку. И все же эти его слова…

– Я и сам не знаю, – признался Омар, – куда я иду.

Ему нравилось ощущать себя частью толпы, двигавшейся по переулку продавцов сладостей к входу в прилегавшую к улице мечеть. Был канун пятницы, и многие направлялись на молитву.

Испепеляющий зной в переулке уже не ощущался. Полуголые мальчишки с кожаными бурдюками опрыскивали пыль. Голос слепого акына прорывался сквозь звуки шаркающих шлепанцев. Он пел что-то о двух возлюбленных, заболевших от горя, когда их прогнали из их зачарованного сада.

Стройная фигурка задержалась подле Омара и замедлила шаг. Он заглянул в темные глаза девушки над складками чаршафа. Что-то знакомое мелькнуло в уголках ее глаз и волнистой прядке каштановых волос, выбившейся из-под покрывала. Омар вздрогнул, вспомнив о Зое. Он поспешно поднялся на ноги, взял свиток с бумагами и пошел за девушкой, оглянувшейся назад.

Продавец кебабов со вздохом облегчения разжал пальцы.

– Никакой он не паломник, – пробормотал он про себя и

затем громко закричал: – Эй-эй, кто голодный? Кому настоящее мясо, без хрящей или жил? Кебабы!

Отдаленный голос муэдзина, зовущий к молитве, раздался с минарета:

– Аллах велик… Нет бога, кроме Аллаха… Идите на молитву. Все на молитву… Идите к лучшему из дел… Нет бога, кроме Аллаха…

Омар проделывал знакомые движения, становясь на колени и снова вставая с колен. Огни мерцали в стеклянных подсвечниках прямо над его головой, и странное эхо отражалось от потолка мечети. Повсюду вокруг него шелестела одежда, бормочущие голоса сливались в единое целое.

Он поднялся, чтобы выйти вместе с толпой, и глазами отыскал группу женщин. Девушка в голубом чаршафе шла позади других, рядом с ней двигался грузный слуга. Во внутреннем дворе она небрежно надела шлепанцы, так, чтобы сразу же после нескольких шагов один из них слетел с ноги.

Проказница побежала назад и, остановившись на расстоянии локтя от Омара, наклонилась надеть шлепанец. Сквозь шарканье ног он расслышал ее шепот:

– О сын Ибрахима, на мой день рождения ты не прислал роз.

Она отбежала от него прежде, чем он смог ответить, и уже снова шла рядом со слугой. Степенно, опустив глаза вниз. Тогда он вспомнил Ясми, девочку, которая подарила ему розу три года назад.

Когда он вышел через переулок продавцов сладостей к Такинским воротам, ворота уже заперли и несколько турецких стражников с копьями наперевес заступили на свой пост.

Опустились сумерки, и в лавках стали зажигаться лампы.

– Душа моя! Хайям, вы слишком медленно торопитесь.

Произнесший эти слова кругленький человек, разодетый в блестящие шафранно-желтые шелка, направил к нему лоснящегося пони. Омар узнал Тутуша и протянул ему письмо, которое учитель Али поручил передать ему. Толстяк сразу же вскрыл его и, пригнувшись поближе к лампе, стал читать.

Тутуш заново свернул письмо и заткнул его за пояс. Он протянул серебряный дирхем Омару. Никто не мог бы угадать, доволен ли он содержимым послания или нет. И все же учитель Али намекал Омару, будто этот человек, посещавший Дом Премудрости, мог бы оказать поддержку юноше.

– Где твой дом в Нишапуре? – спросил Тутуш, коснувшись пальцами бусинок своих четок.

– Сейчас у меня здесь нет места, о друг ходжи Али.

Тутуш разглядывал одеяние юноши и его сумку.

– Возможно, я смог бы пристроить тебя в дом седельщика, если бы ты стал учить его восьмерых детей читать Коран, эту благословенную книгу. – Тутуш лениво цедил эти слова, словно швырял куски хлеба собаке. – Как тебе это?

В его тоне и взгляде сквозило столько оскорбительной наглости и высокомерия, что Омар вспылил:

– Окажите свою протекцию тому малому, кто едва освоил премудрости грамоты, о вы, защитник бедняков. Позволительно ли мне будет покинуть вас?

– Конечно, – равнодушно кинул ему Тутуш, натянул поводья и направился прочь. Но предварительно он задержался, чтобы бросить монетку в чашу рябого нищего в лохмотьях, который зашевелился и проговорил:

– Йа-ху-йа хак!

– Следуй за тем юнцом в коричневом плаще, – прошептал Тутуш как можно тише, чтобы никто, кроме нищего, не услышал его слов, – и не оставляй его до тех пор, пока не узнаешь, где он найдет себе пристанище.

– Повинуюсь, – ответил нищий, забрал монету, шумно зевнул и, шаркая, засеменил прочь, как будто щедрость вельможи завершила его трудовой день.

Омар пошел среди двигающихся теней, с удовольствием вдыхая ароматы очагов с тлеющим древесным углем и кизяком, запах непросохшей хлопковой ткани и жареного лука. Ну и пусть этот жирный Тутуш, зло думал Омар, смотрел на него свысока! У него есть пара дирхемов в поясе, и какое-то время он сможет оставаться сам себе хозяином. Можно вернуться в свое старое жилье и устроиться на ночлег под навесом на крыше, там, где сушат пряности. А стоит ему рассказать этим добрым людям о том, что нового произошло в мире, они и накормят его. Ах, если бы Рахим был рядом!

На улице Продавцов Книг он остановился у знакомого фонтана. Стоявшая там девушка словно в раздумье склонилась над бассейном, подставив горлышко кувшина под струйку воды. Омар уселся подле на камень, хотя теперь, когда он был рядом с ней, она, казалось, и не замечала его.

– Ясми, – прошептал юноша.

В полумраке под кроной платана ее глаза между краями чаршафа искали его. Нетерпеливо она откинула прядь волос со лба, и он расслышал ее частое легкое дыхание. Ясми стояла в темноте. Новая, незнакомая Ясми, лицо которой пряталось под чаршафом, тихая, пахнущая розовой водой. Вода переполнила кувшин и струилась вниз, но девушка не шевелилась. Она стала выше ростом, и ее обнаженная рука белела в темноте подле него.

– Ясми, – громким шепотом позвал он, – кого это ты ждешь здесь?

Она вздрогнула, словно он ударил ее.

– Глупец, – вскричала она, – совершенно непроходимый глупец… никого я не жду!

Кувшин взлетел в ее руках, она повернулась и исчезла в темноте улиц. Она бежала как безумная, поскольку каждый день, все эти три года она ждала его здесь. Она проглядела все глаза, уверяя себя, что Омар вернется.

От ствола платана отделилась фигура в лохмотьях. Нищий прихромал ближе и вгляделся в лицо человека, сидящего на камне.

– Во имя Аллаха милосердного, – заскулил нищий, – подайте бедным!

Глава 3

Полдень на реке, выше по течению от города Нишапура, под сенью кладбищенских кипарисов

Даже среди беспорядочного нагромождения могильных плит цветы отвоевывали себе место и создавали волшебной красоты ковер над останками мертвых. И солнце, теплое солнце, освещало своими лучами желтые надгробные камни, высвечивая на них изображение круглых мужских тюрбанов, вырезанное в камне, или пучки цветов, но чаще вообще ничего – то были могилы женщин.

Под темными кипарисами собрались женщины, укрытые покрывалами, их головы склонялись друг к другу, губы шевелились. Они кружком рассаживались около могил, поглощенные разговором, лишь изредка поглядывая на маленьких детей, играющих или спящих тут же, в траве.

То была пятница, и женщины длинными процессиями направлялись в этот святой день на кладбище поминать усопших.

Придя на кладбище в этот день, женщины чувствовали себя свободнее. Кое-кто из старших девочек, беспокойно описав несколько кругов и улучив минутку, когда их не видели другие, убегал за кипарисы. Во время женского поминовения усопших никто из мужчин не осмеливался заходить в пределы кладбища. Но там, ближе к реке, где группами росли ивы, находились укромные тропки, где юноши поджидали своих возлюбленных.

Ясми забрела совсем далеко. Она лежала вытянувшись во весь рост на пригорке, наблюдая за горлицами, летавшими над головой. Эти птицы свили себе гнезда на полуразрушенной стене, окружавшей ее. Крыши не было, поскольку эта стена всего лишь служила оградой высокой башни, расположенной за стеной.

Когда-то давно башню построили как сторожевую, с нее часовые могли наблюдать за рекой и долиной, расстилающейся за кладбищем; но за эти мирные годы башню забросили. И только горлицы да случайные странники, вроде Омара, который частенько приходил сюда по ночам изучать звезды, обитали здесь.

– Ай-ай-ай, – пробормотала Ясми, – и зачем я пришла?

Мысли теснились в ее голове, как голуби, без устали кружившие в солнечных лучах, и она не могла сосредоточиться ни на одной из них. Она очень тщательно спланировала, копируя при этом старшую сестру, как станет вести себя, как будет бросать манящие взгляды и полные намека слова мужчине,

сидевшему сейчас подле нее, пока тот совсем не потеряет голову и не воспылает к ней страстью. Но руки ее дрожали в длинных рукавах праздничного пятничного платья, а слова путались и теряли всякий смысл.

И мужчина, сидящий подле нее, с жаждущим взглядом, не проронил ни единого слова уже очень долгое время.

– Эй, ну рассказывай же, – настаивала она.

– Что мне рассказывать, малышка Ясми? – Омар даже не повернулся в ее сторону, но перед его глазами стояли белая шея девушки, темные сочные губы и затуманенные глаза.

– Разве ты не был на войне, разве не видел там султана? А девушек… множество других девушек в разных городах? Что еще ты видел? Расскажи мне!

Мимолетно пронеслись воспоминания о Зое и долгой дороге по Хорасану.

– Нечего рассказывать, – прервал он ее внезапно. – Уо-алла, нас отвели на заклание, словно баранов. Мы для них были пешками на шахматной доске, которые после игры ссыпали в коробку, да и то только оставшихся в живых. Кто из нас сможет после этого рассказать что-нибудь о войне и о той битве?

Как далекий сон из давно забытого прошлого Ясми вспомнила скачущего с победным видом эмира на белой лошади в сопровождении охраны, вооруженной саблями, который должен был увезти ее в волшебный сад с озером и лебедями.

– Чем ты займешься в Нишапуре? – с любопытством спросила она.

– Кто знает!

– Ты опять уйдешь?

Омар отрицательно покачал головой. Ему не хотелось уходить. Ему не хотелось думать ни о чем и ни о ком, кроме Ясми, так изменившейся за прошедшие годы. Из задумчивого грустного ребенка она превратилась в прекрасную и тревожащую его душу женщину. И все же она не изменилась. Уткнувшись подбородком в скрещенные руки, с решительным смуглым лицом он наблюдал за крошечными человечками, двигающимися от кладбищенских кипарисов к дальним воротам города.

– Говорят, – упорствовала девушка, – ты был самым талантливым учеником мудреца по прозвищу Зерцало Премудрости, и теперь, похоже, ты сам станешь мудрецом.

Омара не удивляло, что такие слухи дошли до Ясми. Улица Продавцов Книг знала все сплетни Академии.

– Скажу тебе лишь то, – он улыбнулся, – что у меня совсем нет работы и нет покровителя. Вообще нет ничего своего. У дервиша есть его чашка и его милостыня, у учителя есть

заработок, но что есть у меня?

Ясми, довольная, откинулась на траву. Если он действительно нищий, никто не отнимет его у нее. Тем лучше.

– Вовсе ты не мудрец… – невольно сорвалось с ее губ, – ты глупее Ахмеда – предсказателя, которому щедро платят серебром за его чтение по звездам. У него широкий плащ из шелка и черный раб… Ой, смотри, последние женщины собираются по домам. Выходит, и я должна идти!

Но стоило ему положить руку на ее запястье, и она не двинулась с места. Горлицы расселись по расщелинам в башне. Осталось одно небо. Небо и они вдвоем.

– Луна уже показалась, – сказала она, показывая на небо. – Мне пора идти.

– Скоро между рогами молодого месяца появится звезда.

– Нет, я уже не увижу этого. – Ее смех зажурчал родниковой водой. – Ты один, взгромоздившись на эту твою высоченную башню, ты один увидишь ее, как и все остальные свои звезды. А ты не боишься призраков, которые выходят погулять из своих могил в белых саванах?

– Нет, они вполне дружелюбны. Они приносят мне астролябию и зажигают звездные фонари и учат меня знаниям, которым владели сами халдеи.

От внезапно охватившего ее ужаса ее глаза расширились. Люди поговаривали, будто Омар обладал странной мудростью, с помощью которой перед ним открывались тайные знания, и, возможно, он говорил с душами умерших.

– Но разве ты говоришь на языке… халдеев?

– Нет, Ясми, но мне является ангел Невидимого, который приходит отдохнуть на стене. Он объясняет все сказанное, ведь ангелы знают все языки на земле.

– Это злая шутка! Нельзя так зло шутить об ангеле. А призраки действительно приходят к тебе?

Ясми придвинулась к нему поближе и как зачарованная не спускала глаз с кладбища, которое едва вырисовывалось в наступивших сумерках. Когда Омар обнял ее, она вздрогнула и попыталась высвободиться, но только опустила голову и прикрыла глаза.

Он почувствовал, как бьется ее сердечко, и услышал прерывистый шепот:

– Я боюсь… я боюсь.

Жажда любви, которая переполняла его, не нашла выхода в словах. Только шепот ответил на шепот. Ее руки потянулись к нему, и она, обхватив его голову, повернула ее к себе:

– Посмотри на меня!

И закрыла глаза.

Серебряная дуга новой луны стала ярче, и звезда замигала в ней. Казалось, кто-то нарисовал ее на черном покрывале ночного неба. Странная жажда терзала Омара, и острая боль пробегала по всему его телу… боль, которая внезапно стихла, стоило ему почувствовать дрожащие губы девушки на своих губах.

– Нет, – выдохнула она, – это плохо… нет, я…

Под темной одеждой, которую он снял с нее, плечи Ясми мерцали белизной при свете звезд. Ее руки, обхватившие его шею, притягивали его к жару ее губ и биению ее сердца. Белым пламенем любви Ясми отвечала на его жаждущую страсть, пока не вскрикнула и не затихла. В потоке его страсти он не отпускал своих объятий, пока оба они не замерли, глубоко дыша, еще не совсем очнувшись от случившегося.

Они побрели к городским воротам много позже вечерней молитвы, не чувствуя почвы под собой и не обращая внимания на луну, зависшую дугой в небе над ними. Луну, похожую на кривую турецкую саблю. А когда они добрались до фонтана под платаном на улице Продавцов Книг, Ясми вцепилась в Омара. От слез намок весь чаршаф под ее глазами.

– О сердце моего сердца, как я могу уйти от тебя?

Для Ясми существовала только одна любовь и только один любимый, и боль расставания мучила ее, доставляя почти физические страдания. Хотя ее губы и бормотали что-то, конечно же это был, без всякого сомнения, ангел Невидимого, который посетил разрушенную башню и дотронулся до ее души.

Омар не хотел есть. Не мог он и спать. Дремота окутала все его тело, но душа жаждала насладиться волшебством ночи. Он с улыбкой посмотрел на нищего, которого обнаружил спящим, свернувшись клубком у ворот его пристанища… Того самого нищего. Он замечал его и поздно ночью, когда тот, прихрамывая, ковылял по улице. Ноги сами вывели Омара на знакомую дорогу к парку, где ночные сторожа с их круглыми фонарями следили за временем и выкрикивали часы во славу Аллаха Всемогущего. Восторженное чувство, опьянявшее его, сделало его чувствительным к странностям этой ночи… Тень, которая скользила за деревьями, сопроводила его к большому пруду, вокруг которого спали бездомные люди, тяжело дыша, не сознавая волшебства ночи.

Белый осел дремал около закутавшегося в плащ горбатого мужчины, присевшего на берегу водоема. Эти двое показались Омару образами смутно припоминаемого сна… Где-то раньше он видел их, но не в такой обстановке.

Когда Омар присел рядом, горбун показал на воду:

– О брат мой, луна утопила себя в море слез.

Омар посмотрел на серебро кривой турецкой сабли, отраженное на водной глади водоема. Горе и печаль не могли иметь никакого значения для него этой ночью, но он понял, как сильно горюет этот горбун.

– Кто ты? – спросил он мягко.

– Я – ночной сторож времени. Я слежу здесь за ним. Посмотри, как те, другие, уснули, забыв про время. На самом же деле я смотрю на луну, которая утонула, поскольку она в воде настоящая, а та, в небе, как всегда, неизменна и безразлична.

Больше того, та луна в небе уйдет и появится снова, словно эта ночь не отличается от других.

– Истинно так… ты прав, – сказал Омар.

– У тех, других, которые… – горбун махнул рукой на спящих, – есть хозяин, у них появился новый хозяин. Но я, Джафарак, потерял своего господина. Ай-уо-алла… мой господин был солнцем доброты. Ай-уо-алла… Он был защитником от несчастий и невзгод. Ай-уо-алла… Он любил Джафарака, несчастного калеку, ничтожнейшего из своих рабов. Теперь солнце покинуло Землю Солнца[16], и защита покинула преданного ей, и возлюбленный ушел от Джафарака. Ай-уо-алла, султан Алп Арслан убит!

Омар смотрел на догоравший свет на воде и едва понял сказанное.

– Я не знал этого, – сказал он.

– Весь Нишапур знает об этом. Только сегодня мы возвратились, неся его тело из Самарканда. Таков был его рок. Подумай только, брат мой, он был тверд и силен в своей власти, и армия поддерживала его. Но кто может избежать своей судьбы? Пленника, этого пса, привели пред очи моего господина в Самарканде. Двое крепких стражников, вооруженных саблями, держали пленника, когда он предстал перед лицом моего господина. И тогда этот неверный пес выкрикнул грязное слово в лицо моему господину, который вскипел от ярости и гнева. Мой господин взял свой лук и стрелу и жестом приказал стражникам отойти в сторону, чтобы он смог уничтожить этого пса своей стрелой. Мой господин, самый ловкий стрелок, никогда не промахивался, если поднимал свой лук. – Джафарак вытер щеки и вздохнул. – И все же одна стрела просвистела мимо, и этот подлый пес, у которого оказалось два спрятанных ножа, прыгнул и нанес три удара моему господину, прямо в живот, и после четырех дней он отошел на милость Аллаха.

– …Человек, – пробормотал Омар. – Да покоится он с миром.

– Я сижу здесь у луны слез и плачу.

Омар смотрел в черную ночь, а могила Рахима была у его ног, и слуга Рахима раскачивался из стороны в сторону.

– Все, что в чане, попадает в черпак, – промолвил рябой нищий. – Нет, он все же молод и горяч, и его кровь не дает ему уснуть ночи напролет. Ахай, я изнурен и хочу спать. Разве я не следовал за ним по пятам, начиная с прошлого кануна пятницы? Нет, он не подозревает ничего. Сейчас он не сумеет отличить буйвола от осла.

– Эта девушка рабыня? – спросил Тутуш. – Или она замужем?

Нищий понимающе прищурился:

– Ночью все кошки серы. Ночью вряд ли кто сможет не спутать кошку с куницей. Но нет, она не рабыня, хотя женщины ее дома и заставляют ее выполнять слишком много работы. И мужа у нее нет, в этом я уверен.

– Как ее имя?

– Ясми, так ее зовут. Содержатель бань «Во славу имама Хусейна» говорит, будто Абу'л Заид, торговец тканями из Мешхеда, предложил солидную сумму за нее ее отцу, этому олуху, слепому продавцу книг.

– Абу'л Заид? Торговец?

– Да, господин. У него большая палатка и много верблюдов.

Минуту Тутуш размышлял. Нищий тем временем уважительно ждал, когда ему оплатят его труды.

– По крайней мере, наш молодой Палаточник не отобьется от улицы Продавцов Книг. Иди и наблюдай, пока не получишь от меня послание.

– О, горе моей голове. Как же я узнаю посыльного, мой господин?

– Когда он пошевелит тебя… вот так, ногой, он скажет: «Где блуждает этот Палаточник?» До тех пор же не спи так много. У других тоже имеются глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать твой храп.

– Ай, а… твой слуга еще не…

Но Тутуш повернулся прочь, бросив полную горсть медяков в пыль у ног нищего. И нищий поторопился собрать их прежде, чем шустрые мальчишки сумели бы выхватить монетки прямо у него из-под носа. При этом губы его шевелились – он пересчитывал их.

– Всего лишь багдадский дирхем – гроши за такую работу. Эх, скупец, он и песка в пустыне пожалеет.

И все же, опасаясь гнева Тутуша еще больше с тех пор, как он узнал, кому служит этот толстый рыхлый человечек, рябой нищий поспешил занять свое место на камне у фонтана под платаном.

Со своего наблюдательного поста он обозревал, как кипела

жизнь у ворот Академии. Длиннобородые старцы приходили и уходили в сопровождении слуг. Вдоль парка проезжали кавалькады всадников. Весь Нишапур пришел в движение, и люди строили предположения в связи с резким поворотом Колеса Судеб. Султан умер, и город погрузился в траур. Мулла в пятничной мечети помянул в своих молитвах имя нового султана Малик-шаха, молодого и миловидного, больше известного людям как Львенок. Малик-шах, чья борода едва покрывала его подбородок, едва оторвавшись от книг, которые он изучал под руководством наставников, и поля для игры в поло, стал отныне защитником веры, повелителем Востока и Запада, господином мира. И эмиры Земли Солнца поспешили засвидетельствовать ему свое почтение.

Но все происходящее нищий наблюдал вполглаза, поглощенный Омаром и Ясми. В дневные часы их редко было видно, но, когда наступали сумерки, они встречались у фонтана… Два тянувшихся друг к другу человека встречались в полумраке, равнодушные к торопливым шагам возле них.

Счастье для девушки, размышлял нищий, что она прятала лицо под покрывалом. Она была безликая и похожая на сотни других женщин, которые собирались с наступлением сумерек посплетничать и доставить себе маленький праздник, а заодно понаблюдать суматоху, вызванную переменой власти – появлением молодого султана.

А вот Омар… Нищий полагал, что этот высокий школяр потерял и зрение и слух. Только время от времени Омар ел с паломниками в переполненном внутреннем дворе пятничной мечети. Он пил воду из фонтана и ни с кем не разговаривал.

«Похоже, – думал нищий с завистью, – он совсем как пьяный, словно опрокидывает по целому бурдюку с вином в свою глотку каждый вечер. Ай… и это не стоит ему ни ломаного пиастра».

На следующий день носильщик подошел к нищему и, с силой ударив носком шлепанца о его ребра, пробурчал:

– Эй, отец вшей, где шляется этот твой безумный Палаточник?

– Йа, ты, отец пустоты… пузырь, болтающийся на ветру! – Нищий, со злостью поглядев на подошедшего, понял, что перед ним даже не слуга, а всего лишь «мальчик на побегушках». – Зачатый грязным мусорщиком и безносой женщиной! Подзаборник, взращенный…

Второй пинок поверг его в молчание, готовое разразиться новым потоком ругательств.

– Кто послал тебя? – проворчал он.

– Тот, кто способен подвесить твою тушу на воротах замка,

дабы тебя исклевало воронье.

– Омар, прозываемый Палаточником, вон там внизу, в банях «Во славу Хусейна». Аллах свидетель, и я был бы там, если бы мне заплатили не один жалкий дирхем и я сам смог бы заплатить держателю бань…

Вместо награды, носильщик отшвырнул чашу нищего и с важным видом удалился, оставив рябого почти потерявшим дар речи от переполнявшего его гнева.

– Пусть собаки щенятся на твоей могиле, пусть стервятники раскидают твои кости, пусть горнила семи кругов ада опалят твою толстую кожу! – стонал он.

Омар последовал за носильщиком к первому внутреннему двору замка, где вооруженная свита с полдюжины знатных персон поджидала возле оседланных лошадей. Здесь они нашли Тутуша, который пребывал в состоянии лихорадочного нетерпения. Увидев Омара, он вскрикнул и, схватив его за рукав, поспешил мимо стражников и ближних слуг (все они, казалось, узнавали его широченный голубой тюрбан и развевающиеся бусы) в небольшую палату без мебели.

– Душа моя, – прошептал он, – время назначенной аудиенции уже прошло. И все же он не посылал пока еще за тобой. – С любопытством он поглядел на Омара: – Ведаешь ли ты, кто потребовал тебе явиться и удостоит своим общением? Низам ал-Мулк.

Сердце Омара заколотилось быстрее, и он почувствовал немного больше, чем обыкновенное удивление происходящим. Низам ал-Мулк – Устроитель Державы – таким титулом звали человека, который был Великим визирем султана Алп Арслана и который все еще держал в руках власть даже теперь, когда Маликшах, сын убитого султана, вступил на трон. Более того, Низам ал-Мулк обладал фактически единоличной властью и вершил дела государства от имени султана.

Получивший блестящее образование, обладавший незаурядными способностями, этот перс постепенно, шаг за шагом, сосредоточил в своих руках управление всеми областями жизни, кроме армии. Зачем такому человеку было посылать за обыкновенным школяром Академии? Это оставалось загадкой.

Да и Тутуш не проливал света на эту загадку.

– Однажды, – задумчиво произнес он, – у Такинских ворот я вонзил в тебя шпору высокомерия. То было испытание. По велению Низам ал-Мулка я приказал следить за тобой…

Омар бросил быстрый взгляд на Тутуша.

– …и охранять. Ты молод и неосторожен. Но теперь, в этот

момент решается твоя судьба. Все поставлено на чашу весов. Сам Низам испытает тебя. Будь внимателен.

Омар слушал, ничего не понимая. Все казалось бесцельным и напрасным, если только тот Львенок, который стал теперь султаном, не вспомнил о нем. Но Львенок отступил куда-то далеко, его скрыли тени большой дороги и глаза Ясми, снявшей с себя чаршаф.

Неожиданно раб отодвинул тяжелый занавес. Пустая палата оказалась в действительности только альковом длинного зала для аудиенций, с огромным розовым ковром. В нише сидел мужчина лет шестидесяти, прямой и осанистый. Он занимался бумагами, лежавшими на низких столиках у его колен. Его редкая каштановая борода, тщательно причесанная, лежала поверх серого шелка его жакета. Он что-то отрывисто сказал, обращаясь к группе мужчин, и протянул бумаги тому, кто по виду напоминал секретаря, и ответил на их прощальный салям, когда они, пятясь и кланяясь, вышли через дальнюю дверь.

Тутуш выступил вперед вместе с Омаром. Они остановились, произнесли приветствие и опустились на колени на ковре перед Низам ал-Мулком.

В течение нескольких секунд глаза визиря из-под его косматых бровей внимательно изучали Омара. Затем он взглянул на листы бумаги под рукой:

– Ты – сын Ибрахима, изучающий математику, ученик мудреца Али? Мальчиком ты изучал философию и богословие под руководством суфия Инам Муяфака?

Он говорил живым, хорошо поставленным голосом человека, привыкшего часами выступать перед публикой, так чтобы слушатели не ослабляли внимания. Тутуш, сидевший в стороне отдельно от Омара, не проронил ни слова.

– Мудрец Али пишет, будто ты обладаешь необыкновенной способностью, дающей тебе особую силу. Но все в мире идет от воли Аллаха. Я желаю знать одно. Скажи мне, каким образом тебе удалось предсказать нашему господину султану, который был тогда принцем, исход сражения при Маласгерде и двойную смерть сначала христианского правителя, а затем и нашего собственного господина, да будет благословенно его имя!

Омар почувствовал, как кровь приливает к лицу. О, если бы только он мог придумать некую правдоподобную и благовидную историю! Но он подозревал, что этот человек со строгими глазами и холодным голосом отметет любое притворство.

– Правда в том… – он судорожно сглотнул, – высокородный господин… то была шутка.

Низам раздраженно дернулся:

– Что такое ты говоришь?! Объяснись. Как мог ты так шутить?!

– Но это было. – Теперь Омар почувствовал себя уверенно. Он расскажет правду, как все произошло. – Высокородный господин, я бродил той ночью по лагерям остановившихся на ночлег воинов и набрел на тот из них, где охрану несли турки. Я немного понял из их речи… но не осознал, что тот молодой господин и был принцем. Его учителя допустили дурацкую ошибку, указав ему на какую-то звезду и называя ее звездой Сухейл. По какому-то своему капризу я высказал это пророчество в свойственной им же торжественной манере. Это все.

– Ты резок до неучтивости. – Визирь откинулся назад на подушки. – Как же ты объяснишь факт, что это… шутливое… предсказание… предопределило наступление всех трех событий? Да, исход сражения и смерть двух повелителей?

Омар задумался на мгновение.

– Как же я могу объяснять это? На все воля Аллаха, ничто не происходит без его на то воли.

– «На все воля Аллаха». Хотел бы я знать, что побудило тебя произнести эти слова. – Низам говорил так, словно сидевший перед ним Омар был безжизненным предметом, который предстояло тщательно изучить со всех сторон. – Уверен, ты не мог знать день и час рождения короля румиев; ты не в силах был вычислить его гороскоп и влияние звезд при его рождении. Но как ты составил гороскоп султана Алп Арслана?

Тутуш невольно мигнул, учуяв подвох и ловушку за этим обыкновенным вопросом.

– Я и не составлял его, – отвечал Омар.

– Но ты имеешь достаточно навыков, чтобы делать подобные вычисления?

– Конечно. Такими навыками владеет еще не меньше сотни других.

– Возможно. – Брови Низама сдвинулись. – Но все же мне ни разу не доводилось слышать о тройном предсказании, сделанном кем-либо еще. Да и мудрец Али полагает, будто ты одарен необычным даром.

Тутуш, которому Низам поручал выяснить все об Омаре Хайяме, сделал едва заметный жест в знак согласия.

– Сын Ибрахима, разве ты не слышал, что Малик-шах спрашивал о тебе много раз с тех пор, как погиб его отец? – внезапно призвал его к ответу визирь.

– Я не слышал.

Оба поглядели на него, и Низам, похоже, удовлетворился ответами Омара, хотя и никак не показал этого.

– Ты еще слишком молод, чтобы сейчас быть допущенным к шаху. – Визирь словно размышлял вслух. – Ну а раз это твое пророчество, оказывается, было всего лишь… шуткой… тебе следует с особой осторожностью ступать на ковер аудиенции. Я не стану утаивать от тебя, что Малик-шах встретит тебя благосклонно. Но все же слова, сказанные тобой мне здесь, в этой комнате, при дворе облекли бы тебя на позор и немилость, если бы не кинули бы в руки палача… Какую награду испросил бы ты у султана за то свое странное пророчество?

Стремительно пронесшиеся мысли заставили Омара вспыхнуть. Ему уже казалось, что прихоть той ночи стала камнем, повисшим у него на шее.

– Но что у меня общего со двором султана?! – вскричал он. – Я не ищу и не жду никакой награды.

Этому Низам не мог до конца поверить. Сам-то он слишком хорошо знал двор султана. И все же он увидел для себя возможность произвести впечатление на своевольного и упорного юнца, представшего перед ним.

– Я, визирь, верный слуга Малик-шаха и окажу дружескую поддержку тебе… коли уж ты сам не ищешь никакой награды. Желаешь ли ты, о сын Ибрахима Палаточника, чтобы я, Низам, стал твоим защитником и покровительствовал всем твоим исследованиям?

Благодарность к этому суровому человеку с ясным взором переполняла Омара. Дверь Дома Премудрости закрылась за ним, и он испытал долю нищего в течение этих последних дней, когда ему так нужен был дом, чтобы защитить Ясми.

– Да, да, да! – вскричал он с сияющими глазами.

– Тогда говори: в чем ты нуждаешься?

– В обсерватории. Астролябия в Багдаде образует три локтя в диаметре. И таблицы звездного неба Птолемея…

– Что еще? Продолжай…

– Если ваша милость желает! Астрономический глобус из полированной бронзы, с горизонтальным кольцом. И фонарь. И если это было бы возможно, точные водные часы, с двухминутным интервалом.

Брови Тутуша ползли вверх по мере того, как рос список этих приборов, редких и дорогих. Но Низам подал ему знак записать все.

– А где, – улыбнулся он, – эта обсерватория должна располагаться? На какой из высоких крыш?

– Мудростью вашей милости, – выдохнул Омар, – Нишапур когда-то оберегался от военных действий, и древние сторожевые башни стоят заброшенными вдоль дорог. За городской стеной, у

кладбища и реки, есть такая башня… я использовал ее ночами, часто. Если бы можно было предоставить ее в мое распоряжение, повесить хороший замок на дверь, и… и какие-нибудь чистые бухарские ковры, с подушками и китайскую ширму и серебряный кувшин для воды?

– Уай-алла! – воскликнул Низам удивленно. – Астрономия, похоже, требует много такого, о чем я и не предполагал. И все же… – ему понравилось отношение к нему Омара, и он почувствовал искренность в его просьбах, – все это тебе предоставят, только есть одно условие.

Омар метнулся вперед и прижался лбом к сухой руке визиря.

– При условии, – продолжил Низам, – что никогда ни одному живому существу ты не признаешься в том, что пророчество в Маласгерде было шуткой.

– Я не буду говорить об этом, ваша милость.

– Если ты все же заговоришь об этом, – вежливо вмешался Тутуш, – говори, будто то было мгновенное озарение свыше.

– О да, – вскричал счастливый Омар, – как вы того пожелаете!

– И хотя, – добродушно заметил Низам, – ты не забыл про ширму, какие делают в Китае, и серебряный кувшин для воды, тебе и в голову не пришло подумать о еде и о слугах. Вот небольшой кошелек с серебром, который даст тебе пищу, а Тутуш отыщет для тебя пару слуг.

И правда, Омар не учел ничего подобного. Он с любопытством взял в руки расшитый кошелек. Никогда прежде он не считал деньги пригоршнями. Он почувствовал легкое опьянение, греющее душу.

– Когда я получу башню? – спросил он с тревогой.

Низам поглядел на Тутуша, который поджал губы.

– К послеполуденной молитве завтра, – тем не менее любезно ответил он.

И Омар ощутил волшебную силу власти.

– Хвала Аллаху милосердному! – вскричал он и коснулся лбом ковра.

Когда Низам сказал, что Омар может идти, тот вскочил, забыв про серебро, но Тутуш напомнил ему, и он поспешил вернуться. Тутуш также шепнул ему, что нужно сказать салям на прощанье.

Как только они остались одни, Тутуш наклонился к Низаму:

– О Солнце Благосклонности, разве не говорил я, что этот юнец – надлежащее орудие, уже приспособленное к вашей руке? Где во всем Нишапуре мы нашли бы другого такого? Разве не создан он для своей роли… с его необычным умом, его странной привычкой говорить искренне, его наивным невежеством во всем,

кроме наблюдения за звездами… и этим его невероятным даром пророчества, которым он владеет? Моя душа, он даже клятвенно доказывал учителю Али, будто астролог владыки должен определять правду.

Низам не улыбался.

– Жаль, я не знаю его тайны… Впрочем, похоже, он ничего не скрывает.

– Ничего! – удовлетворенно эхом отозвался глава шпионов Низама. – Каждое слово, слетающее с его губ, – доказательно, а каждое второе слово – правда. Моя душа! – с силой щелкнул он четками. – Я буду называть его Доказательство Истины. Оденьте его в одежды мудреца, научите его быть немного таинственным и, прежде всего, хранить таинственное молчание, а затем представьте его Малик-шаху со словами: «Вот Омар Палаточник, который совершил пророчество в Маласгерде… я нашел его для посланника Аллаха на земле». Моя греховная душа, все пойдет как по маслу. Туфелька придется явно впору.

– В конце концов, – размышлял Низам, – он вел себя подобно необузданному жеребенку, и все же один раз у меня возникло чувство, что он пренебрег бы нами.

– Ла-ла! Птенец… влюблен. И в тот момент, когда девушка не трепещет в его объятиях, он мечтает снова заполучить ее в свои объятия…

Он резко замолчал, поскольку глаза Низама стали холодными. Низам был фанатиком ортодоксального ислама.

– Возможно, – заметил визирь, – его тайна – дар Невидимого. Такие люди не представляют себе, как знание приходит к ним.

– Воистину правда. «С Аллахом во имя Аллаха».

– Я не могу отыскать иного объяснения. Видимо, его пророчество было чудом.

– Истинно… воистину.

Тутуш, который не верил в чудеса, не имел никакого намерения полностью раскрывать душу перед своим покровителем. Но он ума не мог приложить, что случится, если Омар, если этот Доказательство Истины вдруг научится снова пророчить и его пророчества станут сбываться.

Глава 4

Сторожевая башня, ставшая «Обителью звезд», за кладбищем на берегу реки

Тутуш выполнил свое обещание во всем, что касалось самой башни. Едва сгустились сумерки следующего дня, он передал Омару ключи от новой обсерватории. После этого столяры и каменщики начали трудиться над восстановлением внешней стены и самой башни. Они лепили глиняные кирпичи у обрыва ниже по течению реки и, когда кирпичи высыхали на солнце, укладывали их на место.

Это пришлось по душе Омару, который хотел, чтобы никого не было в башне, когда Ясми впервые переступит ее порог. Он приказал рабочим отмыть стены и земляной пол башни, на котором он расстелил большую плетеную циновку. Эту часть помещения он предполагал превратить в приемную обсерватории.

На втором этаже он расстелил ковры тончайшей работы и покрытую лаком китайскую ширму с извивающимся резным позолоченным драконом. Там размещалось его спальное место и резной сундук из сандалового дерева с его личными вещами.

Третий этаж он оставил почти пустым. Там стояли только простые деревянные столы и шкаф с различными отделениями и выдвижными ящиками для хранения рукописей. Здесь он предполагал работать, когда прибудут приборы. Тутуш принес много книг, подарок Низам ал-Мулка, но объяснил, что приборы, которые просил Омар, необходимо искать в Багдаде.

Омар, впрочем, не склонен был сразу же начинать работу. Он часами бродил по базару в Нишапуре и делал покупки, расплачиваясь только что полученными серебряными монетами. Он покупал отрезы белого шелка, чтобы Ясми могла носить сшитые из него наряды, когда наконец станет его женой и войдет в его дом, а также он покупал фарфоровые вазы, наполненные цукатами. Он обзавелся бронзовой курильницей в виде грифона и фимиамом для нее. Он приобрел серебряный браслет для нее, украшенный небесно-голубой бирюзой.

– Ай, – вскрикнула Ясми, когда подарки были разложены перед ней, – это и правда чудо!

– Тогда и ты волшебница, о разрушительница сердец.

Ясми легонько захлопала в ладоши и позволила Омару закрепить браслет над локтем.

Она, затаив дыхание, с интересом изучала огромный ковер,

поскольку подобные вещи являлись диковиной в Земле Солнца, и не спускала глаз с позолоченного дракона даже тогда, когда Омар ласковыми движениями убирал пряди ее шелковистых волос с шеи, где тонкая жилка пульсировала под его пальцами. Для Ясми это было больше чем счастье.

– В комнате наверху много книг, – заметила она. – Скажи, ты читаешь их все, когда меня здесь нет?

Каждый раз, когда она покидала Омара, она боялась оставлять его одного. Боялась тишины, боялась времени, которое разделяло их, прежде чем она снова сможет сидеть вот так подле него. Ей хотелось знать каждый его шаг между их встречами.

– Нет, – небрежно ответил он ей. – Хотя да, там есть одна небольшая книжка со стихами, сочиненными одним пустынником. Я ее прочитал.

– Стихи! – Ясми слышала рифмованные строки сказаний, которые акыны пели о древних рыцарях, лошадях и сражениях. – А о любви там написано?

– Не больше, чем я прячу в укромном уголке моего сердца.

И он откинул ее голову назад, пока ей не пришлось взглянуть ему прямо в глаза. Ее всегда тревожил его взгляд во время их встреч.

– Ай, – прошептала девушка, – не смущай меня.

– Ты красивее Ширин, которую украшают девушки-джинны, или джиннии.

– Ты прочел о ней в книге?

– Уо-алла, да, в книге моего сердца.

– А что ты читаешь в моем?

– В твоем? О, безжалостность и безразличие, которому мало дела до страданий несчастного Омара.

Ясми казалось, будто ее возлюбленному дарованы таинственные сверхъестественные силы. Без сомнения, он владел всей мудростью древних, и он мог читать стихи, которые пели поэты, он и сам мог произносить слова, звучащие лучше любой музыки их стихов. А теперь он превратил полуразрушенную башню в рай для нее, для нее одной.

Но и это все значило совсем мало, пока Омар оставался Омаром и любил ее.

Девушка глубоко вздохнула. Восторг переполнял ее. Она откинулась на подушки, широко раскинув руки и полуприкрыв веками темные глаза, но не спуская с него взгляда.

– Повтори, разве я жестока? – сорвался с ее губ шепот. – Скажи, разве я надменна?

И он бросился на нее, и, схватив в объятия, целовал до изнеможения, близкого к обмороку.

В Омаре текла кипучая арабская кровь. Веками жили его соплеменники среди сухого, раскаленного, обжигающего воздуха пустынь, где жизнь, проводимая в вечном сражении с бесплодной землей и жестокими врагами, создала мужчин чутких и впечатлительных, откликающихся на чувства и вместе с тем суровых и несгибаемых, как сталь. Сила его страсти с пугающей его самого властью цепко держала его.

Ясми представлялось очень важным, чтобы обожаемая ею башня получила свое имя. Как-никак, люди в Нишапуре утверждали, будто призраки собирались там из могил кладбища, расположенного у подножия башни. Рядом со своим возлюбленным Ясми нисколечко не волновали скитающиеся духи, но старое суеверие заставляло ее сильнее желать дать башне имя.

Тем не менее, хотя Омар и предлагал какие-то имена, она смеялась, научившись уже распознавать, когда он шутит, а когда нет.

– Нет, это не «Обиталище блаженства» и не «Палата гурии». Говорю тебе, нет. Это… это…

– «Пристанище ангела».

– Конечно нет.

Ясми верила без колебаний – добрый ангел спускался сюда даровать им любовь, но не решалась вслух говорить об этом, относясь ко всему связанному с религией с большим трепетом.

– Это «Обитель звезд». Непременно. Разве ты, сердце моего сердца, не читаешь по звездам и не рассказываешь другим мужчинам об ожидающей их судьбе?

Омар удивленно посмотрел на нее:

– Я? Кто говорит подобные вещи?

– О, об этом говорят на улице, в бане. Говорят, это ты напророчил трон нашему господину Малик-шаху. Ты знал.

Ясми испытывала гордость. Ее возлюбленный сможет прочесть по звездам даже судьбу владык. Более того, у него будет работа здесь, в этой башне.

Ясми считала, что астрономия начинается и кончается составлением гороскопов.

– Я знал, – неохотно согласился Омар.

– Значит, это правда. И скоро, может уже к концу этого месяца, тебе привезут инструменты следить за звездами и еще деньги, и тогда ты сможешь прийти к моему отцу, знаменитый и с серебром в руках, чтобы заплатить за меня, и тогда мы сможем предстать перед свидетелями.

Омар пожалел, что потратил все свои деньги на подарки для Ясми. Но тогда он ни о чем, кроме подарков для своей любимой, не думал.

– Скоро, – кивнул он. – Но разве я смогу дать за тебя нужную цену…

– Глупенький, – упрекнула она его. – Раз ты астроном самого великого господина Низам ал-Мулка, люди в моем доме не станут слишком торговаться о выкупе. Как же мне хочется этого! Как хочется! Ведь тогда я смогла бы жить за занавесками в твоем доме и мне больше не надо было бы никуда уходить отсюда. – Взгляд ее замер. – Я не смогу жить, если этого не случится.

– Тогда оставайся.

– Как же я могу? – Ее губы задрожали. – Они говорят, женщину, которая не выходила замуж, украли, и это дурно. Может, я была слишком счастлива, и теперь мне предстоит молиться в мечети, испрашивая милости у Аллаха, ведь я думала только о своей радости.

Однако Омар даже в мыслях своих был далек от святости мечети.

Слишком красив был рассвет. Солнце вставало над зеленой долиной, освещало темные кипарисы кладбища, а от каждой подушки в комнате веяло тонким ароматом тела Ясми.

Когда девушка не появилась на следующий день, он беспорядочно и небрежно пролистывал свои книги. Неожиданно его внимание привлекла тетрадь с переписанными стихами из книги. Одинокие четверостишия были разбросаны по страницам, подобно цветам среди травы. На чистом листе он записал строчки, пришедшие ему на ум.

Ему подумалось, Ясми обрадуется получить рубай, написанные только для нее одной. С каким удовольствием она рассмеется, как засияют ее глаза, когда она станет учить наизусть эти строчки, чтобы потом повторять их.

Он прекрасно знал, какими неловкими и несовершенными были его рубай, ведь он только записал словами родившиеся у него мысли, а не сочинял специально красивые фразы о любви.

Ясми не пришла ни на следующий день, ни еще через день.

Омар прождал долгие часы у фонтана под платаном. Он сидел у ворот мечети, провожая взглядом каждую закутанную в чаршаф фигуру. Женщины входили и выходили, но Ясми среди них он не увидел.

После полудня он поспешил назад в свою башню, веря, что Ясми уже там и поджидает его, но нашел лишь пустые комнаты.

Тогда он уверил себя, будто его возлюбленная больна, возможно, слишком больна и не может передать ему записку. Он пожалел теперь, что отказался от прислуги, которую предлагал ему Тутуш, он не знал ни одной женщины, которую можно было бы послать в дом лавочника, торговавшего старыми книгами, и

получить надежные известия о Ясми, а то и записку от нее самой.

Омар проходил мимо базара по пути в мечеть, когда наткнулся на знакомое рябое лицо и припомнил нищего, промышлявшего на улице книжных лавок. Но на сей раз нищий поспешно отвернулся, словно стараясь не привлекать к себе его внимание.

– Эй, послушай! – Омар схватил его за плечо. – Скажи, видел ли ты… ту, кто всегда говорила со мной у фонтана?

Он недружелюбно прищурился обведенным красным ободком глазом:

– Ту? Головой ручаюсь, господин, я не видел ее, так как ее нет.

Губы Омара едва сумели прошептать:

– Ее нет?

Нищий, умевший читать чужие мысли, заметил, как переменился в лице юноша, и увидел свой шанс получить большую прибыль, нежели от шпионства за этим малым.

– Тс-с, – прошептал он, потянув Омара за рукав. – Я слышал… но я… ослаб от голода и в большой нужде.

Омар механически ощупал пояс и обнаружил, что у него не осталось ни одной монетки. Он подал нищему нетерпеливый знак следовать за ним и стал искать палатку ростовщика, которого знал еще со студенческих лет. То был молчаливый бухарец, сидевший на корточках перед небольшими аккуратными столбиками монет – греческими бизантами, багдадскими дирхемами и медными монетками самого разного размера, даже квадратными, с дырочками, нанизанными на нить.

– Дай мне золотой динар, Назир Бег, – потребовал Омар, – до следующего месяца.

Ростовщик покопался в тяжелом кошельке:

– Это будет стоить тебе серебряного дирхема за каждый месяц.

– Поторопись!

Омар схватил золотую монету и протянул ее нищему, оттаскивая его из толпы.

– Что ты знаешь? Говори правду… только правду.

– Пусть голова слетит с моих плеч, если я лгу! Три-четыре дня назад они побили ту, которую ты знаешь, за то, что ее не оказалось на женской половине. Я слышал, как об этом говорили матери других девушек у фонтана. Хозяином в том доме сейчас брат отца той, кого ты знаешь. Эх, эх! Одного камня достаточно для дома, в котором полно стекол. В гневе пребывал дядя, и как раз тогда, на второй день после случившегося, по воле Аллаха пришло второе предложение о выкупе за нее от торговца тканями

Абу'л Заида. Не таков ее дядя, чтобы затягивать с этим, он и не мешкал, на ходу, можно сказать, рвал подковы.

Омар не проронил ни слова, только лицо его помрачнело.

– Уо-алла, – сказал нищий, – они послали за Абу'л Заидом, послали за кади[17] и свидетелями. Мои глаза видели, как все они прибыли, были там и друзья, ели рис цвета шафрана и сладкий свадебный шербет. Мне маловато перепало.

– А она… как она?

Рябой нищий задумался.

– Я слышал, как тот, кто расстилал ковер, говорил, будто видели, как накануне ночью двое мужчин вели ее всю заплаканную домой. Может, она убежала, может, боялась сильно… молоденькие девушки своенравны и капризны, да и невежественны. Но Абу'л Заид, наслышанный о ее красоте, заплатил хорошую цену. Он торговец, у него множество лавок и палаток…

Нищий широко открыл глаза. Омар повернулся и пошел прочь, как слепой проталкиваясь сквозь толпу. Рябой нащупал золотой динар и озабоченно проверил его на звон о камень.

Монета оказалась не фальшивой – звучала правильно и чисто. Вздохнув, он спрятал золотой вместе с серебром, полученным им три дня назад от дяди Ясми, когда нашептал тому, что Ясми бегает к странному юноше, живущему в башне у самого кладбища.

Тогда ему казалось, он сможет извлечь больше выгоды из сделки с дядей девушки, нежели связавшись с самим Омаром либо с Абу'л Заидом. Естественно, после этого дядя запер Ясми и не спускал с нее глаз, тем временем поспешно послав за торговцем тканями.

Но теперь Омар чудесным образом обогатил рябого нищего, одарив его золотой монетой.

Нищий незаметно придвинулся к прилавку ростовщика.

– Эх, – отважился он, – какое безумие помутило твой рассудок, когда ты одолжил этому школяру без учителя, шатающемуся без дела по улицам?

Бухарец прикрыл своей мощной рукой столбики монет и нащупал пальцами нож за поясом:

– Отойди подальше, ты, отец воров. Нечего тут вынюхивать, ты, общипанный петух. Будто не знаешь, как сам Низам ал-Мулк даровал свое покровительство этому самому студенту?

– Палаточнику? Ай! – Нищий застонал, словно разрезанный по живому. Если бы он только знал! Он мог бы получить от Омара вдвое больше, если бы только пригрозил ему рассказать его секрет. Ах, если бы он только знал!

Весь тот день Омар ходил сам не свой. Наполовину ослепший, наполовину оглохший, безразличный ко всему, кроме смятенных чувств, охвативших его. Каким-то образом он добрался до нужной ему улицы и фонтана и до дома. Незнакомый мужчина дяди Ясми вошел в знакомую лавку. Пожилой отец Ясми, пошатываясь, бродил там же, бледный как тень.

– Ты сумасшедший, – возмутился дядя Ясми, – если приходишь говорить о том, что скрыто за покрывалом. Разве женщины этого дома клейменая скотина, чтобы ты называл их?

За ширмой раздался гневный женский голос:

– Пускай поостережется! У этого вора стыда нет! Во имя Аллаха, где это слыхано, чтобы вор осмеливался вернуться на место преступления, да еще чего-то требовать? Схватите и побейте его! О гриф! О сын сожженного отца!

Но мужчины дома проявили благоразумие и не решились поднять руку на Палаточника, который был вне себя от горя и гнева.

Женские голоса продолжали вопить без удержу, пока Омар не повернулся и не побежал, лишь бы не слышать их крики, раздававшиеся словно удары хлыстом. Прошло несколько часов, прежде чем он хоть немного успокоился. Тогда он уже нашел Тутуша в лавке, в которой продавались драгоценные камни. Тутуш сидел и рассматривал бирюзу. Отрывочными фразами Омар поведал ему обо всем случившемся, и начальник шпионов внимательно и сосредоточенно слушал его, притворяясь, будто изучает камни в своей руке.

Слушая юношу, он мысленно все взвешивал. Если бы девушка была простой певицей или рабыней, он бы приложил все усилия, дабы отыскать и вернуть ее Омару.

Но она вошла в гарем мусульманина, она стала собственностью своего мужа, а Тутуш не сомневался, как ревностно относится Низам к соблюдению законов мусульман, которые нельзя нарушать столь явно. По мусульманским законам женщины спрятаны за занавесками, и так тому и быть. Кроме того, Ясми завлекла Омара в сети безрассудной страсти, а Тутушу совсем не надобно было, чтобы его протеже находился под влиянием одной женщины.

Уж лучше пусть будет несколько женщин. В этом случае спокойнее и безопаснее. И даже предпочтительнее, ведь их можно использовать в качестве источника информации и для оказания давления. Но одна женщина… да в особенности такая молоденькая и влюбленная всем сердцем, а он подозревал, что Ясми именно таковой и является… может оказаться ему, Тутушу, опасной.

Таким образом, твердо решив не вмешиваться, Тутуш изобразил ужас и притворное сочувствие:

– Увы! Жаль, что так получилось. Ну почему ты не пришел ко мне раньше… Ведь, пойми, свадьба со свидетелями совсем как стальная цепь. Кто посмеет разорвать ее? Дай мне все обдумать, и тогда я посмотрю…

– Но вы же можете отыскать ее. Конечно же вы сумеете отыскать ее. Я бы мог посвататься к ней уже в следующем месяце. Она… она так боялась.

Тутуш кивал и качал головой, цокал языком и вздыхал:

– Неслыханно. Никто не может избежать своей судьбы!

– Узнайте, где она сейчас. Ах, если бы я только знал!

– Не волнуйся, я сразу же займусь этим. Сегодня ночью я пошлю своих людей в караван-сараи у базара. Завтра же они скажут, где ее можно найти. Ну а пока оставайся со мной.

Когда на следующий день агенты Тутуша объявились, они заверили Омара, что торговца тканями Абу'л Заида из Мешхеда больше нет в Нишапуре.

Взяв с собой свою новую жену и немного слуг, он покинул город, но, направился ли он на восток, запад, север или юг, они не смогли узнать. Слишком много дорог вело в разные стороны, а торговцев насчитывалось десятки тысяч. Вскоре, и в этом не было сомнения, Абу'л Заид снова объявится где-нибудь. А пока они станут стеречь каждые ворота.

Тутуш надеялся, Омар смирится с этими новостями. Но он ошибался. Палаточник отправился на базар в своей старой коричневой накидке из верблюжьей шерсти. Его видели разговаривающим с погонщиками верблюдов во всех караван-сараях. А затем он исчез, да так основательно, что даже шпионы Тутуша не могли отыскать его след, хотя и старались значительно усерднее, нежели тогда, когда искали Абу'л Заида.

Омар странствовал вместе с погонщиками верблюдов. Еще до рассвета он обрывал свой тревожный сон и без устали рыскал между палатками, заглядывая во все гостиницы, где собирались купцы, пока верблюдов вьючили и они, опустившись на колени, мычали. Он спрашивал всех подряд, не слышал ли кто новостей об Абу'л Заиде, торговце тканями из Мешхеда. И спешил дальше, покрытый пылью, оглушенный криками, продолжая задавать свои вопросы.

Гонимый лихорадкой, снедавшей его душу, более страшной, нежели лихорадка, которая охватывает лишь тело, он обшарил все места отдыха караванщиков и купцов в Мешхеде и даже великую святыню – усыпальницу имама, куда стремились все паломники.

Долго просидел он под колоннами Себсевара и в караван-сарае Бустана. Однажды проследил какого-то Абу'л Заида до самых северных гор, но там этот человек оказался всего лишь продавцом ковриков с бухарского рынка.

Саднящая боль во всем теле не давала ему спать. Он чувствовал себя лучше, когда спешил куда-то рядом с растянувшимися длинными груженными караванами верблюдов. Ясми страдает. Возможно, от лихорадочного жара выступает испарина, и ее темные волосы слипаются прядями. Ее продали как рабыню, как рабыню ее увезли. Они били ее и кричали на нее. А теперь она где-то среди этой вечно двигающейся толчеи на дорогах.

Недели проходили за неделями, кратковременная влага весны сменилась на равнине иссушающим зноем. Прожаренная на солнце глина стала жесткой как железо, и везде, кроме берегов ручьев, зеленые ростки побурели.

В этой всеобщей агонии Палаточнику казалось кощунственным наступать на последние цветы у кромки воды. Жасмин и лилии в его душе связывались только с Ясми и влажной от росы молодой травой на берегу реки Нишапур.

– Истинно, – сказал дервиш, – вот он, страдающий за Аллаха.

Усиливавшийся зной и накопившаяся усталость от бесконечных странствий вызвали лихорадку, которая свалила Омара. Две недели лежал он, обессиленный, ничком, пока боль не покинула его тело, и он поднялся, едва держась на ногах, слишком слабый, чтобы продолжать свой путь. Один добрейший мешхединец предложил отвезти его на спине своего осла домой.

После перенесенной лихорадки Омар пришел в себя и теперь, когда голова стала соображать яснее, понял, как бессмысленно было метаться в своих поисках от одного места к другому. Ему следовало действовать иначе, и теперь ему казалось, он просто пытался убежать от собственных душевных терзаний. Несомненно, за это время хоть какая-то весточка от Ясми могла бы добраться до башни или шпионы Тутуша принесли бы ему известие. Он поступил безрассудно, покинув дом. Но еще какое-то время он чувствовал себя слишком больным, чтобы отправляться в обратный путь.

Пришел день, когда Омар спустился с осла на дороге к кладбищу и распрощался с человеком из Мешхеда. Он взобрался на холм к своей башне, словно не ожидая увидеть ее там. Но башня стояла на своем месте, а внутри стены он обнаружил заново возведенные там строения и двух слуг, присматривающих за недавно высаженным садом. За парапетом на самой вершине отливали бронзой приборы. На холме рядом с обсерваторией был

возведен деревянный столб. Омар остановился посмотреть. На плотно утрамбованной глине у основания столба был прочерчен круг. Бородатый слуга подошел и почтительно остановился около него.

– Счастливы вашему возвращению, о господин, – произнес он. – Мы упорно работали, чтобы привести все в порядок. Не хотите ли войти, господин?

Только его взгляд выдавал горячее изумление при виде этого изможденного, исхудалого, покрытого пылью юноши в ободранном плаще.

– Да, – ответил ему Омар.

Он прошел в свою комнату. Там все оставалось нетронутым. Дракон по-прежнему извивался на своей ширме, подушки лежали аккуратно сложенными в изголовье стеганого матраса.

– Скажи, – обратился он к слуге, – не приходила ли мне записка, нет… какой-нибудь знак?..

Мужчина закивал улыбаясь:

– Да, ходжа, о мой господин, каждый день приходила записка от господина Тутуша, он справлялся, не изволили ли вы, ваша честь, возвратиться. Вот и сейчас я послал мальчишку в Нишапур сказать, что пришло время вашего возвращения.

– И никаких других посыльных ко мне не являлось? Никаких писем не приходило?

Ясми не умела читать, и все же она могла бы послать несколько строк с помощью писца на базаре.

– Нет, – ответил слуга, – никаких других посыльных, никаких других писем.

Омар сел на диван у окна. Тем временем слуга принес в серебряном кувшине чистой воды вымыть ему ноги. В комнату вошел седобородый мужчина, который после витиеватых приветствий назвался Мей'муном ибн Нахибом аль-Васити, математиком Багдадской низамийи – исследовательской Академии, созданной в этом городе великодушным Низамом[18]. Мей'мун с удивлением посмотрел на молчавшего Омара и уже более короткими, сухими фразами объяснил ему, что он привез для обсерватории исправленное издание звездных таблиц Птолемея и по воле Низама большой бронзовый глобус звездного неба, которым пользовался еще сам Авиценна.

– Хорошо, – отсутствующим голосом откликнулся Омар.

После ослепительно яркого света и жары запекавшейся от солнца пустыни здесь было тихо и покойно, вот только этот сухой голос раздражал его.

Ходжа Мей'мун фыркнул и удалился, чопорный, как аист, который неожиданно, сам того не ведая, наступил на черепаху.

Но, когда уже стемнело и Омар мерил шагами верхнюю площадку башни, старик математик не смог побороть свое желание подняться наверх, где расположились его сокровища.

Нарочито не обращая внимания на молчаливого Омара, он зажег четыре масляные лампы, прикрепленные к постаменту глобуса. Затем он подогнал тени так, чтобы мягкий, чистый свет озарял верхнюю половину гигантского глобуса.

Омар приостановился, не спуская глаз с отполированной бронзы. Подойдя ближе, он стал внимательно всматриваться в его поверхность. Целая сеть тончайших линий соединяла точки, изображавшие звезды. Линии были тщательно прорисованы, и только одно-два слова среди созвездий с неясными очертаниями портили эту ажурную паутину тончайшей работы. Многие руки работали над ее созданием – он мог видеть места, где свежие линии перечеркивали более старые насечки. Да, вот там последнее очертание кончика хвоста созвездия Дракона, отвернувшегося от Полярной Звезды…

Окинув взглядом горизонт справа налево, он положил руки на глобус и начал медленно поворачивать, пока рисунок на его поверхности не совпал с картиной звездного неба над его головой. Руками он нащупал колесо горизонта.

– Оно устанавливается вот таким образом, – пояснил сухой голос, – а закрепляется вот так.

– Да, – произнес Омар, – да.

Вот наконец он, Омар Хайям, стоит здесь с этим величественным творением мастеров, которое находится под его руками, и плоды научных наблюдений Авиценны перед его глазами, а подле него математик из Багдада, как бдительный и внимательный страж.

Но он не ощущал в себе восторга.

– Душа моя, – запричитал Тутуш на следующее утро, – ты похож на отшельника, вернувшегося из звериного царства. Как же мы искали тебя! И как теперь сумеешь ты загасить огонь гнева Низама водой объяснений?! Ну да что говорить… Главное сейчас, что ты уже здесь.

– Пока меня не было, не подавала ли известий о себе Ясми, – спросил его Омар, – какой-нибудь записки или знака?

– Ах, эта девушка. – Начальник шпионов добродушно подмигнул ему. – Ну конечно. Думаю, нет… точно нет, я ничего подобного не слышал.

– Но у ваших людей есть о ней сведения?

Тутуш сморщил губы и отрицательно покачал головой. Его агенты, объяснил он, рыскали как ищейки, смотрели как соколы,

они не сумели ничего увидеть.

– В конце концов, – весело заметил он, – на рынке можно найти много других девушек. Персиянок, этаких бульбочек, китайских рабынь с самаркандского пути, хорошо обученных, ох, до чего умелых! Но Низам сердится. Мы должны выработать какой-то план, дабы представить на его рассмотрение.

Омар не отвечал. В голове у него не мелькало и тени какого-нибудь плана.

– Думай, о юный ходжа. Подумай над планом, который ты принес с собой из Дома Премудрости. Какие мысли заполняли тогда твой разум? Может, их можно довести до совершенства, дабы угодить нашему покровителю?

– Новый календарь.

– Что?

– Новое измерение времени, которое окажется более точным, и не надо будет терять целые часы.

Тутуш с опаской посмотрел на Омара. Слуги уже поведали ему, как странно ведет себя их новый господин.

– Ну-ка, – предложил он с улыбкой, – положи руку сострадания на боль моего невежества. У нас есть Луна, созданная Аллахом, дабы сообщать нам с каждым своим новым рождением о начале нового месяца.

Несомненно, ни один смертный не в силах приспособить для исчисления времени нечто более совершенное, нежели Луна, творение Аллаха. Не правда ли, а?

– Египтяне сделали это, христиане тоже. – Омар нетерпеливо и сердито сдвинул брови. – Но этот небольшой деревянный гномон[19], который вы поставили здесь, подходит лишь для игры малым детям. Пойдем посмотрим.

С ходжой Мей'муном, замыкавшим шествие, они направились к небольшой деревянной палке.

Тутуш приложил огромные усилия, чтобы воздвигнуть это сооружение, надзирая за его установкой, которую осуществляли плотники из дворца. Ему казалось, он отбрасывает великолепную тень на тщательно отшлифованную глину. Но Омар только повел плечом и вырвал столб, затем бросил с обрыва. Похоже, некая глубинная ярость кипела в этом человеке, вернувшемся с дорог, пролегавших в пустыне.

– Эта штука будет раскачиваться на ветру и коробиться от солнечных лучей! – кричал он. – Разве мы дети, играющие в «притворяшки»? Нам нужно то, чем владеют неверные: мраморный столб на фундаменте, мраморный столб в пять раз выше человеческого роста, соблюдение размеров с точностью до ногтя по всем сторонам и на вершине. И мраморные плиты, дабы

соорудить треугольник для его тени. Плиты должны быть ровными, отполированными, на стыках проложеными медью и тщательно выровненными по водяному уровню. Ох… лучше пришлите мне ремесленников, и я сам объясню им все, что от них требуется.

– Сначала, – пробурчал Тутуш, – мне следует согласовать все с Низам ал-Мулком. Как-то странно все это звучит, словно мы задумали возводить монумент в стиле неверных…

– Это единственная возможность измерить с точностью до волоска в вашей бороде ежедневное изменение тени.

– С точностью до волоска! – Тутуш схватился за свой тюрбан и отвел в сторонку сосредоточенно слушавшего их разговор ходжу Мей'муна, чтобы шепотом поинтересоваться, не кажется ли математику, будто Омар одурманен.

– Может, так оно и есть, – заявил пожилой человек. – Об этом я ничего не знаю. Но одно я знаю, – борода его дернулась, и на лице появилось слабое подобие улыбки, – он не глуп во всем, касающемся вычислений. Тот гномон, который он описывает, будет точным. Я даже допускаю, при правильной установке его точность не уступит вон тому большому глобусу Авиценны.

Тутуш доложил о своих сомнениях Низаму, который достаточно холодно слушал его рассказ, поскольку исчезновение Омара помешало его собственным планам, до того момента, как тот упомянул, как ходжа Мей'мун одобрительно отозвался об этом методе измерения времени.

– Календарь, – задумался визирь, – это противоречило бы традиции… да и улемы[20] стали бы возражать. Христиане используют свой календарь без изменений со дней Рима, и китайцы имеют свои циклы, а у нас, персов, была Йаздигирдская эра до начала мусульманских завоеваний. Думаю… думаю, это было бы опасно.

Закрыв глаза, Тутуш вздохнул.

– Сначала Омар говорит мне, будто время едино, а теперь главный визирь заявляет, что в мире есть четыре разных времени. Увы, где уж мне понять и разобраться в этом!

– Четыре календаря, – поправил его Низам. – А Малик-шах по-прежнему спрашивает об Омаре.

– У меня Омар теперь просит водные часы для измерения одной-единственной минуты за целый день. И какая ему польза от этой затеи – следить за ней день-деньской напролет и когда спишь и когда бодрствуешь.

– При помощи этих часов он сумеет выбрать тот день весной и осенью, когда день и ночь равны до минуты. При помощи большого гномона ему удастся определить момент, когда тень от

него в полдень достигает самой большой длины в зимнее время и становится самой короткой в летнее время. А наблюдая за движением звезд, он сможет сверить свои вычисления. Да, я понял, чем он собирается заниматься.

– Инш-алла, – проворчал Тутуш, – на все воля Аллаха.

– Если на то будет воля Аллаха, мы сможем подарить Малик-шаху в его царствование новый календарь.

Низам неожиданно осознал, какими достоинствами обладал этот план. Султану придется по душе идея получить новый календарь, изобретенный исключительно для него. Будучи вдвойне довольным Омаром, султан захочет назначить Палаточника царским астрономом, а он, Низам, задумал это с самого начала.

– Я позабочусь о том, чтобы Омар получил свои новые водяные часы, – решил Низам. – Но скажи, зачем он отправился странствовать столь необычным способом?

Тутуш моргнул и улыбнулся:

– Только Аллах ведает, слуги в полном неведении.

– Твоей обязанностью станет не допустить новых подобных его отлучек. Он нужен мне.

Покинув покои Низама, Тутуш поспешил к себе, в свой укромный уголок. Иногда он уединялся в этом глухом убежище на старом торговом складе, с выходом к базару и во двор мечети. Там он имел свое потаенное место, поскольку не стремился, чтобы кто-нибудь еще знал об его существовании. Это его прибежище охранял немой египтянин, который числился хозяином комнат. Там, порывшись в сундуке с тремя замками, Тутуш извлек оттуда небольшой тонкий серебряный браслет, украшенный бирюзой цвета чистого неба.

Его принес в башню горбун, когда-то любимый шут прежнего султана. Этот горбун объяснил, что это знак от женщины по имени Ясми, которая просила передать, что она очень тоскует и что ее увозят далеко-далеко по дороге на запад, в Алеппо.

– Только в этом одном Омар неподатлив, – размышлял Тутуш, – и клянусь душой, не надо мне, чтобы он опять рванулся в западный мир, в Алеппо. Под угрозой гнева Низама, нависшего над моей головой, этого не будет.

И он решил избавиться от этой серебряной вещицы, послужившей посланием. Заткнув браслет в пояс, он запер сундук и вышел на узкую улочку. Когда он приблизился к стайке девочек-подростков, играющих у фонтана, он достал серебряный браслет и уронил его. Он не повернул головы на звук, когда браслет ударился о плоские камни. За спиной у него стало тихо, а затем раздались тихие восклицания и легкий топот босых ног.

Тутуш обернулся и посмотрел назад.

У фонтана никого не осталось, а серебряный браслет исчез.

– Прячь камень среди камней, – процитировал он улыбаясь, – а песчинку в пустыне.

Низам ал-Мулк был доволен тем, как шли дела в обсерватории. Еще до окончания жаркого сезона в рабочей комнате уже стояли водяные часы.

Они представляли собой два больших колеса с определенным периодом вращения. Небольшое колесо поворачивалось шестьдесят раз за час, а большое колесо поворачивалось один раз в час. Серебряная стрелка наподобие наконечника у копья проходила вдоль размеченной шкалы от края до края ровно один раз от полудня до полудня и затем проделывала свой обратный путь уже в течение следующих суток.

По крайней мере, Тутуш считал их исключительно точными, но ходжа проинформировал его, что примерно за год или около того они сумеют определить их отклонение от точного времени. Тутуш посетовал, что часам не хватает миниатюрной статуэтки всадника, который отмечал смену дней острием своего копья. Такие часы он видел в замке. И Мей'мун лишь сочувственно посмотрел на него. Похоже, математики не нуждались ни в ком, кто бы напоминал им о смене дней.

Наконец все приборы прибыли, добавилось и еще четверо новых сотрудников обсерватории. Новый мраморный гномон тянулся к небу, и даже Мей'мун признал, что все готово и пора приступить к выполнению великой задачи по новому измерению времени. Мей'мун отводил на эту работу семь лет, Омар же полагал справиться с ней за четыре-пять лет.

– Душа моя, – вскричал Тутуш, – нам удается воздвигнуть целый дворец за четыре-пять недель!

– О да, – согласился Омар, взгляд его зажегся, – но, когда ваш дворец обратится в прах и там обоснуются лишь ящерицы, наш календарь все так же будет существовать.

– Будь у меня свой дворец, – рассмеялся пухлый начальник шпионов, – не стал бы я ни на йоту волноваться о событиях того времени, когда я и сам буду лежать среди ящериц.

Но он доложил Низаму о готовности шестерых астрономов, препоясавших чресла и заточивших свой ум, словно шпагу.

Вслед за тем Низам подготовил небольшой спектакль в честь своего господина султана за неделю до осеннего равноденствия, когда, по словам Омара, астрономы собирались приступить к своим наблюдениям.

В тот день Малик-шаха уговорили посетить башню после его

возвращения с охоты на газелей. Во второй половине дня обсерватория напоминала павильон развлечений, с коврами, расстеленными по всему новому саду, и подносами с засахаренными цукатами и шербетом, разложенными в тени деревьев.

Туда прибыла депутация профессоров Академии и с ними мудрец Али, алгебраист, все в придворном облачении, и группа хранивших молчание мулл из мечети, которые держались в стороне ото всех присутствующих.

Низам приветствовал священнослужителей со всеми подобающими им почестями и усадил ближе всех к помосту, покрытому шелковым покрывалом и предназначенному для Малик-шаха, поскольку все они являлись членами всемогущего религиозного совета, но никакой симпатии к научным изысканиям они не испытывали. Он шепотом попросил Омара соблюдать осторожность и всегда становиться за ними и не говорить ничего, пока они не произнесут своих слов.

Омар вообще не имел никакого желания говорить. Он чувствовал себя зрителем в чуждой ему компании и был рад, когда стихли приветствия и все глаза повернулись к кавалькаде всадников, двигающихся наверх по холму от реки.

Малик-шах отдал свое охотничье копье рабу и спешился у ворот до того, как взволнованные слуги успели раскатать ковер перед ним. Пропыленный и радостно возбужденный после долгой езды верхом, молодой султан, как показалось Омару, не испытывал особого удовольствия от встречи с Низамом и самыми старыми муфтиями. Бледное лицо, горделиво поднятая голова на высокой шее, он двигался со звериной грацией. Он никогда не жестикулировал, никогда не повышал голоса во время своей речи.

Когда Низам выдвинул Омара вперед, чтобы тот преклонил перед Малик-шахом колени, тот сосредоточенно посмотрел на молодого астронома.

– Это ты… – тихо произнес султан.

– Слуга вашей милости, господина мира, – пробормотал Омар традиционную фразу.

– На привале, на дороге через Хорасан, ты пришел ко мне и предсказал то, чему суждено было случиться… пусть те, кто окружал меня, заполняли мой слух лживыми словами. Я не забыл. И не забуду. Что ты хочешь получить из моих рук теперь?

Мгновение эти двое изучали друг друга. Воитель, все еще в мыслях отделявший себя от переполненного мира ислама, все еще дитя далекого Кха-хана, правителя империи пастухов и воинов, там высоко под Крышей мира, и школяр, все еще живущий в мире своих фантазий. Малик-шаху исполнилось

двадцать лет, Омару – двадцать два.

– Я прошу принять меня на службу к моему господину.

– Хорошо, – улыбнулся Малик-шах. – А теперь покажи, что ты уже сделал здесь.

Султану понравился очень высокий гномон, и он с любопытством осматривал другие приборы.

Когда пожилой Мей'мун, пришедший в смущение от царившей в этот день толчеи в обсерватории и присутствия султана, попытался пояснить рисунки на огромном астрономическом глобусе, Малик-шах повернулся к Омару и приказал ему самому заняться пояснениями. Султану нравилось ясное изложение молодого астронома.

Глава муфтиев, раздосадованный тем вниманием, которое молодой правитель проявлял к научным приборам, выступил вперед, дабы отстоять свое достоинство.

– Внемлите! – закричал он. – Записано так: «Да не станете вы преклонять колена в поклонении ни солнцу, ни луне, но станете поклоняться Богу, который один создал их обоих, если вы хотите служить ему!»

Одобрительный гул прокатился среди муфтиев, приветствующих строчки из Корана.

– Также сказано там, – тут же отреагировал Омар, – «Среди его знаков есть ночь, и есть день, и солнце, и луна. И если не станут ясными его знаки, как мы получим послание от него?»

Малик-шах не произнес ни слова. Его предков, язычников турок и первобытных варваров, обратили в ислам, и Малик-шах был столь же благочестиво набожен, как и фанатик Низам.

Султан церемонно попрощался со старейшим муфтием, но, когда вскочил в седло, подозвал к своему стремени Омара.

– Визирь просил меня, – сказал он, – пожаловать тебе должность царского астронома. Жалую тебе ее. Завтра на совете тебе выдадут почетную мантию. – Он импульсивно наклонился к Омару. – Приходи и сиди подле меня чаще. Клянусь головой, я так часто нуждаюсь в правдивом знаке.

И, натянув поводья, с глухим стуком мелькающих копыт он пронесся вниз холма, сопровождаемый длинной вереницей офицеров и охотников, которых заволокла пыль от его копыт.

– Нехорошо ты поступил, – заметил Низам, когда на следующий день они с Омаром остались вдвоем, – вступив в словесное состязание с учеными муфтиями. Отныне может так случиться, они станут чинить препятствия на твоем пути.

– Но почему, о отец? Мне нечего делить с улемами.

– Тогда постарайся держаться подальше от них, Омар. Будь внимателен, тебе еще многому надо выучиться из того, о чем ты

еще не имеешь понятия. Твое назначение будет оглашено на совете, и двенадцать тысяч мискалей будут выплачиваться тебе ежегодно без взимания налогов с этой суммы.

Омар удивленно вскрикнул. Никогда в жизни не помышлял он о таких суммах.

– Может так случиться, – беспечно продолжил Низам, – что Малик-шах станет преподносить тебе и иные подарки. Думаю, он тверд в своих симпатиях, но помни, каким безжалостно суровым он может стать к тому, к кому утратил доверие. Шпионы его похожи на пчел в медовых сотах его дворца. Его милость – столб, на котором держится твоя палатка, без него твой дом рухнет.

Омар недоумевал. Неужели, даже будучи завален работой на благо молодого султана, которому он искренне симпатизировал, он должен был еще как-то бороться за монаршую благосклонность к себе?!

Низам словно угадал его мысли.

– У тебя есть моя поддержка, – спокойно пояснил он, – и в настоящий момент, да будет на то воля Аллаха, никто не посмеет открыто противостоять мне. Но все-таки у меня есть и свои дела…

И со знанием дела он изложил Омару, каким образом он, Великий визирь, ткет полотно вновь образовавшейся империи.

До прихода сельджукских турок три поколения назад земли ислама оставались раздробленными, разные принцы вели бесконечные войны. Сам халиф в Багдаде обладал лишь тенью того авторитета, которым пользовался когда-то Харун ар-Рашид.

И так продолжалось до тех пор, пока он не заручился поддержкой сельджукских турок с их воинственными кланами. Алп Арслан, Бесстрашный Лев, смерчем пронесся с востока на запад, очистив Хорасан от врагов, и с триумфом вступил в Багдад, как султан, признанный халифом.

Затем и Алеппо был завоеван, и святые города Мекка и Медина вошли в состав нового царства. Христианская Византия сначала подвергалась изнурительным набегам, а затем была повержена при Маласгерде, и этому Омар сам стал свидетелем. Теперь все расширяющаяся империя сельджуков простерлась от Самарканда до земель у города Константинополя, и последние потомки римлян платят дань Малик-шаху. Со временем Назим предполагает выдать дочь Малик-шаха замуж за нынешнего халифа. А сам Малик-шах женат на дочери византийского императора Константинополя. Так юный царь станет связан кровным родством с законным главой ислама и римскими цезарями.

– Этой зимой, – задумчиво добавил Низам, – султан отправит

маршем свою армию в Алеппо, чтобы по пути взять Иерусалим, третий из святых городов, отобрав его у египетского халифа, выскочки, смутьяна и заговорщика.

Омар поразился тому, как человек мог с подобной уверенностью планировать взятие города и присоединение целой речной долины к империи. Низам ежедневно призывал Омара на долгие беседы. Он объяснял ему, как законы претворяются в жизнь, как собираются налоги, как проходит мобилизация в армию, как работает шпионская сеть – глаза и уши султана по всему региону. Он тщательно перечислял все причуды, прихоти и капризы Малик-шаха – страсть к охоте, склонность обращаться с женщинами как с бездумными рабынями, слепая вера во всякого рода знамения.

– Всегда помни об этом, – заключил Низам. – Его дед был варваром. И если вдруг рядом с Малик-шахом окажется астролог, получающий плату от его врагов, владыку легко будет уничтожить его же собственным суеверием.

Омар согласно кивнул. Он очень хорошо представлял, как шарлатан способен погубить любого человека.

– Итак, задача твоя не из легких, – медленно проговорил Низам. – Полагаю, и ты сам не слишком большую веру имеешь в гороскопы и знамения. Я же знаю одно: обычное движение звезд отражает волю Господа нашего – Аллаха. И когда Малик-шах станет консультироваться у тебя о счастливом часе для принятия определенных шагов или нет ли на небе знака о том, успех или неудача ждут его в его начинаниях, делай правдивые вычисления, исходя из его гороскопа. Следи, дабы никто другой не влиял на его решения. И помни – многие будут не спускать с тебя завистливых глаз на каждом твоем шагу.

Омар легко согласился с этим замечанием Низама. Он уже познал, что означало жить под неусыпным оком шпионов, отслеживающих каждое движение. И если Малик-шах попросит его вычислить значение звездных знамений, ему не составит большого труда сделать это, пользуясь правилами астрологии, столь же древней, сколь и башни халдеев. И что за беда, если эти знаки не имеют никакого смысла? Если Малик-шах попросит, он представит их ему, ничего не добавляя, ничего не отнимая.

– Порой, – небрежно добавил Низам, – он может попросить тебя рассмотреть влияние звезд на дела, находящиеся в моем ведении. Тогда тебе следует направить гонца ко мне, дабы узнать, какой ответ предпочтительнее. Ибо подобные дела требуют тщательной подготовки и я один могу улаживать их.

Омар удивленно посмотрел на собеседника.

– Две руки правят империей, по воле Аллаха. – Низам

улыбнулся, видимо каким-то своим мыслям. – Одна рука – рука царя, носящего корону, а другая рука – рука визиря, носящего тюрбан. От руки царя исходят войны и завоевания, наказания и награды, от руки визиря – порядок и налоги, политика по отношению к другим народам. Я служу Малик-шаху честно и праведно, и все-таки конечной целью моего земного пути является строительство фундамента нового государства… Поэтому я и прошу тебя об одном – советуйся со мной, когда затрагиваются вопросы политики. Это тебе понятно?

– Истинно да, – заверил его Омар.

Он чувствовал, какое доверие оказывает ему этот аскетически суровый человек, который был умнее и мудрее, нежели Малик-шах, или он сам, или догматики улемы.

Низам был столь же тверд и непоколебим, как новый мраморный гномон Омара.

– Я получил твое обещание, – спокойно откликнулся Низам, и вида не подав, какое ликование чувствовал он в душе.

Уже два года, с тех пор, как внезапно умер Алп Арслан, он задумал отыскать Омара, приблизить молодого ученого к себе и добиться его назначения астрологом Малик-шаха.

– Теперь, – признался он Тутушу, – мы сумеем использовать его влияние на Малик-шаха.

Но благодушное расположение духа Низама растаяло, когда Омар обратился к нему с первой же просьбой. Еще год, считал новый царский астроном, ежедневные наблюдения на башне будут лишь несложной рутинной работой, с которой легко справятся Мей'мун и другие астрономы без него. Тем временем он хотел бы отправиться в поход с Малик-шахом на запад, тем более и султан просил его об этом.

Омар не стал объяснять Низаму, что он сам подал эту идею своему властелину. Не стал он объяснять и того, что он попытается поискать свою Ясми на дорогах на запад. Теперь он имел богатство, власть и влияние, благосклонность могущественного повелителя, и он твердо решил отыскать девушку, о которой так тосковал.

Тутуш усмехнулся, когда услышал новость.

«Эх, старина Низам, когда-то ты осыпал меня проклятиями, когда этот самый Палаточник ускользнул от меня, как бродяга, но в первый же месяц твоего руководства им он снова уходит странствовать по дорогам, только теперь взяв в попутчики султана», – подумал он.

Вслух же ханжески произнес только одно:

– Так было предопределено и записано.

Часть третья

Глава 1

Лагерь Малик-шаха на руинах Вавилона у стремительных вод реки Евфрат. Ранняя весна 1075 года по христианскому календарю

Первые признаки опасности Омар заметил, когда еще армия ждала переправы через Евфрат.

Шатры знати, а Омар перемещался вместе с личной свитой султана, разбили в пальмовой роще, росшей вдоль самого берега. За ними простирались полуразрушенные развалины когда-то колоссальных размеров кирпичных стен и песчаные курганы – все, что осталось от Вавилона. Омар много времени провел, бродя среди этих развалин и с любопытством исследуя их. Султану, напротив, если только он не охотился, больше нравилось сидеть и смотреть на искусные движения танцовщиц и манипуляции фокусников.

В полуразрушенном внутреннем дворе крепости развесили гобелены, а пролет мраморной лестницы покрыли коврами, специально для султана и его шутов, и в один из прохладных вечеров Омара призвали туда.

– Послушай, звездочет, присядь и посмотри вместе со мной на этих моих послушных псов, – весело поприветствовал его Малик-шах.

Омару уступили место на ковре. Внизу, под ним, танец был в самом разгаре. Главный шут сам извлекал музыкальные звуки. Колокольчики над его плечами позванивали в такт его движениям, в то время как он выбивал руками звуки из седельного барабана, закрепленного на поясе.

Распущенные кудри болтались вокруг головы, пока он крутился колесом и притопывал ногами.

Неожиданно остановившись, главный исполнитель встал прямо перед Омаром и протянул кривую руку за наградой, поглядывая на него снизу вверх своими поблескивающими глазами сквозь спутанные кудри.

Омар кинул ему монету, которую тот ловко подхватил кончиками пальцев, косо посмотрев на астронома.

– Эй, джагудар! – нагло закричал он. – Ха, волшебник! Я могу вызвать град или завертеть вверх песчаный смерч. Я могу читать твои мысли.

– Тогда, – улыбнулся ему Омар, – ты настоящий чародей.

– Таковой я, об этом говорят звезды самки Козерога и

молния, которая поразит тебя, звездочетишку! И пусть ты считаешь меня вонючим бродяжкой, ты боишься меня.

Шут свирепо глядел в упор на Омара, и Малик-шах, которого вся эта сцена забавляла, с любопытством посмотрел на него.

– Ну, прочитай же мои мысли, звездочетишка. Нет, все-таки скажи мне одну вещь… если сможешь.

Мотая своей косматой головой, он каким-то образом умудрялся снизу вверх поглядывать на Омара.

– Скажи мне, – быстро проговорил он, – через какие ворота я оставлю этот двор. Взгляни, тут четыре выхода – на восток, юг, запад и север. Четыре выхода, так из которого же я «отправляюсь в путь», о звездный предсказатель?

Омар хотел было громко рассмеяться. Но, взглянув на Малик-шаха, он сильно удивился и даже испугался. Султан весь подался вперед от напряжения, как если бы бродячий актер и его придворный астроном вели между собой бой на шпагах.

– Не так уж и мало ты просишь отгадать, – медленно начал Омар, – и…

– Но ты ведь владеешь великим искусством, люди говорят. Так назови же ворота, которыми я уйду.

Другие фигляры сгрудились сзади говорившего, а приближенные султана пододвинулись ближе, чтобы лучше слышать. Малик-шах заинтересованно ожидал продолжения. Омар хотел объяснить, что наблюдение за звездами не имеет ничего общего с подобными трюками, но слова замерли у него на губах. Он понял одно: султан не сомневался – его астроном мог прочесть мысли этого человека. И никакие доводы не смогли бы изменить слепую уверенность Малик-шаха.

Слишком поздно Омар сообразил, в какую ловушку намеревался заманить его этот бродячий актер, и теперь ему предстояло, если удастся, силой разума противостоять какому-то хитроумному трюку.

– Принесите мне перо и бумагу, – нетерпеливо попросил он.

Один из секретарей выступил вперед и с поклоном протянул Хайяму небольшой свиток бумаги и гусиное перо для письма. Омар взял их, продолжая размышлять над происходящим. Итак, следовало применить трюк против трюка. Так вот каковы обязанности придворного астронома! Малик-шах не сможет забыть этого провала! Ах, если бы он сумел разгадать загадку правильно!.. «Четыре выхода, четверо ворот, сказал этот малый, на восток, на юг, на запад и на север. Которыми из четырех тот воспользуется? Вон они все видны, и у каждого стоит стражник, опираясь на копье… но почему этот актер не сказал «через которые»?

Омар написал несколько слов на бумаге, сложил ее и встал. Если актер владел искусством пантомимы, он тоже сумеет. Испросив согласия Малик-шаха, он подошел к одной из сторон лестницы и приподнял край мраморного блока, когда-то служивший пьедесталом какой-нибудь статуе. Засунув под него сложенный кусок бумаги, он вернулся на свое место.

– Теперь уходи, – приказал он актеру.

Глаза фигляра вспыхнули. Он проскакал несколько шагов и побежал по направлению к выходу на запад, позванивая всеми своими колокольчиками. Затем он с победным криком закружился на одном месте и кинулся на стену. Схватившись за расшитые гобелены, он отодвинул их в сторону. За ними показалась небольшая запасная дверь в стене.

– Тут я и выйду, – закричал он. – Я иду.

Занавес за ним опустился. Среди зрителей раздались приглушенные возгласы удивления, и Малик-шах жестом приказал секретарю принести тот клочок бумаги, который Омар положил под камень.

Заполучив бумагу в руки, султан медленно развернул ее. Он взглянул на написанное и прижал руку к губам.

– «Через пятый выход», – вслух прочитал он. – Уай-алла! И правда, ты прочитал мысли этого малого, о магистр невидимого!

Омар же просто догадался, почему этот малый так настаивал на выборе одного из четырех выходов. По счастливой случайности можно было указать правильный, но Омар понял, что актер знал о существовании еще одного выхода из внутреннего двора, даже если такового и не было видно. Но Малик-шах наклонился вперед, чтобы похлопать своего астронома по плечу, и, назвав его вторым Авиценной, приказал секретарю заполнить рот Омара золотом.

Сию же минуту один из чиновников принес поднос с кусочками золота и серебра, всегда находившимися под рукой у султана, и принялся закладывать монеты в рот Омара.

– А этому псу заполните рот песком, полный рот! – прибавил султан. – Аллах свидетель, он вел себя нагло с нашим господином мудрости.

Кто-то из слуг выбежал на двор выполнять приказание. Когда Омару было дано разрешение удалиться вместе с золотыми монетами, которые с триумфом нес на подносе раб, он увидел толпу, собравшуюся у одного из выходов со двора аудиенции.

В центре толпы двое стражников держали за руки вырывавшегося бродячего актера. Третий лезвием ножа разжимал его зубы, а четвертый турок горсть за горстью пропихивал песок из мешка между обескровленными губами своей жертвы. Лицо

мужчины потемнело, и временами он страшно стонал.

Почувствовав подступившую тошноту, Омар развернулся и пошел прочь, искать свою палатку. Следовавший за ним раб, высоко держа поднос с золотом, тоже развернулся и задержался, чтобы еще раз бросить взгляд через плечо на происходящее.

Той ночью Омар допоздна засиделся над своими книгами. Неожиданно он обратил внимание, что чернокожий раб, тот самый, который нес поднос с золотом, не уснул, как обычно, на пороге палатки. Он припал к земле и бормотал нечто невнятное. Другая тень мелькала у входа в палатку, и в конце концов чей-то шепот заставил Палаточника отодвинуть в сторону свои вычисления.

– Уайа, ходжа, – закричал раб, увидев, как он поднялся, – правда ведь, колдовская ночь! Твой раб-пес боится.

Другой раб пробормотал что-то в знак согласия, приветствуя Омара.

– Дай нам позволение посидеть у ног господина мудрости. Мы боимся этой ночи.

Придвинувшись ближе к зажженной лампе, странный слуга рассказал, как он возвращался через развалины после вечерней молитвы и увидел свет над одним из курганов. Но не свет луны, поскольку ее на небе не было, господин мудрости это хорошо знает.

Но в кругу этого света явилась белая фигура. Подойдя ближе, слуга заметил еще кое-что: полуголое тело мужчины, движущегося как змея по земле, и орла, огромного коричневого орла, горделиво вышагивающего в кругу света.

– Вах! – вскрикнул чернокожий слуга, который сам ничего не видел, но которого потрясла эта история. – Это происходило на самом высоком холме, и белый дьявол говорил с орлом, в то время как другой превратился в змею. Там еще оказался нож. Эй… ай… какое-то странное колдовство, и мы боимся.

– Тело, что ползло, – добавил другой важно, – это тот мертвый актер с песком в брюхе. Еще я слышал… слышал, как произносили ваше имя, о господин мудрости. Они творят великое колдовство!

– Где?

– Вон там!.. Выше… на высоком холме.

– Возьми факел, – нетерпеливо приказал Омар, – и покажи мне дорогу.

Вероятно, слуга видел кого-то, кто хоронил фигляра среди песчаных холмов, но в любом случае у Омара не было никакого желания иметь подле себя всю ночь этих насмерть перепуганных туземцев. Слуга неохотно подчинился, а негр последовал за ним,

держась как можно ближе к астроному, почти наступая ему на пятки. После того как они вышли из лагеря, проводник отыскал тропинку, которая петляла среди разрушенных стен, пока не вывела их к тому, что когда-то представляло собой широкую улицу. Там он остановился, притворившись, будто встряхивает факел, чтобы тот ярче светил.

– Осталось совсем чуть-чуть, господин, вот туда, направо. Твой раб… твой раб… подождет…

Омар взял у него факел и широким шагом пошел дальше. Немедленно он услышал за спиной топот и осыпающийся гравий. Оба слуги со всех ног бросились бежать прочь из развалин. Омар пошел дальше в одиночестве, поглядывая по сторонам, пока не заметил слабый свет где-то над собой.

Он находился в развалинах некогда огромного сооружения, храма, которые Омар уже обследовал при дневном свете и знал, где искать проход, выводящий к песчаным курганам. Когда он взобрался на возвышение, то направился на слабый свет, который, похоже, проникал наружу из расщелины в кирпичной стене. Все же он был ярче, нежели свет от обычной масляной лампы, и мужчина, сидевший в кругу света, поднялся ему навстречу, словно он все это время только и ждал прихода Омара.

– Кто-то уходит, кто-то приходит, – произнес он.

Мужчина оказался ниже ростом, чем Палаточник, с густыми бровями и курчавой бородой. Он накинул белый арабский бурнус на свои широкие плечи, но мало походил на араба.

Указав кивком головы на землю, он привлек внимание Омара к телу, которое там лежало, телу шута с торчащей из-под ребер рукояткой кинжала.

– Я прервал его предсмертные мучения, – сказал незнакомец.

Омар перевел взгляд на хищную птицу, хлопавшую крыльями у самой земли. Он ожидал увидеть грифа или сокола, но в хищнике он признал орла. Когда Омар приблизился, огромная птица затихла, только ее полупрозрачные глаза ярко горели.

– Мой товарищ, – объяснил незнакомец. – Больше того, он присоединяется ко мне на вершинах и спускается ко мне с неба.

– Кто же ты сам?

– Человек с гор. – Когда незнакомец говорил, его вытянутый подбородок выдавался вперед, яркие глаза вспыхивали. – Человек из Рея.

Древний город Рей лежал почти внутри гор, которые окружали покрытую вечными снегами вершину Демавенд, величественнейшую из вершин Персии. И хотя этот мужчина мог оказаться и персом, у него был акцент египтянина, а хорошо модулированный голос – человека, свободно изъяснявшегося на

многих языках.

– Ты ведь, – его взгляд не отпускал Омара, – Омар Палаточник, придворный астроном. И нет в тебе покоя. Вот отчего ты здесь, в храме Истара, беседуешь со школяром, которого многие считают сумасшедшим. Я – Хасан, сын Сабаха.

– Какие странные похороны ты организовал, Хасан ибн Сабах.

– Это не похороны. Воля Аллаха, я оставил это рабам. Мое дело сделано.

– Ты студент. Ты изучаешь смерть?

Хасан размышлял над услышанным, словно эта мысль была для него внове.

Он казался старше Омара. Его шея, вся в рубцах, и мускулистые руки – все напоминало зверя.

– Я ищу истину, – наконец проговорил он, – во многом. Этого танцора я нашел там, куда его выбросили, за воротами лагеря, на съедение собакам. Вот я и принес его сюда, на высокое место, где небесные птицы вычистят его кости. Я проткнул его кинжалом, дабы освободить его от боли… Все в лагере боялись сделать это, поскольку Малик-шах приказал лишь забить глотку этого говорливого глупца песком… Но больше всего мне хотелось найти друзей, настоящих друзей. Вот я и ждал, долго ждал здесь, в Вавилоне.

Речь Хасана не напоминала ни речь придворного, ни то, как говорили мусульманские ортодоксальные проповедники.

Омару пришло в голову, что его собеседник скорее держался под стать самому Малик-шаху.

– Скажи, приходилось ли тебе ждать, когда появится знамение? – внезапно спросил Хасан.

– Ты нашел знамение здесь, в Вавилоне, о сын Сабаха? – вопросом на вопрос ответил ему Омар.

– Да, когда этот танцор умер. Ибо теперь, в эту минуту я повстречал человека, кто знает, что хочет, и кто ищет доказательство своей правоты. Милостью Аллаха я могу подружиться с Омаром Палаточником! Кажется мне, так было предопределено и записано, и этому следовало случиться… Но звезды уже гаснут, я иду вниз.

При этих его словах холм внезапно погрузился в темноту. Но Хасан не казался обеспокоенным этим. Утверждая, что он знает лабиринты развалин не хуже, чем жрец свой винный погреб, он взял Омара за руку и начал двигаться по узкой тропинке. Порой они совсем ничего не видели перед собой, но все же Хасан продолжал торопливо отмерять расстояние своими широченными шагами. За собой Омар слышал хлопанье крыльев, как будто гигантский орел сопровождал их. Затем, не произнеся ни слова на

прощанье, Хасан выпустил руку своего спутника и растаял в ночи. Хлопающие крылья удалялись, затем все звуки пропали.

В своей палатке Омар нашел поджидавших его рабов, скорчившихся на земле у зажженной лампы. Перед тем как заснуть, он поразмышлял немного, вспоминая свою встречу с Хасаном, наделенным даром доводить все до абсурда. Омар не сомневался, что тот ждал его появления (странный слуга, поведавший якобы приключившуюся с ним историю, исчез) и что, сам того не ведая, он, Палаточник, был подвергнут испытанию. Свет, без всякого сомнения, исходил от какой-то умело расположенной и укрытой от глаз лампы. Но кто, кроме как для охоты на газелей, когда-либо приручал орла?

Омар много раз наводил справки о Хасане ибн Сабахе, судя по выговору, египтянине, но он так и не смог отыскать такового во всей армии.

Глава 2

Холм над проклятой безжизненной долиной, напротив восточной стены Иерусалима

По отдельным мелким признакам Омар понимал, что Низам следит за ним даже на расстоянии. Странствующих актеров больше не подпускали к нему. В часы уединения его палатку навещал улыбчивый писарь-индус и передавал ему сплетни о состоянии дел в Балхе или Самарканде и обо всех действиях Малик-шаха.

Но больше всего ему помогали письма, приходящие от самого Великого визиря. На первый взгляд, письма эти содержали новости о делах Низама, на самом деле в них обсуждалось, какой линии поведения придерживаться, каких опасностей избегать. Так, Омар пришел к пониманию того, как важно армии Малик-шаха овладеть Иерусалимом, священным Аль-Кудсом, как его называл Низам. Для халифа Багдада, на которого миллионы правоверных с надеждой смотрели и как на главу ислама, Малик-шах становился признанным поборником веры. Сельджукские турки уже овладели двумя святыми для мусульман городами – Меккой и Мединой. Необходимо было добавить к ним третий, Иерусалим, присоединив его к империи, освободив предварительно от незаконного правления раскольника халифа Каира.

По сходным причинам Малик-шаху требовалось ускорить начало кампании на севере, против неверных византийцев.

До тех пор пока поборник ислама не сойдет с тропы джихада, священной войны, никогда не станет он испытывать недостатка в тех, кто готов служить под его знаменами. Новые кланы турецких всадников покинули свои степи, и Низам посылает их на запад на соединение с армией султана.

Таким образом, Омар получал ясное представление о том, как Низам сплетал свои нити в единый узор. Так ткач, устроившись у станка, связывает вместе крошечные кусочки шерсти, бессмысленные сами по себе, но представляющие собой части рисунка на большом ковре.

Когда Малик-шах поинтересовался у визиря, благоприятствует ли расположение звезд выступлению войск против Иерусалима, Омару не пришлось колебаться.

– Истинно, – сказал он, – этот месяц способствует удаче. Планета Марс стоит близко к вашему знаку.

Это было правдой, и Малик-шах об этом знал. И все же, стоило Омару привести возражения, Малик-шах отказался бы от своих планов. Султан всецело и без оглядки доверял своему астроному.

Тогда армия расположилась лагерем в красной долине Алеппо, и Омар решил поскакать на юг с конницей эмира Азиза, которому предстояло оккупировать Иерусалим.

Он хотел увидеть западное море, поскольку никогда раньше не добирался он до берега океана, и совершить паломничество к своей самой далекой мечети, расположенной в Иерусалиме. Так он объяснил Малик-шаху. Но еще до этого Омар обследовал рынки и базары Алеппо, как делал это во всех городах и селениях, встречавшихся ему на пути. И нигде не слышал он ничего о торговце тканями из Мешхеда, путешествующего с молодой женой. Он знал, что из Алеппо многие караваны отправляются на юг, в Дамаск, и уже оттуда начинают свой путь через пустыню в Египет. Возможно, он отыщет какой-нибудь след Ясми на этом южном караванном пути. Ах, если бы у него были возможности Тутуша, который по крохам собирал интересующие его сведения!

– Итак, решено, ты совершишь паломничество, – изъявил свое согласие Малик-шах. – И обязательно соверши молитву из девяти поклонов за меня в михрабе[21] мечети Иерусалима.

Юному турку казалось очень удачным, что Палаточник, мудрость которому была дарована Всевышним, совершит паломничество к святым местам как раз во время военной кампании. Но он не преминул заранее попросить у Омара составить для него список благоприятных и неблагоприятных дней на период его отсутствия.

Три планеты – Марс, Сатурн и Юпитер – находились в созвездии Дракона, созвездии, взошедшем над горизонтом в час рождения Малик-шаха, поэтому можно было ожидать наступления значимых событий в жизни сутана.

Султан придал своему астроному бимбаши с имперским штандартом и дюжиной всадников из конницы Черного Китая, своей личной охраны, для сопровождения в его путешествии.

Малик-шах дал строжайшее распоряжение своему бимбаши не спускать глаз с Омара, спящего или бодрствующего, и держать при нем постоянно двоих из его людей. Так, куда бы ни направлялся Омар, его постоянно сопровождала пара молчаливых лучников. Бимбаши пообещал своим людям, что, стоит им потерять из виду астронома, они тут же лишатся своей головы.

И Омар вел их совершенно неожиданными тропами. Из Дамаска, где он обшарил весь рынок, он повел их отрогами Ливанского нагорья, покрытого соснами, мимо седых вершин

могучей горы Ермон, с его снежными шапками, сверкающими на фоне синего неба, и вниз, к морскому берегу. Часами бродил Омар вдоль песчаного берега, с наслаждением вдыхая морской воздух, внимательно изучая странные обломки, выбрасываемые волной и образующими на песке причудливый рисунок.

То был край Великого моря, по которому греки и римляне приплыли сюда на своих галерах, чтобы построить здесь мраморные портовые причалы и города, теперь наполовину разрушенные. Здесь был Тир, выдвинувшийся далеко в море, и Сидон, развалины которого просматривались сквозь прозрачные воды. Он взбирался на округлую вершину горы Кармель, где жили и умирали странные христианские святые.

Затем он поскакал в глубь материка, дабы спуститься по крутому склону к подземному Галилейскому озеру. Китайцам чудилось, что в этой долине, лежащей в утробе земли, с ее выбросами серы и мозаичными пещерами заброшенного дворца и печальными бородатыми мужчинами, называвшими себя иудеями, должны обитать злые духи.

Но, стоило им начать продвижение в сторону Иерусалима, они снова оказались в знакомом для себя окружении. Армия султана, после захвата святого города, обирала неверных в его окрестностях. Они ехали по полям с вытоптанными посевами пшеницы, под почерневшими стенами монастырей, которые грабились и предавались огню. Временами им встречались странные группы людей – мужчины без тюрбанов и женщины с открытыми лицами, с детьми на руках, – их сгоняли рыть могилы для сваленных грудами тел погибших.

На основных дорогах они встречали вереницы рабов, купленных торговцами у турецких солдат, движущиеся на север, на невольничьи рынки Дамаска. И Омару вспомнилось его возвращение по великому пути в Хорасан с Зоей и Ярмаком.

Он сделал привал в лагере одного из командиров Малик-шаха, эмира Азиза, поскольку бимбаши, посчитав небезопасным оставаться на ночь внутри стен Иерусалима, настоял на этом. Но днем Омар отправился посетить мусульманские святыни, которые сражение обошло стороной.

Он обнаружил, что за мраморной оградой толпились священнослужители, муллы, которые сопровождали армию и теперь вступали во владение мечетью Аль-Акса. С кафедры имам произносил молитвы от имени халифа Багдада и султана Малик-шаха. Египетские проповедники бегством спасались из города. Сторонясь и избегая толпы, Омар зашел в пещерную церковь, куда свет проникал лишь через расписные стеклянные окна, где царил полумрак и тишина. Там он опустился на колени, чтобы

вознести молитву, прижав руки к серой скале, которая вряд ли хранила в себе намного меньше святости, нежели черный камень святыни Мекки. Язычники китайцы, повсюду следовавшие за ним по пятам, тоже преклонили колени, с любопытством вглядываясь в мраморные колонны церкви и золотую мозаику.

Когда Омар уже встал, кто-то тихим голосом уважительно поприветствовал его:

– Мир тебе и тому, кто ищет спасения.

– И тебе мир, – ответствовал Омар.

Рядом с ним стояли Хасан ибн Сабах и еще какой-то мужчина. На сей раз на Хасане была одежда паломника, и он предпочитал говорить на арабском языке, который, похоже, был ему не менее близок, нежели персидский.

– Да воздам молитву Аллаху Всемогущему, – улыбнулся он, – за то, что я вновь встретился со своим другом. Знаешь ли ты, чем примечательна эта пещерная церковь, помимо того, что она вырублена в самой скале?

При этих его словах головы присутствующих повернулись к нему. Хасан обладал способностью овладевать вниманием слушателей, и они придвинулись к нему ближе. Он стал объяснять значение меток на сером камне. Хасан показал им след, оставленный ногой самого пророка Мухаммада в тот миг, когда тот вознесся в небо с этого самого места, и лунки по краю камня, сделанные рукой архангела Гавриила, удерживавшего скалу, чтобы она не вознеслась вслед Мухаммаду. При этом китайцы подались вперед с восторженными восклицаниями, вызванными возможностью увидеть эти свидетельства несомненного чуда.

– Ниже нас, – объяснял Хасан, – расположена пещера, в которой души умерших собираются в ожидании Судного дня. Следуйте за мной!

Он зажег свечу, похоже, он знал, где можно отыскать все, он убедил муллу разрешить им проникнуть в грот, под скалой, и там шепотом указал им на сверхъестественные знаки. Китайцы, беспощадные и неумолимые в своих кожаных доспехах и бронзовых шлемах, почувствовали страх, но спутник Хасана, мужчина крепкого телосложения в бархатном кафтане, прошептал на ухо Омару, что там вряд ли найдется места больше чем для двух десятков душ, если, конечно, души не становятся меньше, чем атомы.

Поднявшись вверх к ротонде усыпальницы, Хасан приблизил свечу к одному из столбов.

– Очень давно, вскоре после вознесения господина нашего Мухаммада, – сказал он, – халиф ислама велел записать эти слова

золотом. Вот! Смотрите!

Омар различил надпись, которую с трудом сумел перевести, однако Хасан с легкостью прочитал написанное:

«Нет Бога, кроме Бога единого, и нет иных богов… Истинно, что Иисус, сын Марии, есть посланец Божий. Да веруйте в Бога и его посланцев и не говорите, будто есть три бога, воздержитесь, да будет лучше для вас».

Хасан дотронулся до руки Омара:

– Мало кто видел эту надпись с тех пор, как она появилась здесь, еще меньше тех, кто прочитал ее… а из тех, кому удалось прочесть, кто понял ее смысл? Но ты-то запомнишь, и ты, возможно, поймешь.

Потом, словно толпа, собравшаяся вокруг них, начинала раздражать его, Хасан повел Омара по узким улочкам города, обращая его внимание на детали, которым любой другой не придал бы никакого значения. Спутник Хасана хранил молчание, погруженный в свои думы, он молча следовал за ними.

– Обрати внимание на эту арку и окно, – объяснял Хасан. – Отсюда римский консул Понтий Пилат разговаривал с иудейскими священнослужителями, когда солдатам выдали того самого назаретянина, да пребудет он с миром, дабы он был распят на кресте. А теперь христиане забыли ту скалу, на которой водрузили его крест.

Протолкавшись мимо групп вооруженных турок, спорящих посреди улиц из-за груд награбленного добра, он усмехнулся:

– Такова судьба Иерусалима. Рушатся его стены, цари посылают солдат убивать его жителей. Только на протяжении одной человеческой жизни здесь происходило много трагедий. В последние годы жизни господина нашего Мухаммада, да пребудет он с миром, персидский шах Хосров, подстрекаемый иудеями, разрушил город до основания, а мечи римского императора Гераклита снова овладели им. Затем христиане устроили кровавую резню иудеям. Наш халиф Омар вошел в город с миром и не проливал здесь крови. Он вычистил все от грязи и мусора, ты видел это, пещеру Харам, которая является той самой пещерой, где располагался храм Соломона и Давида. Но теперь эти невежественные турки по своему неведению опять пролили кровь. Их торжество продлится недолго, ибо город у них отнимут новые враги.

– Кто же? – спросил его спутник.

Хасан раздраженно покачал головой:

– Ответ на сей вопрос скрыт за завесой Незримого. Я сказал только одно – мусульмане потеряют Иерусалим, о да, они отдадут его грядущему новому и жестокому противнику, и все оттого, что

они не смогли прийти сюда с миром. «Да веруйте в Бога и его посланцев и не говорите, будто есть три бога, воздержитесь, да будет лучше для вас», но кто обратит внимание на записанные слова правды?

Омар подумал о Низаме, вплетающем нити в ткань империи, и о Малик-шахе. Ни тот ни другой не задумывались ни о тех людях, с непокрытой головой, которые хоронили своих убитых, ни о почерневших стенах монастырей. Страстные слова, произносимые Хасаном, привели его в волнение.

– Мы знаем, – спокойно заговорил спутник Хасана, – люди веруют в трех богов. Один из них – Яхве, бог иудеев, еще один – христианский бог, и еще один – Аллах по священной книге Коран.

– Трижды ты произнес слово «один», – ответил ему Хасан. – Ну а если он и правда один? А если вдруг и иудеи, и христиане, и мусульмане, если все они слишком далеки от постижения истины? И истина эта состоит в одном – есть кто-то, кто выше самого Аллаха…

Тут он запнулся, бросив быстрый взгляд по сторонам, и жестом показал им следовать за ним.

На сей раз он провел их обратно по направлению к Хараму, но свернул в сторону и вышел через ворота, открывавшиеся на запад. Они двигались между каменными надгробными плитами мусульманского кладбища, вплотную прижимавшегося к самой стене города.

Тропа нырнула вниз в овраг с глиняными склонами. То там, то здесь лежали голые камни, а по высохшему руслу речушки верховые лучники гнали овец и черных коз, отобранных у крестьян. Заметив, как Омар пытается пробраться сквозь стадо овец, двое китайцев стали расчищать перед ним путь. И тут же, как по команде, лучники, заметив на них форму султанской гвардии, бросились помогать им.

– Со стороны может показаться, будто эти бесстрашные вояки, ангелы войны, твои слуги, – со смешком заметил спутник Хасана.

Этот грузный мужчина двигался медленно. Взгляд его усталых миндалевидных глаз выдавал его постоянную настороженность. Был он немногословен, и его редкие, но едкие реплики мало говорили о нем самом. Хасан называл его Акроеносом и прародителем всех торговцев.

– А почему бы и нет? – удивился Хасан. – Ведь солдаты повинуются воле султана, а разве мастер Омар не формирует эту волю?

Он не просто дворцовый астролог, он личный предсказатель у безбородого сельджукского владыки.

Акроенос окинул Омара бесстрастным взглядом, словно бы оценивая его, взвешивая на мысленных весах.

Теперь они карабкались по склону, усыпанному мелкими камешками, миновав небольшую рощицу кривоватых и сучковатых оливковых деревьев.

В тени деревьев лежало тело монаха в черной рясе, руки его были распростерты в форме креста. Его бритая голова белым пятном выделялась на фоне серых камней.

– Вот оно, одно из святилищ христиан, – заметил Хасан. – Мы взбираемся на холм, называемый Оливковым холмом.

Спокойные лучи клонившегося к закату солнца отражались от голой поверхности холма. Взобравшись на вершину, все трое мужчин молча уселись. Где-то там внизу крошечные человеческие фигурки толпами перемещались то в одну, то в другую сторону по ущелью. Лучи заходящего солнца золотили видневшийся вдали пещерный храм.

Омар знал, как называется эта долина. Вади Джейханнем, долина Проклятых. Здесь, по учению исламских проповедников, в Судный день, когда все души будут взвешиваться на весах, пройдут души приговоренных. Странные могильные камни вырисовывались на склоне под ним, почти черные в наступивших сумерках. Солнце теперь напоминало огненный шар, который становился все более красным над церквами священного города.

Мимо них вдоль по долине медленно двигалась вереница слепых старцев. Все они брели, держась либо за полу одежды идущего впереди, либо положив руку ему на плечо, шаркая ногами, спотыкаясь и оступаясь. Лица некоторых были обращены к небу, другие понуро опустили голову.

– Взгляните на них! – неожиданно закричал Хасан. – Это мы с вами. О да! Это мы всматриваемся в небо, это мы изучаем землю под своими ногами! Но глаза наши ничего не видят, мы слепы! Ах, если бы мы могли познать истину!

– Мы и так достаточно знаем, – пробурчал Акроенос, – вполне достаточно.

Хасан распростер руки навстречу заходящему солнцу. В его глазах пылало пламя.

– Нет, мы совсем как те слепцы. Мы знаем лишь то, что позади нас. Чему мы поклоняемся, каким таким святыням?! Только старым камням да мощам! А что, если есть иной бог и он выше Аллаха, о котором сказано в Коране?

Акроенос не отвечал, молча почесывая бороду. Омар не спускал глаз с заката, теперь напоминавшего пламя костра.

Но сын Сабаха лишь воспламенился от своей речи. Он верил в существование нового бога, недоступного человеческому

пониманию. Все религии прошлого – это лишь следующие одна за другой ступеньки, ведущие к окончательному осмыслению. Каждая из них, так или иначе, просвещала человечество, проливая свет на непознанное. Так же происходило с шестью пророками – Адамом, Ноем, Авраамом и Моисеем, Иисусом и Мухаммадом. Придет время, никто не сможет сказать, когда появится седьмой пророк, и он-то и откроет окончательную истину.

– И как же, – невозмутимо спросил Акроенос, – его узнают?

– Его узнают, ибо в прошлом он был среди нас, пока не наступило его время. Он был седьмым имамом из рода Али и стал преемником души Али. Для одних он известен как седьмой имам, другие знают его как Закрытого Покрывалом. Какое имеет значение, под каким именем он известен? Главное – мы ждем его, сами того не подозревая. Он – Махди.

Солнечный диск окончательно пропал за серой стеной и крышами церквей священного города. Аркоенос тихо вздохнул.

– Махди, – повторил Хасан. – Он находился здесь, когда Моисей белой своей рукой, выпроставшейся из рукава, указывал людям путь. И он снова был здесь, когда Иисус бродил по этой земле. И он придет опять.

Послышались шаги. Один из китайских стрелков, дремавший, пока мудрецы вели свою беседу, нерешительно предупредил их, что пора возвращаться в лагерь. Хасан улыбнулся. Настроение его изменилось.

– Последнее слово всегда остается за солдатом, будь он римлянин или будь он турок.

Сумрак, воцарившийся над Оливковым холмом, надолго заполнил мысли Омара. Он уже успел вымыться и поужинать в своей палатке. Пока он размышлял, появился Акроенос, в сопровождении мальчика, который положил к ногам Палаточника сверток белого шелка.

– Небольшой подарок, – пояснил Акроенос, – в память о нашей встрече. Если только когда-нибудь торговец может помочь сиятельному господину…

– Что ты думаешь о Хасане?

Акроенос почесал свою седую бороду:

– Может, он и сумасшедший, но знает он больше любого из тех, кого мне довелось встречать. Многие верят в его предназначение. Слышал я сегодня, будто сиятельный господин ждет каких-то известий… о том шепнули мне слово в караван-сарае.

– Да, ты прав.

– Сказывали мне, будто бы несколько месяцев назад некий

Абу'л Заид, торговец тканями из Мешхеда, который взял себе новую жену в Нишапуре…

Торговец вопросительно взглянул на Омара.

– И что он?

– Он прожил недолго в Алеппо, а затем отправился на север. С тех пор прошло уже несколько месяцев.

Омар глубоко вздохнул. По крайней мере, Ясми жила какое-то время в Алеппо, и он сумеет найти хоть какой-то ее след.

– Ты принес мне два подарка, – степенно произнес он. – А что бы ты хотел принять из моих рук?

– Для себя – ничего. – Акроенос поколебался, но продолжил: – Будь добр в своих мыслях к Хасану, который мог бы стать тебе другом. Может настать такое время, когда он протянет руку мольбы к подолу твоего великодушия.

Когда торговец, попрощавшись и откланявшись, произнес свой последний «салям», смутное воспоминание мелькнуло в мозгу Омара. Подойдя к ящику, где хранились письма Низама, он вытащил оттуда одно из них и внимательно перечитал. Там содержалось предостережение против новой секты мулахидов, нечестивцев.

«Они проповедуют, – писал визирь, – грядущий приход нового Махди, который свергнет троны царей и законы ислама, и они утверждают, будто их религия станет седьмой и последней в нашем мире. Они придумали тайные моления для последователей некоего проклятого, кто величает себя Закрытым Покрывалом из Хорасана. Эти еретики надевают белые одеяния, когда читают свои гнусные лживые проповеди и вещают столь же гнусные измышления».

Омар кинул взгляд на сверток белого шелка и усмехнулся. Несомненно, Низам бросил бы его в огонь в приступе своего праведного гнева, но он, Омар, предпочел бы заказать себе из него плащ.

Глава 3

Место для омовения у здания мечети Джами в Алеппо, где собирались дервиши. Перед началом вечерней молитвы

Завернувшись в шерстяные одежды, они сидели у самой воды, шесть дервишей и один горбун в лохмотьях. Опершись на посох, горбун протягивал скрюченные руки к прохожим, проходившим мимо под шелест своих одежд с полными седельными сумками или коробками. Закутанные в паранджу женщины разговаривали, на ходу обсуждая покупки. Девочки, спотыкаясь, тащили младших братьев на своих худеньких спинах. Богатый араб, взгромоздившись верхом на мула с колокольчиком, пересчитывал монеты, перекладывая их из одной руки в другую.

– Несчастный, – завопил горбун, – несчастный взывает к милосердию! Подайте… подайте именем Всевышнего.

– Пошел вон, завывала! – пробурчал араб, пряча монеты в толстый кошелек и убирая его в пояс.

– О, будьте милосердны! Подайте, именем Аллаха, больному.

– Тогда иди к мечети, – пробормотал мулла, подол одежды которого впитал грязь.

– Я не себе, другому, он голоден.

Мулла ушел, но рядом остановилась женщина, роясь в сумке, которую несла.

– Вот, – прошептала она, вытаскивая ковригу хлеба, – ведь это для святого дервиша, который страдает за нас так сильно? – Женщина была уверена, что все дервиши оплакивают грехи человеческие.

– Это – для того, – согласился калека, принимая хлеб, – кто плачет кровавыми слезами.

Верхом на чистокровном скакуне, в облачении дворцовой одежды, дорогой и тяжелой благодаря серебряной нити, пропущенной по всей ткани, Омар Палаточник проезжал мимо, возвращаясь со своей встречи с султаном.

– О господин! – закричал горбун, рванувшись вперед. Его пальцы дрожали, когда он ухватился за стремя. – Стойте. Вот уже два года и десять лун, как я ищу вашу милость.

Вглядевшись в беспокойное лицо, Омар вспомнил шута прежнего султана, который плакал над отражением луны, утонувшим в водоеме.

– Джафарак! – воскликнул он, озадаченный нарядом горбуна и отсутствием белого осла. – Привет тебе, Джафарак, вижу, ты

теперь водишь компанию с нищими и дервишами? Почему ты не послал мне весточку?

– Не послал? И это говоришь мне ты, после того как я принес серебряный браслет тебе домой, а потом, возвратившись в Алеппо, ждал, между тем как луна сменяла луну. Сначала она была более сильной и порой даже смеялась. Я отвел бы ее к тебе домой, но разве шут может путешествовать с красивой девушкой по нашим дорогам? У нас совсем не было денег, но она с надеждой повторяла мне, что вы непременно приедете. Неужели ты забыл Ясми?

Омар схватил его за исхудавшую руку:

– Она здесь, сейчас?

Джафарак показал ковригу хлеба:

– Я прошу милостыню ради нее. Каждый вечер она спрашивает, не было ли какой весточки о прибытии вашей милости.

– Веди меня к ней.

Взяв поводья, Джафарак повел лошадь с людного места в переулок. Он шел, прихрамывая и все еще сжимая хлеб.

– Ай, демон болезни изгрыз ее, – промолвил он через плечо. – Вашей милости придется немного подождать, пока я сообщу ей, кого прислал нам Аллах.

Когда Джафарак исчез в дверном проеме около кузницы медных дел мастера, Омар слез с лошади и стоял, прижавшись головой к ее шее, убеждая себя, что Ясми была рядом, в комнате на втором этаже. Когда Джафарак наконец спустился, шут провел рукой по глазам, улыбаясь и гримасничая:

– Эх, эх, какой там переполох. Все это время она напоминала тихую голубку, а теперь она трепещет крылышками и просила принести ей фимиам, и хну, и сурьму, подсурьмить глаза, и еще заклинала меня предупредить вашу милость, что у нее нет шелковых нарядов.

– Она готова видеть меня? Я могу подниматься?

Двигаясь по темной каменной лестнице, он перешагивал через места, где расположились темные фигуры людей, вглядывавшихся в него, и достиг крыши, где были сложены апельсины и влажная одежда. Под навесом в одном из углов лежала на грязной стеганой подстилке Ясми. Он увидел только ее глаза.

– О сердце моего сердца, – прошептал он, опускаясь на колени подле нее.

– Как великолепен мой господин – ай, а у меня нет даже коврика, чтобы предложить ему… – У девушки перехватило дыхание, и она обняла его за шею. Он почувствовал слезы на ее

горячих щеках.

Когда она затихла, прижавшись к нему, он заметил, как побледнело и осунулось ее лицо. Только запах ее волос и омут ее темных глаз, полных любви, остались прежними.

– Я смотрела на звезды, когда я болела. Как они поднимаются и падают, – шептала она, – ведь они были совсем такими же, как и в «Обители звезд»… Наш дракон все еще на месте? Нет, жизнь моей жизни, неужели я смогу увидеть все это в нашей комнате… Ты ничего не менял там?

– Да, все там на своих местах. Все ждет тебя.

Ясми пошевелилась и вздохнула удовлетворенно:

– Я так и думала. Но я не могла вспомнить названия звезд, только помнила Орион и Альдебаран. Джафарак поведал мне еще несколько новостей; он сказал, ты стал большим человеком в совете нашего султана… Как красиво украшены серебром твои рукава.

– Я наряжу тебя в одежды из китайского шелка и подарю расшитые шлепанцы.

– И обсахаренный имбирь. – Она рассмеялась. – Нет, мы должны устроить пир, мы будем пить шербет[22].

– И вино твоих губ!

Она застенчиво прильнула к его щеке и, опустив глаза вниз, внимательно разглядывала его великолепной работы шагреневые сапоги для верховой езды.

– Если бы у меня были силы. У меня болит сердце, когда оно так сильно бьется. Ай-уо-алла, твоя рабыня утратила свою красоту!

– Ты стала только прекраснее, любимая.

Она порывисто прижала пальцы к его губам и не отдернула, когда он стал их целовать.

– Скажи мне… нет, посмотри на меня, не говоря ни слова, у тебя – другая жена, которая спит в моей комнате в «Обители звезд»?

Омар отрицательно покачал головой, и она успокоилась.

– Я задавала себе этот вопрос много раз. Когда меня выдали замуж, огонь спалил мой мозг, и я попыталась убежать. Когда… когда Абу'л Заид овладел мною, я заболела. Затем лихорадка привязалась ко мне… Они перевозили меня в закрытых корзинах на верблюде, и иногда я не знала, куда я еду. Там в караван-сарае в горах я встретила калеку Джафарака, который один пожалел меня. Тогда-то я ухитрилась передать ему серебряный браслет с бирюзовыми камнями и попросила его рассказать тебе обо мне в Нишапуре, куда он как раз и шел. Но здесь, в Алеппо, мой муж рассердился, утверждая, будто я притворщица и выставляю его на

посмешище. Он вышел на улицу и крикнул перед свидетелями, что он разводится со мной, поскольку я больная и дурная женщина. Затем он ушел.

– Я ничего не знал о тебе и не получал от тебя браслета, – прошептал Омар.

– Но теперь я – брошенная жена.

– Нет, – Омар засмеялся, – ты будущая жена. Следует ли мне еще ждать другого часа, чтобы ты стала моей, о райская дева, гурия моя?

– У этой райской девы нет ни красоты, ни приданого.

Однако теплая кровь заливала ее щеки, и глаза ее светились. Только когда Омар ушел, она откинулась на стеганое одеяло и скорчилась, чтобы ослабить боль, которая грызла ее.

Спустившись на улицу, Омар взял повод из рук Джафарака.

– Я еду за кади и свидетелями, – сказал он, – ибо я беру Ясми в жены прямо сейчас, сегодня же вечером. Иди к кондитерам – вот тебе кошелек, и неси сюда полные подносы аппетитных пирогов и рис, неси обсыпанное сахаром желе, шербет и красное вино. Пригласи людей с этой улицы разделить нашу радость. Найди музыканта с лютней… и свечи. Освети крышу и, во имя Аллаха, не скупись!

Он вскочил в седло и поскакал прочь, едва замечая любопытные взгляды и протянутые руки нищих.

– О правоверные! – закричал Джафарак, поднимая высоко кошелек. – О правоверные, двери празднества открыты. Приходите!

Думая только о Ясми, закутанной в покрывало, Омар слушал сухой голос поверенного в делах судьи, который сидел рядом с ним на ковре.

– …Дочь продавца книг. А что согласовано относительно ее приданого? Я имею в виду, какую собственность она передает в ваши руки?

Писец, сидящий за спиной судьи, записывал условия брака.

– Собственность? – Омар улыбнулся. – Волосы, темные как штормовой ветер, фигурка, стройная как молодой кипарис, и сердце, не ведающее ничего, кроме любви. Ей больше ничего не надо. Поторопитесь!

– Пиши: ничего из движимого имущества. – Кади проинструктировал писца.

– А теперь какую собственность ваша милость отдает ей?

– Все – все, что я имею.

Кади упрямо скрестил руки:

– Не будет ли его милость, достопочтенный господин, так любезен подумать, ибо мы должны поместить разумные условия в

записи акта гражданского состояния? «Все» – не совсем точное определение по закону. Мы должны четко разграничить: сколько земли и где она расположена, какие постройки на той земле и водные права, права рыболовства и их оценочная стоимость. Затем, дополнительно, должны мы поместить сюда некоторый перечень товаров, будь то рулоны ткани, кантары[23] мускуса, белые соколы, каракуль, акульи зубы, пригодные для резьбы по слоновой кости, сколько верблюдов и где они находятся, сколько рабов и дать всему этому приблизительную стоимость.

– Пиши: все движимое имущество, – велел Омар писцу через плечо кади.

Кади возмущенно воздел руки к небу:

– Клянусь бородой своего отца и всем святым, никто никогда не слышал, чтобы подобное записывалось в брачном контракте! Во-первых и прежде всего, такая запись нарушает вдовьи права остальных жен, о которых написано в «Книге-которую-нужно-читать», что «…первые четыре жены будут…».

Омар взял пригоршню золота с подноса, принесенного сюда одним из его рабов, и, дотянувшись до кади сзади, он разом монетами наполнил рот судьи, окаймленный бородой, затем бросил двойную пригоршню серебра на колени свидетелей, которые сосредоточенно внимали происходящему. Взяв свиток бумаги у писца, он предложил свидетелям поставить подписи. Тем временем Джафарак наполнял кубок вина для писца. В вино Омар бросил кольцо со своей руки под вопли толпы, наблюдавшей сцену на ковре.

– Твои слова на вес золота, – обратился он к кади, который откашливался и кланялся подобно кукле в кукольном театре. – Никогда не слышал ничего лучше. Теперь – брак свершен. Давайте послушаем лютню и арфу. А вы, свидетели счастья, не забывайте Омара Палаточника, который этой ночью взял себе в жены свою суженую.

Поднявшись на ноги, он шагнул к парапету на крыше и посмотрел вниз на освещенную улицу, где собрались нищие, дервиши и дети квартала. Лютнист пел песни любви, в тон ему звучали струны арфы.

– О люди, – крикнул он, – ешьте досыта! Если пироги кончатся, съешьте кондитера! Имеется ли среди вас хоть один, кто не весел?

– Нет, господин Омар. Веселы мы все.

– Есть ли среди вас тот, кто не наелся рисом, конфетами и шербетом?

– Именем Аллаха, ни одного.

– И все же все вы в лохмотьях и горести. Этой ночью вы не

сможете стать богаче, чем Палаточник, ибо он богат вне всякого предела, ни пьяны, как Палаточник, поскольку он пригубил райское вино. Однако и вы не должны нуждаться. Бросайте поднос, – приказал Омар своему казначею.

– Господин, весь поднос?

Выхватив у него большой медный поднос, Омар высыпал с него серебро в переулок. Довольный рокот прокатился по толпе. Мальчишки устроили в пыли свалку, а женщины, стоя на коленях, хватали блестящие монетки.

Омар подхватил Ясми на руки. Обнимая его за шею, она вся дрожала. Он нес ее по улице туда, где их ждал паланкин, поспешно одолженный для престижа вместе с двумя евнухами у его приятеля эмира Азиза, и осторожно опустил жену на подушки.

– О моя нареченная, – прошептал он, – никогда не коснутся тебя другие руки, кроме моих.

Евнухи закрыли решетчатые двери, и толпа, жившая бок о бок с Ясми все те месяцы, когда она была таким же изгоем, как они, и вместе с ними голодала, отпрянула назад от носилок молодой жены очень знатного господина.

– Иль-амди-лла! – кричали они. – Хвала Аллаху! Хвала Аллаху! Хвала господину мудрейшему, который раздает золото! Слава Палаточнику!

– Найдется ли на свете, – кричал дервиш, – еще такой господин, как Омар, от ворот нашего города до самого Китая?

– Нет! – кричал другой. – Да протекут в мире его годы! Пусть будет гладким его путь!

Маленькая девочка выбежала из толпы с корзиной розовых лепестков и усыпала ими землю перед скакуном Омара.

– Куда, – спросил один из евнухов, – направит почтенный свои стопы?

– К базару.

– Но базар закрыт. Он закрыт уже с вечерней молитвы.

– Прекрасно, – кивнул Омар. – Но теперь поторопитесь.

Евнух побежал быстрее рядом с паланкином, который легко несли рослые черные рабы, но шепотом пожаловался Джафараку, что господин, должно быть, пьян.

– Тебе, – усмехнулся шут, – никогда не грозит опьянеть от этого вина.

У закрытых ворот ближайшего базара они нашли турецкого онбаши с полудюжиной копьеносцев и круглым китайским фонарем. Офицер окинул взглядом внушительного вида носилки и облачение евнухов и уважительно поприветствовал Омара.

– Нет, господин, – возразил он, – этот вход закрыт в темное

время по приказу самого султана.

– Милостью султана, – улыбнулся Омар, – ничто не будет закрыто для меня этой ночью. Возьми это кольцо в знак того, что я повелеваю тебе открыть ворота. Да поторопись!

– Ты что же, заставишь ждать царского астролога? – вскричал Джафарак.

Десятник взял кольцо и с сомнением покачал головой. Все еще бормоча про себя какие-то возражения, он распахнул одну половину двойных ворот, приказав своим людям отойти назад. При этом бородатый человек с почерневшим бритым черепом незаметно продвинулся вперед и пробрался на сводчатую базарную улицу позади паланкина.

Оказавшись за воротами, человек с бородой нетерпеливо устремился вперед и ухватил Омара за стремя.

– Йа, ходжа, – напевно уговаривал он, – сюда, сюда. Заходи в лавку Зуррака, посмотри китайские шелка и нефритовые подвески из находок храма. У Зуррака есть рубиновые гарнитуры в чистом золоте, такого же цвета, как цвет губ твоей гурии. Или премудрый господин купит набор с лазуритом в позолоченном серебре? Кубки из алебастра или хрустальные чаши…

Приблизился и другой бородатый торговец и, задыхаясь от быстрого бега, начал свою песню:

– О Защитник Бедных, ты не туда пошел! Все товары Зуррака делаются здесь, в мастерских на задних дворах Алеппо. Он нефрит от мыльного камня не отличит. Иди сюда, в лавку твоего раба, Шолома Антиоча. Именно на этой неделе ко мне пришел караван шелков, вытканных с золотой нитью, и дамасские ткани, расшитые жемчугом…

Стремя Омара затряс третий, тоже задыхающийся от быстрого бега торговец:

– Какой бред вы несете, о неверные собаки? Вы, навозные лепешки из навозной кучи, не видите разве, что благородный господин желает приобрести украшения для белой шейки своей невесты? Иди за мной, господин, к лавке твоего раба правоверного Бастама, внука Саидова…

– О вы, ночные воры, – закричал на них Омар, – я куплю все, и сам султан оплатит все покупки, ибо эта ночь никогда не повторится снова!

Часы той ночи пролетели подобно минутам. Лежа у входа в палатку, поскольку жара в разгаре лета стояла в воздухе, Омар играл волосами Ясми, наматывая пряди на свои пальцы. Сейчас наконец он снова чувствовал себя живым.

Все ночные звуки приобрели значение. Все долгие часы прошедших последних трех лет исчезли, подобно миражу,

возникшему из моря и исчезающему в море.

Мерцание звездного света высвечивало белую руку Ясми. Он смотрел, как поднимается и опадает покрывало от ее дыхания. Со стороны песков доносился сухой аромат шалфея.

– Ты так и не спала, сердце мое, – прошептал он. Он ждал долго, но теперь, когда прохладное дыхание прибывающего дня чувствовалось в палатке, он подумал, что она уже не заснет.

Темноволосая головка повернулась к нему.

– Я слишком счастлива, – слабым голосом произнесла она, – до боли… Я пересчитывала дни и часы моего счастья. Это нехорошо, да?

– Если это нехорошо, то – я обреченный грешник.

– Ш-ш-ш. – Она приложила пальцы к его губам. – Мне страшно. Так много раз пробуждалась я в тоске по тебе, любимому, когда гасли звезды. Как жестоко… как больно быть одной в предрассветный час, когда ты любишь, а рядом с тобой нет любимого… Теперь я боюсь, вдруг что-то отберет тебя у меня.

– Нет, мы вместе отправимся в Нишапур, в «Обитель звезд». Я попрошу султана разрешить мне уехать туда.

– Ты это сможешь? – спросила она и тут же рассмеялась. – Ах, я и забыла… у тебя теперь есть власть. Увы, сколько одежды и ценнейших вещей ты купил мне на базаре! Похоже, я больше не нищенка.

– Ты – вся моя жизнь. Все эти три года моя душа страдала.

– Мне кажется, твоя душа очень сильная.

Она стихла, задумавшись.

– Как странно все. Я не знаю… да я не знаю, как это может быть. Но я любила тебя с тех пор, как ты появился на улице Продавцов Книг. Сначала, нет, я размышляла над этим вопросом много лун, мой любимый, я пугалась, а потом и вовсе боялась того, с какой силой я жаждала тебя. Знаешь ли ты, как ранили меня тогда жестокие слова? Конечно нет… Но после этого мне стало все равно, в мире существовал лишь ты. Ты был со мной, и меня захватило волшебство джинна; тебя не было, и все мое тело болело.

Небо стало из темного серым, и светлая палатка начала приобретать очертания.

– Этот кошмар закончился, – сказал Омар. Он мог видеть ее глаза, бледность ее кожи.

– Все, кроме боли.

– Боли? – Он поднял голову. – О чем ты говоришь, сердце мое? Взгляни, меч рассвета уже разрывает одеяния ночи, а мы так и не уснули. О возлюбленная моя, не печалься. Это наш рассвет, осуши его до дна. Он наш, и все другие рассветы, которые еще

наступят после, не будут похожи на него.

– Не будут, – улыбнулась она.

– И все те, кто спит сейчас, они ничего не знают. Взгляни, первый луч коснулся шатра султана. Теперь я должен искупаться и ждать его появления, чтобы мы могли отбыть из лагеря.

– Еще чуть-чуть. Нет, жизнь моей жизни, мне нужен еще один миг, который я сосчитаю… и видеть, как светлые лучи освещают твое лицо.

Омара охватило страстное нетерпение поскорее тронуться в путь. Как только Малик-шах дал согласие на его отъезд, он выбрал охрану для поездки и вьючных верблюдов. Пока его рабы упаковывали вещи в тюки, он подыскал носилки для Ясми, которые можно было перекинуть между двумя лошадями. Он даже купил нового белого осла для Джафарака.

– Ты никогда не будешь больше нищенствовать, Джафарак, – засмеялся он.

Шут нерешительно посмотрел на него:

– Господин, я прошу тебя помнить об одном. Ты силен, как Рустам, но Ясми слаба. Она слишком слаба даже для радости.

– Ты – мудр, шут.

– Нет, я – всего лишь просто калека. Только тот, кто прошел через муку, способен понять, какие чувства испытывает женщина.

Но, когда наступила прохлада того вечера и их караван тронулся в путь, когда знатные эмиры прибыли верхом проводить Омара Хайама и сопровождать его в начале пути, Джафарак гордо объехал всех на своем осле и возглавил процессию.

– Эхэй, господа, – закричал он, обернувшись назад, – только дурак может ехать перед всеми вами, знатными господами с мечами в ножнах!

Той ночью Ясми стало знобить, а затем ее охватил лихорадочный жар. Она не прикоснулась к еде, но, когда Омар забеспокоился, только улыбнулась:

– Я получила слишком много счастья, и конечно же это не могло длиться вечно.

На вторую ночь они остановились на ночлег у реки Евфрат, разбив шатры и палатки на ее высоком берегу, там, где рос тамариск[24]. Утром им предстояло переплыть реку на пароме, который обслуживал караваны. Ясми лежала, укрывшись несколькими одеялами, щеки ее пылали. Она следила взглядом за каждым движением Омара, но боль мешала ей поворачивать голову.

– Видишь, какая никудышная из меня получается жена, – прошептала она. – Лежу тут и отдыхаю, а мой господин хлопочет вокруг меня. Покажи мне какие-нибудь из украшений, купленных

для моей свадьбы.

Чтобы порадовать жену, он поднес к ее постели расшитые шали и украшенные жемчугом покрывала для замужней женщины, и Ясми рассеянно перебирала их пальцами. Он показал ей серебряный обруч с поблескивающим сапфиром.

– Какой красивый, – сказала она, гладя обруч. – Завтра я расчешу волосы и надену его… Скажи, у нас с тобой когда-нибудь будет своя беседка около нашей реки, не этой, а той, нашей, и белые лебеди будут плавать вокруг?

А потом, как-то сразу и внезапно, у нее начался горячечный бред, глаза потускнели. Болезнь захватила ее стремительно. Омар позвал Джафарака, и тот, взглянув на больную, отвел глаза.

– Чума, – прошептал шут.

– Нет, только не это! – вскричал Омар. – Взгляни, разве это не простая лихорадка! Милостью Аллаха она пройдет к рассвету.

Но Джафарак покачал головой:

– Нам остается только молиться.

Кругом развели костры, чтобы отогнать ночной холод. Их алое пламя отражалось на стенах палатки. Между тем Ясми со стоном металась из стороны в сторону, не замечая ни Омара, стоявшего на коленях подле нее, ни горбуна, без остановки бормотавшего в углу священные имена Всевышнего. Пламя костров погасло, остались лишь тлеющие угольки, и тени больше не плясали на ткани.

Джафарак услышал голос Омара:

– Зажги лампу. Она заговорила, она только сейчас коснулась меня. Лихорадка оставила ее.

Когда шут подошел ближе и встал рядом, прикрывая пламя лампы рукой, Ясми лежала неподвижно с закрытыми глазами. Рука ее касалась шеи Омара, губы едва шевелились.

– Жизнь моя… Жизнь моя…

Потом она откинула голову, и Джафарак ждал, не опуская руку от лампы. Он думал, Омар продолжает слушать, и это показалось ему странным, поскольку Ясми уже не дышала. Поэтому он поставил лампу и коснулся плеча Омара.

Погонщики верблюдов сидели у палатки, вокруг пепелища ночных костров. Ветер с пустыни поднял пыль, и она висела плотным облаком, через которое просвечивал огненный шар солнца. Время от времени Джафарак выходил из палатки и садился подле них.

– Он по-прежнему ничего не говорит, – промолвил шут. – И все так же умывает ее закрытые глаза розовой водой.

– Бар-ак-алла, – пробормотал солдат, – а ведь она умерла от чумы.

– Он знает, что она мертва, раз он надел на нее все свадебные украшения и обернул ее грудь покрывалом.

– Лучше бы он выл от горя и рвал на себе одежду, как следует мужчине, когда он в трауре.

– Да, или плакал бы. Но он не заплачет, нет. Эх, она лежит на земле такая вся белая. Какой юной она была… подобно цветку в пустыне, тому, что расцветает после дождя и увядает на следующий день, сразу после первого же порыва знойного ветра.

Мужчины неохотно зашевелились. Странным казалось им рыть столь большую могилу на пригорке под дикой грушей и вносить закрытые носилки в палатку, выделенную для чтения молитвы над умершей. Мужчины к этому не привыкли. К смерти молодых девушек всегда относились иначе, те легко умирали при родах или от болезней, и в этом не было ничего неожиданного. Так было записано, и кто мог изменить то, что было записано? Мужчины с тревогой поглядывали на паром, поджидавший их на берегу.

– А может, – рискнул предположить кто-то, – он впал в безумие? Аллах заслоняет тех, кто страдает.

– Девушек много, – проговорил разговорчивый солдат. – Нынче в Багдаде они идут по восемьдесят серебряных монет…

– Собака! – вскричал Джафарак, подпрыгнув. – Как можешь ты судить из своей собачьей конуры о любви, которая сжигает и убивает?

Он возвратился к палатке и исчез в ней. Он вышел оттуда, чтобы позвать рабов отнести носилки к могиле на пригорке.

– Поторопитесь, – приказал он. – А то господин уже уложил ее в носилки и разложил все подарки около нее, своими собственными руками. Он полагает, ей пора отправляться в путь. Поторопитесь… а то он лежит на земле…

– Но мы не носильщики мертвых! – вскричал погонщик верблюдов. Аллах! Они не возьмут мертвое тело на тот паром…

– Нет, несите к могиле. Могила уже вырыта. Поторопитесь!

Подгоняя испуганных мужчин перед собой, Джафарак откинул в сторону полог, прикрывавший вход в палатку.

– О господин, – сказал он Омару, – мы готовы. Побудьте здесь немного, подождите, пока мы все не сделаем. – И прошептал людям: – Олухи, торопитесь… он знает, он знает. Осторожнее, а то он очнется и заговорит!

Спотыкаясь от страха и суетливой поспешности, они вынесли тяжелые носилки из палатки и направились на открытый всем ветрам пригорок. Там они опустили носилки в могилу и стали руками и ногами засыпать ее землей. Камни они откладывали в сторону, чтобы сложить их сверху. Потом они сбежали вниз и

сгрудились подле палатки, в то время как погонщики верблюдов грузили тюки на них, а солдаты седлали коней.

– Господин, – крикнул Джафарак, – мы готовы! Пора.

Когда Омар вышел из палатки, конец его тюрбана был натянут на подбородок и закрывал рот. Некоторое время он удивленно смотрел на клубящуюся пыль и серую реку. Потом он повернулся к своим недавним спутникам, толпившимся в ожидании.

– Сожгите эту палатку, – приказал он, – и уходите отсюда. Забирайте с собой вещи, которые везете, и убирайтесь прочь. Я знаю ваши лица. Я запомню их. И чтобы ни один из вас больше никогда не появлялся у меня на глазах.

– Господин! – запротестовал Джафарак.

– И ты уходи. Разве ты не видишь – здесь чума?

Когда баржа двинулась через реку и люди и животные исчезли где-то там, на другом берегу, Омар перевел взгляд на дым, поднимавшийся от почерневших останков палатки. Дым клубился и окрашивал в темный цвет облако пыли до тех пор, пока красный шар солнца не стал напоминать фонарь, повешенный в небе.

Фонарь висел над его головой, а остальное небо было увешано знаменами. А серая земля была пуста. Насколько ему хватало глаз, все было пусто. Караван исчез в небытие, а пламя, которое с таким трудом и так плохо съедало палатку, жгло его сердце. Огонь, огонь во всем теле…

– Господин, – послышался голос Джафарака, – это же река. Это смерть.

Водный поток мчался мимо его ног. Кусочки глины обсыпались и исчезали в нем. Рука Джафарака тянула Омара за плечо, и немного погодя он сел и стал смотреть на этот поток, который в вечном водовороте несся прочь.

«Клонг-клонг-клонг». Перезвон верблюжьих колокольчиков раздался в ушах. Загрохотала цепь, и вереница верблюдов нового каравана медленно приблизилась к стоянке. Паром двигался через реку обратно. Незнакомые люди повели лошадей вниз к реке на водопой.

– Нет, это – не чума, – продолжал звучать голос Джафарака. – У него нет лихорадки. Это душа его горит и болит, я и не знал, что он будет так страдать. Вы хотите помочь ему чем-нибудь, господин? Ах, если бы вы могли даровать ему слезы!

Кто-то еще подошел ближе и заговорил. Тяжелый кубок коснулся руки Омара, и он поднял глаза. В кубке краснело вино.

– Речная вода негожа для питья, – сказал голос. То был Акроенос, купец. – Это – лучше.

Руки Акроеноса поднесли кубок к губам Омара, и он отпил из него. Когда кубок был пуст, Акроенос наполнил его снова. Вино оказалось крепким и горьковатым. Оно затушило огонь в его душе и воспаленном мозгу. Так он пил, пока небо не занавесилось и фонарь солнца не скрылся из виду.

Глава 4

Тропа Камней-паломников в горах Курдов на дороге в Хорасан

Звон верблюжьих колокольчиков резким металлическим звуком отдавался в ушах. Косматый пони трусцой бежал под ним, и Омар дремал, покачиваясь в седле. Жар, идущий от поверхности земли, обдавал его, словно живое существо.

Ночью, когда Омар не мог уснуть, он пил вино Акроеноса и разговаривал с погонщиками верблюдов, которые кротко отвечали ему, считая его помутившимся в рассудке. Когда слова пропадали и образ Ясми, лежавшей в своем саване под землей где-то далеко на речном берегу, всплывал перед его взором, во всем теле опять поднимался жар. Он отыскивал кувшин с вином и отпивал из него понемногу все время, пока звезды совершали свой путь по небу.

– Он ослаб, – сказал Джафарак купцу Акроеносу.

– Лучше пить, – спокойно отвечал Акроенос, – чем испытывать жажду.

– Но что же будет завтра и в следующие дни, которые наступят?

– Когда наступят, тогда и посмотрим.

Услышав их разговор, Омар приподнялся на своем ложе и взглянул на говоривших:

– Если бы не существовало ни вчера, ни завтра, насколько легко стало бы жить. – Он опять погрузился в свои мысли. – Если бы мы могли не поднимать полог забвения над вчерашним днем и если бы мы никогда не отдергивали занавес с того, что должно произойти! Если бы сегодня никогда не перетекало ни во что иное!

– Мир с тобой, – пробормотал Джафарак. – Да пребудет с тобой мир.

Они поднимались все выше от пустыни в красные ущелья, где обитали курды, вверх по древней дороге, которую отполировали ноги паломников. Однажды к вечеру купцы из каравана остановились около груды серых камней, в половину человеческого роста.

На некоторых из этих камней сохранились отпечатки человеческих лиц, у всех камней от перекатывания закруглились края. Купцы спешились и направились к ним. Подталкивая или волоча камни, люди оттащили их на небольшое расстояние вниз по дороге.

– Эх, – сказал Акроенос, – это они помогают камням добраться до Мекки. Ибо это суть камни-паломники, которые спустились с гор. Каждый мусульманин помогает им в их паломничестве. Помню, когда я был еще мальчиком, они стояли на рынке крепости Ширин.

Джафарак пошел посмотреть на большие камни. В них не было ничего необычного. Тем не менее они выглядели странно, эти огромные камни, терпеливо стоявшие на ребрах вдоль дороги. Ему стало интересно, сколько времени потребуется еще им, чтобы добраться до Багдада, и сумеют ли они когда-либо пересечь пустыню и отыскать свою дорогу к Мекке. Но тем вечером купцы молились громко и долго, а те, кто совершал большое паломничество, выставляли напоказ талисманы, которые носили, чтобы оберечь себя от ножей и стрел грабителей.

Ибо в этих холмах курды спускались со своих стоянок и совершали набеги на караваны верблюдов.

Когда ночь прошла без происшествий, купцы воздали благодарность Аллаху и снова еще немного подтолкнули камни-паломники. Затем они потребовали, чтобы тот, у кого имелось вино в бурдюках, навьюченных на верблюдов, держался позади караванной процессии в тот день.

– Пускай он скроется с наших глаз, и чтобы мы его не слышали, ибо его торговля – дело проклятое и навлечет на нас беду. Пусть он следует за нами лишь тогда, когда осядет наша пыль.

В своем рвении они разыскали и Акроеноса.

– Ты – грек, неверный. Оставайся и иди вместе с торговцем вином.

– Но сегодня на дороге нам всем грозит опасность, – возразил седовласый Акроенос, – и, если мы останемся вдвоем позади каравана, на нас могут напасть, отобрать лошадей и убить. К тому же я – армянин, а не грек.

– Все одно. Уо-алла, разве у тебя совсем нет совести, ты, поедатель свинины?! Хочешь навлечь беду на всех нас?

Акроенос не стал больше спорить и пошел прочь, поскольку купцы из Багдада были вооружены и имели свою стражу. Когда они взобрались на коней и вереницы верблюдов тронулись в путь, Омар остался сидеть на одном из камней-паломников, рядом со своим пони.

– Идем, ходжа Омар, – позвали его с собой купцы.

– Нет, вы отправляетесь в путь без вина. Я так не хочу.

– Какая глупость, – добавил Джафарак, – тащиться позади каравана. Выходит, это самое место для дурака. Езжайте, вы, выполнившие паломничество!

Торговец вином, болезненный человек, постоянно и много жаловавшийся, даже не возражал, когда караван оставил его. Он приказал своим людям подождать, пока караванный поезд не скроется из виду.

– Все, чему суждено случиться в этот день, уже предопределено и записано, – понуро сказал он, – а если записано, то случится непременно. Значит, такова моя доля, раз я останусь вместе с дураком, пьяницей и армянином.

Когда последний из большого каравана исчез у входа в ущелье, винный торговец поднял верблюдов, его слуги взялись за посохи, а Джафарак взобрался на своего осла. Они медленно продвигались по тропе под ослепительно ярким солнцем.

В тот момент, когда они продвигались по серпантину к вершине, погонщики верблюдов остановили животных.

– Слушайте! – воскликнули они.

Эхо грохочущих копыт заполнило глубокую лощину. Где-то кричали люди, и винный торговец запричитал, что теперь курды придут и убьют их.

– Давайте спрячем животных, – предложил Акроенос. – Нам не удастся спастись бегством.

– Никто, – простонал торговец, – не может избежать своей судьбы.

Погонщики, о чем-то с испугом переговариваясь приглушенными голосами, заставили груженых верблюдов спуститься в небольшой овражек, выше по высохшему руслу весеннего потока с гор. Всадники укрылись позади зарослей тамариска.

На линии горизонта, выше их, они наблюдали всадников с копьями, скачущих рысью. Крики раздавались где-то совсем рядом, до путников доносилось шуршание ссыпающегося гравия и слышался грохот огромных падающих вниз камней.

– Воистину, – прошептал Джафарак, – эти горы дали жизнь людям.

Казалось, курды уже окружили их и ликовали от предвкушения добычи. Акроенос пожал плечами и спокойно ждал, пока не наступит тишина.

– Они не заметили нас! – вскричал шут.

Тишина стояла уже второй час, когда торговец вином согласился вернуться на тропу. Очевидно, курды ушли.

Но на первом же повороте они с ужасом осадили лошадей. Перед ними на ровной площадке лежали остатки главного каравана. Разбросанные веревки, мешки и разодранные тюки. Все животные купцов из Багдада, если не считать хромого осла и нескольких собак, исчезли, так же, впрочем, как и сами купцы.

Горстка погонщиков верблюдов печально сидела среди всего этого разгрома. Это было все, что осталось.

Ни оружия, ни вооруженной охраны, все словно растворилось в воздухе.

Акроенос, который пережил не один набег этого горного племени, горестно покачал головой.

– Эх, – сказал он, – курды напали на наших братьев из Багдада и ограбили караван. Подобно подбитой птице, его утащили, и он по дороге терял свои перья. Возможно, кому-то из наших друзей удалось убежать благодаря резвости их лошадей, но остальных увели ради выкупа. Мы с вами слышали, как курды забирали их. Эй, да и охрана не смогла сослужить им хорошую службу, теперь и сторожа стали рабами курдов.

Во время набега армянин потерял ценный тюк с тканями, но, по крайней мере, он остался на свободе.

– Воистину, – произнес винный торговец, вздохнув, – все было предопределено и записано.

Но Омар весело смеялся:

– У нас есть вино. Что такого ценного потеряли эти купцы? Все их потери не стоят и половины нашего сокровища, которое везем мы!

С оставшимися в живых и собаками, бредущими сзади, они спешили пересечь нагорье. Опасаясь курдов, которые могли погнаться за ними, они не разбили лагерь этой ночью. Под кривой турецкой саблей утомленной старой луны люди упорно карабкались по горным уступам, и Джафарак признался Акроеносу, что они напоминают ему мертвецов, ищущих свои могилы.

– И все же наш Палаточник доволен этой ветреной пустошью, – добавил он.

– Скажи мне, – попросил армянин, – одну вещь. Ты как-то сказал, будто три года назад ты искал его в его доме, чтобы передать ему известие об этой девочке, Ясми. Однако Омар утверждает, что он ничего не слышал ни о тебе, ни о ней, пока не встретил тебя среди дервишей в Алеппо.

– Аллах свидетель, я искал его в «Обители звезд», ты правильно говоришь. Его тогда там не было. Я оставил ему знак и записку.

– Но кажется, он не получал никакого сообщения от тебя. Как это так? Иди и расскажи ему все.

– Нет, он все время думает о Ясми, и я боюсь.

– Боишься? Но чего? Ну же, иди к нему! – Акроенос подстегнул пони и потащил за повод осла, на котором ехал шут, пока они не оказались подле Омара.

– Джафарак говорит, – заявил он, – что три года назад он оставил тебе знак от Ясми и известие о ней в твоем доме. Ты об этом забыл?

Омар осадил лошадь и посмотрел на них.

– Меня мучил вопрос, господин, – вскричал Джафарак, – почему ты не поторопился послать за ней или не стал искать ее! Почему ты тянул с этим месяц за месяцем?

– Какой был знак? Какое послание?

– Серебряный браслет, украшенный бирюзой. Я рассказал о болезни Ясми и о том, как ее везли на запад, в Алеппо.

Омар ясно представил тот день, когда он закрепил тот браслет на запястье Ясми, и его руки судорожно сжали поводья.

– Я ничего не знал. С кем ты говорил? Со слугой? С ходжой Мей'муном?

Джафарак покачал головой:

– Это был тучный человек; он носил тюрбан из лазурного шелка. Маленький человек, с голосом, подобным колокольчику. Он спросил меня, неужели так сильно больна Ясми, и я подтвердил ему это, сказал, Аллах керим, что она совсем чахнет…

– Замолчи! – Омар опустил голову. – Значит, Тутуш мне солгал! Это был Тутуш. И он лгал.

Он замолчал и больше ничего не говорил. Джафарак отъехал от Омара, а когда их нельзя было услышать, обратился к армянину:

– Ну и каков в этом толк? Какую выгоду приобрел ты, господин? Теперь он стал совсем как те, кто обречен на кровную месть.

– Толку в этом больше, чем в нескольких груженных тканями верблюдах.

Акроенос улыбнулся, но он не стал бы объяснять смысл сказанных слов, и Джафарак напрасно гадал, зачем этому купцу понадобилось направлять кинжал Омара на Тутуша, главу шпионов Низама.

Глава 5

«Обитель звезд» на берегу реки Нишапур

Ходжа Мей'мун ибн Нахиб аль-Вазити сидел, втянув свои руки в рукава, в комнате приемов башни. Подле него разместился Музаффари – аль-Исфизари, прибывший из обсерватории Ургханда. Вдоль стены присели и все шесть их помощников, которые трудились с ними в течение всего года.

Перед ними на низеньких столиках были разложены листы бумаги с колонками цифр – плод трудов их за прошедший год. Своим сухим голосом ходжа Мей'мун объяснял то, чего они добились в своей работе, но в глубине души испытывал неприятное чувство. Тому были причины. Загорелый и обветренный астроном молодого султана, только что возвратившийся с запада и теперь возлежавший на подушках, казался пьяным. По крайней мере, его взгляд отсутствовал, а сам он тихо мурлыкал про себя какую-то мелодию.

Но самое неприятное было то, что за спиной Омара полулежали двое незнакомцев: какой-то шут в изодранном тряпье и суровый старик в черной тюбетейке. Ходжа Мей'мун чувствовал, как он теряет достоинство перед своими собратьями, математиками. Шут среди ученых!

Поэтому он прервал свой церемонный доклад и заметил с холодным неодобрением:

– Восход солнца в день весеннего равноденствия не совпал с рассчитанным нами временем на три часа и девять минут.

– Три часа, – повторил Омар, – и девять минут.

Мей'мун потупил взгляд. Втайне он надеялся так приблизиться к солнечным часам в отсутствие Омара, чтобы признание заслуг за сделанные вычисления досталось именно ему.

– Берите молоток, – приказал Омар, – и разбейте водяные часы.

– Не делайте этого, о превосходнейший, – вставил Исфизари, который ведал водяными часами, – их отклонение от солнечных часов не превышает семнадцати минут. Возможно, немного больше, но…

– О-алла, – вскричал, вскакивая, Омар, – часы действительно столь точны?

– И н шал л ах.

– И тем не менее они отстали от солнца на шесть часов и

восемнадцать минут за полный год?

– Да, это действительно так.

– Идите! Найдите мне мальчишек на базаре, чтобы наблюдать за приборами, и приведите с ярмарки танцовщиц из Исфахана, пусть регистрируют часы! И вы еще назывались знатоками математики! О, получайте расчет и преподавайте в школе.

Помощники поднялись и вышли из помещения вместе с Исфизари. Только пожилой Мей'мун не двинулся с места.

– Господин, – робко обратился к нему Джафарак, – шесть часов – это так мало. Да ведь я мог бы вздремнуть столько после того, как поел дыни, и никогда не вспоминал бы об этом снова.

– Тогда ты и должен быть астрономом.

Омар хлопнул в ладоши.

– Принесите вино – темное вино из Шираза, из запечатанной фляги.

Когда испуганный слуга наполнил его кубок, он медленно выпил его. Мей'муну показалось, будто сам дьявол вселился в Палаточника. Но он не уйдет со своего места без того, чтобы объясниться. Акроенос спокойно наблюдал за происходящим. Омар вздохнул и взял один из листов:

– Кто делал эти расчеты?

– Превосходнейший, – мрачно начал Мей'мун, – я сам проверил их. Вы не найдете в них ошибки.

Омар пробежал глазами столбцы цифр и принялся за другой лист, выбранный наугад. Он задумчиво всматривался в него:

– Ты клянешься, что вычисления верны, и Исфизари клянется, что его часы стабильны в погрешности. Один из вас не прав, но кто?

– Если говорить о часах, то они служат достаточно хорошо. Да, после первого же месяца мы уже знали их погрешность.

Мей'мун упрямо поднял свою голову:

– Легче всего крикнуть: «Пошли вон!» И все же я клянусь Каабой и моей верой, что моя рука проверила те результаты.

– С использованием таблиц Птолемея?

– Да, естественно.

– С коррекцией на широту Нишапура? Птолемей занимался своими наблюдениями в Александрии.

– Я предвидел это. Может, превосходнейший хочет лично убедиться? Вот они, таблицы прошлого месяца.

Взяв перо, Омар сделал краткие вычисления и сравнил их с одним из расчетов Мей'муна. Затем он нахмурился:

– Что это? Коррекция на местность сделана верно. Звезды не менялись, и часы все те же. И все же здесь одно за другим идут отклонения на шесть часов. Есть у тебя объяснение, о багдадец?

Медленно Мей'мун отрицательно покачал головой:

– Истина скрыта от меня.

– Принеси мне таблицы Птолемея.

Когда огромные рукописные таблицы были разложены перед ним, Омар принялся за первый лист расчетов Мей'муна. Склонившись над столом, он принялся за работу.

Акроенос отправился спать, а Джафарак свернулся комочком на коврике, но старый Мей'мун не смыкая глаз молча ждал, словно филин. Когда пламя в лампе начинало мерцать и почти гасло, Мей'мун подливал туда масла.

– Этого не может быть, – только раз пробормотал Омар и обратился к новому листу.

Когда утренний свет проник через амбразуру и лампу загасили, он достиг конца расчетов, и Мей'мун воспылал надеждой.

– Правильны ли мои расчеты? – вырвалось у него.

Для проверки Омар изучил первую и последнюю страницы рукописи Птолемея.

– В твоих расчетах ошибки нет, – пробормотал он. – Итак, отклонение в шесть часов и восемнадцать минут постоянно. Твоя первая запись… вот она… подобна последней. Шесть часов и восемнадцать минут отставания от солнца.

Мей'мун прищурился и согласился. Это должно было быть так.

– Ошибка – здесь. – И Омар положил руку на потертые рукописи Птолемея.

– Спаси нас, Аллах! Что сказал ты? Ошибка… и это после стольких веков…

Мей'мун не мог прийти в себя от услышанного.

– Постоянная ошибка, да.

– Но как… Такой астроном!.. И никто не знал!

– Если бы мы знали как, мы могли бы исправить ее. – Омар улыбнулся, его утомленные глаза свидетельствовали о большой работе мысли. – Но великий сын Александрии уже долгое время покоится в своей могиле.

На лице старика отражалась борьба скептицизма с неподдельным интересом, ибо эти звездные таблицы ученые стран ислама использовали уже столетия. Скорее минареты большой мечети Нишапура придут в движение, нежели кто-то заподозрит Птолемея в неточности.

– Ахай! – простонал он, когда истинное значение их открытия стало ему ясно. – Но тогда – наша работа тщетна. Суетны и напрасны труды Харезми и всех остальных. Наши таблицы открытых уже звезд ложны… ложны.

Совсем запутавшийся, он судорожно окидывал взглядом комнату. Если бы вдруг пол приподнялся, чтобы встать на ребро, он и тогда не поразился бы ничему. Но темные глаза Омара свидетельствовали о глубоком раздумье.

– Подожди, Мей'мун, подожди. Ошибка небольшая, и она постоянна. Она здесь в первой колонке, она и в последней. Эти наблюдения… столь верно сделанные, и все же тут есть погрешность, но небольшая.

Он вскочил, зашагал поперек комнаты, выглядывая за окно на ослепительное солнце.

– Ложны и истинны, этого не может быть, но так оно и есть. Если бы мы смогли сорвать завесу тайны!

Мей'мун мог только качать головой:

– В руках Аллаха – ключи незримого.

– Если бы мы могли найти ключ… ключ.

Омар внезапно повернулся к нему:

– Скажи мне… разве долгота и широта у Птолемея не правильны?

– Да, правильны, разве мы стали бы иначе следовать за ним все эти тридцать поколений?

– Тогда должен же он был знать ключ к таблицам открытых звезд. Он мог использовать таблицы, но другие… и опять, не зная ключа… был бы всегда обречен на неудачу, как и мы.

Омар хлопнул рукой по открытой рукописи:

– С ключом мы сможем использовать эти таблицы, Мей'мун… мы одни.

– Если ложное от истинного отстоит всего на ширину волоска, то ложное все равно не становится истинным.

Омар посмотрел на ученого, и его лицо смягчилось.

– Мей'мун, старый учитель, прости меня, что я накричал на тебя. Ты указал мне на ключ, благодаря которому ложное становится истинным. Я вижу… я вижу.

– Йа-алла, никто не может видеть.

– Это какой-то крохотный ключ. Почему исправил ты эти таблицы для широты Нишапура?

– Потому что… – астроном начал объяснять, потом запоздало удивился вопросу, – открытые уже звезды, которые видны из Нишапура, наблюдаемы под другим углом в Александрии, где Птолемей работал.

– А как быть, – осторожно спросил Омар, – если они не были видны в Александрии?

– Ай-алла, разве обсерватория Птолемея не в Александрии?

– Нет, и в этом наша ошибка.

Мей'мун устало и ничего не понимая посмотрел на своего

молодого коллегу.

– Ты не безумен? – пробормотал он.

– Нет, ибо Птолемей, который работал в Александрии, не создавал этих таблиц. Они были сделаны другим ученым, его предшественником, и в другом месте. Птолемей использовал их, как и мы, полагая, что они его творение. И все же он знал неизвестного нам звездочета, который создал эти таблицы. Он знал! И поэтому его вычисления были истинны.

Глаза Мей'муна вспыхнули, но затем огонь в них потух. Он увидел правду сразу, но ему показалось, будто Омар обладал таинственной и сокровенной силой, способной обнаружить то, что было сокрыто все девять столетий. Не сам ли Низам признал, что Омар обладает этой неведомой силой?

– Должно быть, это так, – вздохнул он. – И все же мы никогда не узнаем, кто сделал эти таблицы или где. Возможно, это был халдей из Вавилона, или индус из Индии, или грек на далеком западе. Кто знает?

Если они не определят, где создавались таблицы, таблицы эти будут бесполезны для их точной работы. Птолемей знал это, но этот великий египтянин держал местопребывание неизвестного им астронома в тайне.

– Дней через несколько, – спокойно сказал Омар, – я сообщу вам место наблюдений. Но сейчас я иду спать.

Пока он, прихрамывая, брел от башни до собственных комнат, Мей'мун лелеял только одну надежду. Человек, который мог создать одно чудо, мог бы произвести и другое. Хотя он никогда не слышал, будто бы случались чудеса в математике прежде. Но когда он нашел своих помощников, печально собравшихся после утренней молитвы на пороге его жилища в ожидании его возвращения, старый астроном поднял голову. Могло бы даже показаться, что он заважничал.

– Ну, вы, школяры, – гордо сказал он, – ходжа Омар и я нашли ошибку. После девяти сотен лет я обнаружил ошибку в звездных таблицах Птолемея Географа. Скоро мы исправим ошибку, но теперь я утомлен и иду спать.

Так он восстановил чувство собственного достоинства и, поправляя широкую накидку, прошел в свою комнату. Среди помощников на мгновение установилась оглушающая тишина.

– Ла Алла иль лаллах, – прошептал один из помощников. – Старый повеса тоже напился этого вина из Шираза.

В течение всех последующих дней в «Обители звезд», помимо однообразной ежедневной фиксации тени гномона и точного времени восхода солнца и его заката по водным часам, иной работы не велось. Только Омар не прекращал трудиться. Он

работал как одержимый. Так считали его помощники. Сначала затребовал копии географии звезд Птолемея из библиотеки, затем – список всех греческих астрономов древних веков.

Чаще всего он работал в полнейшей тишине, лист за листом исписывая цифрами, которые он передавал затем Мей'муну на проверку. Мей'мун, беспомощный, когда дело касалось неведомого ему, как завороженный наблюдал за действиями этого юноши, которые, по его предположению, не могли увенчаться успехом. Он достаточно быстро понял, что Омар искал процент ошибки и хотел использовать полученную погрешность, чтобы вычислить вероятное расстояние неизвестной им обсерватории к северу или к югу от Александрии. Ответ, однако, мог быть только приблизительным… Как оказалось, это приближение составило пять градусов широты.

– Обсерватория неизвестного, – произнес наконец Омар, – находится приблизительно пятью градусами севернее Александрии. – Но почему не южнее?

И действительно, по карте получалось, что там находились сплошная пустыня и неизвестные горные цепи к югу от той точки, но Омар не доверял карте. Он объяснил, что многие из звезд в таблицах не могли быть замечены с поверхности земли к югу от Александрии.

– Наш Нишапур находится от той линии на севере, – заметил Мей'мун. – Да, и Алеппо, и Балх, и многие другие.

Они решили, что точка, которую они искали, не могла быть в Индии; она должна была располагаться к западу от Нишапура. Омар считал ее расположенной к западу от Алеппо, и это усложнило их поиск, поскольку они не знали многого относительно древних городов на далеком западе.

Однажды вечером, когда они были глубоко погружены в свои изыскания, веселый голос поприветствовал их уже от входа:

– Здоровья двум столпам мудрости. Да пребудут ваши усилия плодотворными!

Омар вскинулся, словно пронзенный стальным клинком, но Мей'мун разглядел только Тутуша, улыбающегося из-под своего лазурного цвета тюрбана.

– Что это за слух ползет по всему базару? – поинтересовался Тутуш. – Весь базар только и судачит, как о великом открытии, сделанном в «Обители звезд»?

Омар отложил перо и встал.

– В дороге я сделал открытие, – сказал он спокойно, – и это – ты, кто посвятит меня в детали.

– Твой раб я, приказывай! – витиевато приветствовал его Тутуш. – Твой друг на многие годы, тебе только спросить обо мне

надо.

– Я и спрашиваю: в какое место ты спрятал серебряный браслет с бирюзой? Да, и слова, которые с ним передали?

Шеф осведомителей быстро все сообразил, он тут же вспомнил браслет, который он бросил подле девочек у фонтана. На момент он прищурился, недоумевая, каким волшебным образом астроном султана сумел все узнать.

– Ах, их – миллионы, этих браслетов с бирюзой! Ходжа любит шутить.

– Был один такой браслет, и передал его тебе шут вместе со словами, и в этой самой комнате. Ты все скрыл от меня, и теперь смерть этой девочки камнем легла на мою душу, камнем, который никогда уже не удастся снять. – Щеки Омара побелели, а его руки сжались на поясе. – Теперь скажи мне, Тутуш, скажи опять, как много есть на свете девушек. Но я любил только одну, и ты это знал. И лгал мне.

Он направлялся к пухлому шефу осведомителей, и неожиданно для себя Тутуш испугался его взгляда, который проникал в душу. Омар читал его мысли и видел его страхи.

– Клянусь тем, кто имеет девяносто девять имен, – закричал он, – я ничего не знаю об этом и я никогда не видел никакой твоей девочки! Эй, кто-нибудь… Мей'мун… скорее… на помощь!

Рука Омара схватила его за горло и трясла так, что Тутуш бился подобно зверю в силках. Пальцы, обретя твердость стального клинка, погружались в мягкую плоть, глаза Тутуша налились кровью, вылезая из орбит. Он слышал голос Мей'муна, зовущего на помощь, а затем, потеряв над собой контроль от животного страха, он выхватил нож из-за пояса и ударил Омара вслепую. Край лезвия рассек ткань и тело до кости. Затем Тутуша схватили за запястье и откинули на пол.

Он вытянулся на полу, судорожно глотая воздух и пытаясь продышаться. Сквозь красный туман он видел Омара, которого старались удержать с полдюжины слуг и ученые. Плащ Палаточника был порван вдоль одного плеча, и темное кровавое пятно растекалось вниз по его груди.

– Между нами кровь, пес, – сказал Омар тем же самым глухим голосом, – но – не эта кровь. Та капает внутри меня по капле каждую секунду. И ее не остановить подобно этой. Уйди, или ты умрешь.

Тутуша проводили, и Джафарак, который слышал рассказ о случившемся от слуг, поведал торговцу Акроеносу той же ночью у Такинских ворот, что Омар был ранен, когда накинулся на начальника шпионов в порыве слепого гнева. Акроенос сильно задумался и после того, как Джафарак ушел, вызвал с базара

посыльного. Он написал два слова на клочке бумаги и отдал письмо посыльному, не запечатав.

– Возьми письмо, – приказал он, – отнеси в Рей. Иди к главе путников и крикни громко во внутреннем дворе, что у тебя послание для Правителя Семи. Когда он выйдет к тебе, отдай ему эту записку.

– Но как, о господин, – возразил раб, – узнаю я, действительно ли это Правитель Семи? Такое странное имя.

– Он сообщит тебе, откуда ты пришел.

– Вах! Какая-то магия!

Раб сгорал от любопытства и развернул бумагу. Там он увидел всего два слова. Совсем обычные слова он увидел и успокоился; тем не менее раб не поленился и нашел муллу, который умел читать, дабы удостовериться, не содержится ли в записке некоего проклятия.

– «Саат шад», – громко прочитал мулла. – «Час настал». Или «время начала наступает». Что страшного ты узрел, чего следовало бы бояться, в этом послании?

После того как ему перевязали плечо, Омар ушел в свою комнату. Исфизари, заглянувший в его дверь, сообщил, что ходжа, кажется, пишет на маленьких клочках бумаги. Часть этих бумажек валяется на полу.

В обсерватории Мей'мун трудился над незаконченными вычислениями. Без Омара он не мог ничего сделать. Карта была неточна, и для него список греческих астрономов ничего ровным счетом не значил. Попытавшись провести некоторые собственные эксперименты, не давшие результата, математик покинул обсерваторию.

Он не возвращался до той самой ночи, пока Исфизари не сказал ему, что лампа в рабочем помещении зажжена, хотя ни один из помощников не поднимался на башню. Поспешив туда, старый астроном обнаружил там Омара, стоявшего на коленях у низкого столика, погрузившегося в изучение рукописи Птолемея.

– Точка, которую мы ищем, расположена к западу от Малой Азии, – поведал он. – Теперь я уверен в этом.

Сердце Мей'муна сжалось.

– Но к западу только море.

Омар кивнул.

– Увы, выходит, наш поиск бесполезен.

– Нет, он близится к завершению. Ибо на земле существовало много городов в древние годы. В море затопило – лишь несколько.

Омар просматривал список астрономов, вычеркивая одно имя

за другим. Наконец его перо сделало паузу.

– Остров Родос, – пробормотал он. – Гиппаркус Родосский установил положение тысячи звезд.

Губы старого математика задвигались беззвучно. По его тонким венам растекалась лихорадка, более горячая, чем жажда скупца или голод исследователя. Они были на грани обнаружения тайны науки, скрытой в течение девяти столетий.

– Да, – вскричал он, – и Птолемей записал ту тысячу и восемьдесят звезд Гиппаркуса в своем «Алмагесте»! Если бы только это было правдой… было бы правдой!

– Я уверен, что это так, – небрежно бросил Омар. – Теперь мы должны проверить эти таблицы для острова Родос, города Родос, в год 134-й до рождества Иисуса из Назарета.

– Позволь каждому из нас сделать это, работая обособленно. – Мей'мун опасался неудачи и все же стремился к своей доле славы от открытия.

Целых три дня они трудились, не тратя много времени на сон. Причем ученый из Багдада лишь изредка отрывал свои утомленные глаза от страниц, лежащих перед ним, в то время как Омар работал стремительно после долгих размышлений. Они и ели мало, лишь поздно вечером и утром, пока Омар не протянул свою здоровую руку и не рассмеялся:

– Хватит. Уже достаточно.

– Нет, еще немного, – возразил Мей'мун. Ему казалось, что он только приступил к решению задачи.

Но когда они сверили свои вычисления, он покраснел и издал странные гортанные звуки.

– Клянусь Каабой, водами Замзама[25], свершилось! Сам Авиценна объявил бы об этом, но он так никогда ни о чем и не подозревал. О ходжа Омар! – Он схватил Палаточника в свои объятия и прижался к нему. – Теперь мы имеем точные таблицы, ходжа Омар. Поскольку сам Птолемей использовал эти таблицы Гиппаркуса Родосского, мы тоже можем использовать их.

Мей'муну захотелось разъяснить важность открытия своим ученикам, испытать снова всю прелесть момента… даже посетить своих коллег по Академии в Нишапуре и посплетничать с ними по поводу этого открытия. Но на это Омар не согласился бы.

– Достопочтенные улемы утверждают, – объяснил он, – будто запрещено измерять время и будто нам помогает злой дух здесь, в «Обители звезд». Как бы они там заговорили, узнай, что мы использовали таблицы неверного грека? Ждите, пока наша работа не будет завершена и представлена султану.

– Истинно, ходжа Омар. Однажды Ханбалайт забрасывал уже горящий факел в башню, выкрикивая проклятия в наш адрес. И

сколько ночей мы оберегали гномон от толпы из мечети, кидающей камни в него, пока вы пребывали в Алеппо. Мы должны поместить печать осмотрительности на уста доверия.

Он не понимал, как Омар смог сразу же приступить к новому делу. Умудренный опытом математик не знал, что, когда мысли Омара отдалялись от таблиц, они устремлялись в далекий край, туда, где, стеная и цепляясь за его руки, умирала девочка.

Существовала страна теней у стремнины реки под палящим солнцем. Время от времени он мысленно забредал туда вместе с Ясми, когда ее глаза светились и она улыбалась, отбрасывая назад водопад своих темных волос. Но чаще оставались только река и боль.

– Он работает так, – однажды обратил внимание коллег Исфизари, – словно боится прерваться. А затем сидит один-одинешенек, со своим вином.

– В нем сокрыта необъяснимая сила, – заметил на это Мей'мун с важностью человека, знающего, о чем говорит, – и это – его путь. Если он не сойдет с ума, он превзойдет творения Птолемея.

Но Джафарак, обладавший горестным сочувствием и чутьем калеки, проводил ночи напролет с Палаточником. Улегшись у ног своего друга, он наблюдал за тенями, отбрасываемыми мерцающим пламенем лампы на стену.

– Когда Алп Арслан, мой господин, покинул этот мир, – рискнул начать рассказ он, – я выплакал океан слез и успокоился. Но вино в том кубке не заставит тебя плакать, о Палаточник.

Омар посмотрел на кубок в руке, сделанный из старинного серебра и инкрустированный лазуритом.

– Когда ты не можешь уснуть, ты можешь напиться. Это лучше, чем метаться, стремясь выяснить то, зачем ты пришел в этот мир и почему ты – это ты.

– Все же вино не приносит ни удовлетворения, ни успокоения.

– Это приносит забвение. Смотри, Джафарак, этот кубок таит в себе тайну алхимии. От одной меры этого зелья появляется тысяча забот. Отпей из него, и ты будешь править на золотом троне, подобно Махмуду, или будешь слышать музыку более приятную, чем та, которая слетала с губ Давида… Скажи мне, смог бы человек, сотворивший этот кубок, бросить его, да так, чтобы тот разбился на мелкие кусочки?

– Нет… Аллах не допустит этого.

– Тогда какая любовь вылепляет человеческое тело и какой гнев уничтожает его?

Омар поднял с пола смятый лист бумаги и бросил его

Джафараку. Шут разгладил листок и, повернув к свету, увидел на нем рубай из четырех строк, написанные на персидском четким почерком астронома.

Этот караван жизни продолжает
свой таинственный путь.
О Саки, принеси кубок мне —
Кубок смеха, пусть пока мимо проходит ночь, —
И не стремись к рассвету, который должен настать.

– Увы, – горестно вздохнул Джафарак. Внезапно его высохшее лицо прояснилось. – Тогда пиши, пиши больше стихов. Они – твои невыплаканные слезы!

Прошел год. Когда астрономы «Обители звезд» сравнили свои результаты снова, Мей'мун и Исфизари остались довольны. Их хронометраж солнечного времени совпал с расчетным временем появления светила, как было определено по водным часам.

В тот миг они приобрели уверенность, что в году 365 дней, а также пять или шесть дополнительных часов, и это было бесконечно лучше, чем по мусульманскому лунному календарю, который имел 354 дня в году. Астрономы Древнего Египта, как они знали, изобрели календарь из двенадцати месяцев по тридцать дней в каждом с дополнительными пятью днями отдыха в конце года – всего 365 дней.

– Еще по четверти дня мы должны добавить к каждому году, – предложил Исфизари. – А если мы добавим целый день, но каждый четвертый год?

Но Омар и Мей'мун напомнили ему, что они готовили календарь не на четыре года или сорок лет, а на столетия. И поэтому они потратили на наблюдения еще один год, сравнивая результаты. Новости об их успехах передавались муллам Нишапура. Они читали проповеди против звездочетов, которые в своей работе использовали приборы неверных и якобы разговаривавших с духами мертвых, выходящими из могил кладбища.

На подобные всплески их эмоций Мей'мун реагировал мало, а Омар – и того меньше. Но старый математик знал, что Палаточник поглощен какими-то новыми вычислениями, смысл которых Мей'мун не мог бы даже предположить, если бы не одна вещь. Обнаружив, что Птолемей полностью положился на мудрость Гиппаркуса, Омар также обратился к рукописям ученого из Родоса. Теперь его поглотило изучение нового вопроса.

– Какие-то расчеты, связанные с тенью от затмения, это

ясно. – Мей'мун признался в своей догадке Исфизари. – К тому же он решает проблемы гипербол, которые имеют дело с бесконечными величинами.

– Видно, Аллах милосердный оказывает ему дружескую поддержку, – пошутил Исфизари, который был моложе и смелее Мей'муна. – Мои мозги и обычные-то величины заставляют извиваться.

– Он использует действительный числовой круг[26].

– «Пустоту»?

– Да, круг, вне которого пустота – греческий ноль. Все же это – не все. Он сказал, будто вне действительного числового круга – вне этой пустоты – несметное количество мнимых (отрицательных) чисел.

Исфизари обдумывал сказанное и беспомощно покачивал головой:

– Звучит подобно грезам некоторых греков. Они всегда мечтали о совершенстве и пререкались между собой по поводу того, как этого достичь. И к чему хорошему это привело их в конце? Один из их ходжей, Ар-км[27] – как-то так они называли его, нашел способ переместить Землю, если бы вдруг ему посчастливилось найти хоть какую-нибудь опору вне Земли. И пока он мечтал, его убил обычный воин в сражении. В древние года их самый великий султан, Искандер, захватил большинство государств в Азии. Он строил планы, как расширить свою державу до целого мира; и умер от пьянства. Он был ненамного старше нашего умнейшего Омара. Его властные эмиры разделили империю, борясь между собой. Теперь защитники ислама опрокинули греков. Нет, фантазии греков не принесли им ничего хорошего.

– Ходжа Омар сказал, что мнимые (отрицательные) числа существуют. Когда он берет одно из пустоты, он находит такое же среди действительных чисел на этой стороне числового круга.

– Аллах позаботится, дабы муллы не услышали об этом.

Когда Исфизари остался один на один с молодыми помощниками, он поведал им следующее:

– Доказательство Истины опять напился. Да, он оседлал гиперболу и помчался среди звезд и, выстроив в определенном порядке призраки мнимых чисел, торжественно провел их за собой.

– Что ж, как-то ночью он вышел из дома и посидел среди могил. Он заставил садовника посадить тюльпаны на брошенных могилах.

Год подходил к завершению, последние наблюдения были

записаны, и Омар и Мей'мун принялись за заключительную задачу определения фактического отклонения своего календаря. Они установили, что отклонение в положительную сторону составило 5 часов 48 минут и 45 секунд.

Это было незначительное отклонение, меньше чем четверть дня, хотя Мей'мун позволил себе высказать предположение о семи днях за двадцать девять лет. Омар же предполагал, что оно окажется равным восьми дням в тридцать три года[28].

– Итак, – сказал он, – мы должны добавлять восемь дней каждые тридцать три года.

Вместе они составили календарь, чтобы представить его Низам ал-Мулку, который с нетерпением ожидал результатов их работы. Мей'мун и Исфизари в своих церемониальных облачениях понесли календарь Устроителю Державы в замок Нишапура.

А Низам украсил экземпляр золотом и обтянул алым шелком, расшитым изображением дракона. Этот календарь он уже сам отнес Малик-шаху.

– О владыка Востока и Запада, – произнеся традиционное славословие, визирь приступил к делу, – по твоему повелению твои слуги заново измерили время, обнаружив, что все иные измерения ложны и ошибочны. Перед тобой лежит календарь истинный всего будущего времени, созданный по твоей воле. Вот он перед тобой, передаю его в руки властителя, расчет всех лет, которые отведены Аллахом людям для существования на земле.

Малик-шах с любопытством просмотрел его. Вышитый дракон понравился ему не меньше, чем сам календарь, суть которого он не совсем понял. Но Дракон был его знаком на небесах, и мудрый Омар Хайям мог разгадывать предзнаменования небес так, чтобы его правление продолжало быть удачливым.

– Хорошо! – объявил он. – Выдайте ученым людям, которые трудились в «Обители звезд», парадные мантии и по сундуку золота. А моему астроному – маленький дворец Каср-Качик, в горах.

Низам поклонился и едва слышно, но так, чтобы Малик-шах его услышал, воскликнул:

– Великодушие Сына Дракона! Теперь остается только отдать высочайшее повеление и в вечер перед приближающимся весенним равноденствием прекратить применение старого лунного календаря по всему государству. В этот вечер начнется первый год новой эры – твоей эры, которая станет называться по имени твоему Джалалайской[29].

Вечером назначенного дня следующей весны, когда часы света и тьмы уравновесили друг друга, Малик-шах поднялся в беседку, водруженную на вершине башни крепости, в

сопровождении знати.

На краю огромной равнины красное солнце уходило за горизонт. На плоских крышах домов под ними жители Нишапура расстилали ковры и вывешивали фонари, потому что эта ночь должна была стать одной из праздничных ночей. Звуки гитар[30] и смех женщин доносились из сумрака. Раздавались крики сторожей, хранителей времени, которые ходили по улицам, извещая горожан о приближении первого часа нового дня.

В одежде, расшитой золотом и от этого жесткой, Омар стоял за плечом юного султана, наблюдавшего заход солнца за темную линию земли. Небо было ясно, и только высоко-высоко над солнечным диском плыла гряда облаков, окрашенных заревом в алый цвет.

– Смотрите, – пробормотал бородатый мулла, – как Аллах развесил знамения смерти на небе.

Головы присутствующих повернулись к нему, но Эмир эмиров выкрикнул громким голосом:

– Созерцай, о Повелитель Вселенной, Великий Господин и Завоеватель, – взгляни же, твой день настает.

Последняя часть солнечного круга скрылась из глаз, оставляя испачканное кровью небо, пустоту и землю, темнеющую внизу. Хор голосов хлынул с улиц, во внутреннем дворе дворца застучали барабаны. Омар подошел к парапету и посмотрел вниз. Едва различимые в сумраке ночи, никем не замечаемые, шли водяные часы. Падающие капли отмечали новое время, но разве когда-либо само время менялось? Солнце было таким же в дни Джамшида и Кайхошру.

– Будет ли утро благоприятно, – спросил его на ухо Малик-шах, – для охоты на газель?

Омар подавил улыбку.

– Я разберусь в знамениях, – ответил он, – если ваше величество позволит мне уйти.

Он был счастлив покинуть дворец. Когда Джафарак заглянул к нему поздно ночью, он сидел с зажженной лампой в рабочей комнате в «Обители звезд», хотя все горожане еще веселились на празднике в Нишапуре. Омар так и не снял с себя тяжелую парадную одежду.

– Наш господин, – подметил шут, – желает услышать что-то относительно предзнаменований для охоты.

Омар нетерпеливо поднял голову:

– Как там ветер?

– Ветер умеренный, с юга.

– Тогда передай ему, что я наблюдал… нет, скажи ему просто, пускай охотится где пожелает. Ему нечего бояться.

– Но муллы утверждают, будто знамения смерти читаются в небе.

– Слуги Аллаха! Они пророчат зло, так как возмущены появлением нового календаря. И все же Малик-шах будет столь же далек от несчастий, как и вчера.

– Ты уверен, господин?

– Да, – сказал Омар с осуждением.

Но Джафарак тем не менее все еще колебался.

– Я ухожу. Ну а ты пойдешь ли со мной во дворец, где царствуют смех и песни? Они счастливы там, в своем дворце.

– А я – здесь. – Омар сумрачно посмотрел на него. – О спутник радостей моих, не знаешь разве ты, что не судьба мне вновь узнать услад таких?

Джафарак пробормотал что-то в знак согласия, сомневающийся, но все же полный доверия. В одиночестве и тишине сам он никогда не был способен найти радость. Омар поднялся, не обращая внимания на свою парадную одежду, и направился к ступенькам, ведущим на башню. В темноте они поднялись на крышу и встали около большого бронзового глобуса.

– Посмотри, что видишь ты, Джафарак?

– Звезды. Звезды на ясном небе.

– Они перемещаются?

Склонив голову, шут задумался. По правде говоря, он не мог видеть движение созвездий, но он недаром проживал в «Обители звезд» так долго, чтобы не узнать, что все они поднимаются и зависают на небе, подобно Солнцу и Луне. Он мог даже определить по яркой точке Ориона, что ночь прошла почти наполовину.

– Действительно, они двигаются. Медленно они обходят вокруг нашей Земли, и так каждый день. Я видел это прежде.

– А эта наша Земля, что она такое?

– Круглый шар, господин, похожий на этот глобус. Она – центр всего сущего, как повелел Аллах, и она единственная недвижима. Мей'мун сказал мне это.

Какое-то время Омар выжидал. Внизу у реки шумели крыльями ночные птицы. Мимо тихо пролетела сова, и прохладный ветер освежил их лица.

– Два года я трудился, чтобы познать, – размышлял вслух Омар, – и теперь я познал. Посмотри, Джафарак, снова. Эти бесчисленные световые точки, эти вечно светящиеся звезды не движутся. Задолго до появления людей они были там, в той же дали. Нет, любимый мой дурачина, это Земля, на которой мы стоим, движется. Этот круглый шар сам поворачивается один раз

за день и ночь… Подними голову и посмотри на звезды, такие, какие они есть.

Внезапно Джафарак пригнул свою голову и задрожал:

– Господин, я боюсь.

– Чего здесь можно бояться?

– Ночь переменилась. Ты сказал магические слова. Кажется мне, что и эти башни движутся.

Его дрожь усилилась, и он уцепился за парапет:

– О господин, отрекитесь от своих слов! Или… или мы упадем. Я чувствую движение башни, и мы упадем.

Омар ликующе закричал:

– Нет, мы не упадем! Это Земля поворачивается, но мы будем в безопасности. Мы летим среди тех, других миров, где могут быть иные, более могучие солнца, отдаленные и неизменные. Можешь ты это понять и почувствовать, Джафарак?

– Аллах, защити меня!

Обхватив голову руками, Джафарак рыдал. Теперь он не сомневался, что господин, которого он любил, обезумел.

– Я должен идти, – простонал он. – Я должен сообщить султану о его охоте.

И он сполз в темноту, скользя по ступеням, ослепленный своими страхами.

Часть четвертая

Глава 1

Столб, у которого идут торги, на базарном ряду, где продают рабов. Большой базар Нишапура, седьмой год нового календаря султана Малик-шаха

Зазывала встал и ударил по большому медному тазу.

– Бисмилля, ар-рахман ар-рахим! – завопил он. – Именем Аллаха всемилостивого, двери торгов открыты. Не зевайте, о вы, покупатели!

Покупатели рассаживались тесной толпой: знать, торговцы, богатые землевладельцы, ищущие себе рослых пахарей, и благочестивые ханжи нишапурцы, желавшие приобрести новых служанок. Они пришли сюда, узнав о прибытии очередных караванов с рабами из Сирии, где славный султан Малик-шах одержал новые победы и присоединил новые земли.

Народу было так много, что даллалу пришлось очистить место вокруг каменного столба, чтобы выставить напоказ товар.

– Вглядитесь, о достопочтенные высокообразованные господа, – объявил он, – вот греческий мальчик, приблизительно лет четырнадцати, сильный, с полным ртом зубов, без язв и болячек и любых иных болезней, обученный играть на лютне и уже прошедший обрезание как мусульманин. Кто назовет цену в тридцать динаров?

Он оглядел присутствующих.

– Двадцать пять динаров? Тогда поторопитесь и назовите двадцать, хотя это и меньше, чем цена курдской клячи.

Приподняв руку неподвижно стоящего мальчика, оголенного по пояс, даллал стал медленно поворачивать его, чтобы показать всем светлую чистую кожу. Но огромный поток молодых рабов, недавно хлынувший на рынки, сбил цены. Этих пленников следовало продать быстрее, чтобы освободить место для других, караваны с которыми уже двигались по дороге. Ребра грека выступали под его кожей. Все это время мальчик почти голодал, и ему хотелось лишь одного – поесть.

– Истину говоришь, – закричал дородный перс, – лошадь и вправду стоит больше! Его сила – как вода, он не понимает ни слова, а по возрасту не может служить в евнухах. Плачу одиннадцать динаров.

– Одиннадцать! О аллах, этот неверн… о, этот юный мусульманин благородных кровей и спокойного нрава. Скажите, разве его цена не больше цены за корову? Никто не даст больше

одиннадцати?

– Такой грек, как этот, никогда не сможет носить копье и охранять товар! – закричал другой торговец.

– Двенадцать.

– Двенадцать и два дихрема.

– Ты предлагаешь цену или подаешь милостыню? – вскричал даллал, которому совсем не хоте лось заключать первую же сделку по столь низкой цене.

– Считай, что я занимаюсь благотворительностью, – отвечал дородный перс. – Этих мальчишек в Багдаде на суку[31] продают меньше чем за десять динаров. Я говорю – двенадцать и четыре.

Мальчика купил торговец за тринадцать динаров и три серебряных дирхема. И тогда абиссинка, щиколотки и запястья которой обхватывало множество браслетов, прошептала девушке, сидящей рядом с ней, что их продадут совсем дешево.

– Ай-ай, – запричитала она, – а когда-то сеид давал за меня три сотни золотых!

– О, умудренная опытом, – шепотом ответила ей девушка, – должно быть, то было много лет назад.

– Турки лучше, чем все эти жадины и корыстолюбцы, – продолжала абиссинка. – Ты, Айша, никогда не услышишь здесь, чтобы за тебя предложили хоть сотню.

Девушка крепко обняла колени и задумалась. У нее были хорошие зубы и прекрасное тело, чуточку худощавое с точки зрения персов, предпочитавших иное. Она происходила из арабских черных палаток племени Сафа, кочующих по Хаурану. И ее кожа была не такой светлой, как у персидских женщин, хотя и не столь темной, как у абиссинок. Если бы только торговец оставил ее для закрытых торгов, она могла бы понравиться какому-нибудь молодому знатному господину.

В отличие от опытной абиссинки, Айша еще не смирилась со своей судьбой. Мысль о том, что ее продадут лавочнику, который станет требовать от нее, чтобы она пекла ему хлеб и к тому же дарила ему свои ласки, наполняла ее тихой яростью.

– О Аллах, – почти во весь голос взмолилась девушка, – не допусти такой беды на мою бедную голову!

– Что ты сказала? Ну-ну, тебя продадут за твою цену. Никто не собирает плодов с ивы. – Абиссинка пригладила короткие волосы на лбу и самодовольно ухмыльнулась своему отражению в ручном зеркале.

– Ты только послушай! Те два рябых йеменца проданы какому-то еврею за двадцать динаров. Какие времена… какие времена!

Айшу уже продавали однажды в Багдаде, и неистовое

свободолюбие рожденной в пустыне причиняло ей боль. Из-под края покрывала она пристально изучила лица покупателей и мысленно прокляла этих ублюдков торгашей. Потом застыла, словно окаменев.

Чтобы не задеть толпу, всадник подтянул узду… Этот человек оставался равнодушным к происходящему. На пряжке, прикреплявшей перо к его тюрбану, мерцал большой изумруд. Очевидно, человек этот был знаменит, потому что в толпе люди вытягивали шеи, стремясь получше разглядеть его, а охранник пробормотал, обращаясь к другому, что это звездочет султана по своему обыкновению совершает верховую прогулку.

Айше показалось, всадник служит при дворе и явно облечен властью. Его лицо действительно хранило суровое выражение, глаза по-орлиному сверкали из-под мохнатых бровей; но ему вряд ли перевалило далеко за тридцать. Айша глубоко вздохнула и встала на колени.

– Сядь, женщина, – пробурчал охранник. – Твоя очередь еще не подошла.

Но вместо того чтобы послушаться его, Айша, молниеносно метнувшись, проскочила под его рукой и пробилась через мужчин, окружавших пленников. Со стремительностью вспугнутой газели она подбежала к всаднику и вцепилась руками в его стремя.

– О защитник несчастных, – она задыхалась, – окажи помощь. Я из высокородной палатки шейха… мой отец был вождем племени Сафа… – солгала она, – а теперь, взгляни, о эмир над эмирами, они продают меня вместе с мальчишками и этими грязными женщинами на публичном торге.

Омар заглянул в ее темные глаза, полные страстной мольбы. Он заметил силу в ее тонких молодых плечиках, изгиб точеной шеи. Айша откинула покрывало, и он видел, как шевелились ее губы, когда она обращалась к нему. Про себя она молила Аллаха, чтобы незнакомец понял ее арабский.

Омар понял ее. Больше того… Он пристально вглядывался в эти глаза, которые заставили его снова подумать о Ясми сейчас, спустя десять лет.

Аукционщик, протолкнувшись через толпу, сердито схватил девушку за плечо:

– Укроти свой пыл… назад, на место, ты, пантера! – Он почтительно поприветствовал Омара: – Простите великодушно, ходжа. У этой девушки тот еще нрав!

Айша все еще крепко держалась за его стремя, прижимаясь щекой к его колену.

– Какова ее цена? – спросил Омар. – Впрочем, не важно, я

плачу сотню золотых.

Почуяв хорошую прибыль, даллал повернулся к толпе, оставившей помост и уже сгрудившейся вокруг них.

– О правоверные, сотня динаров предложена за эту несравненную девушку, стройную как кипарис, трепетную как лань, поющую как соловей и отгоняющую прочь тревоги и заботы, переполняющие обеспокоенный ум.

Он поймал взгляд своего помощника в толпе, который ждал, когда подвернется случай сыграть отведенную ему роль.

– Кто предложит больше?

– Сотня и десять! – закричал переодетый помощник.

– Две сотни, – сказал Омар. – Я возьму ее с собой сейчас же, а деньги тебе отдадут в моем доме.

– Хвала Аллаху! – вскричал пораженный аукционист, который не предполагал получить больше семидесяти за такой товар, как эта арабская девчонка. – О правоверные, какая щедрая рука у этого господина, нашего уважаемого мудреца! Какой роскошный вкус! Какая необыкновенная щедрость! Отныне поющая рабыня Айша продана ходже Омару за две сотни, и… – он решил, что внимание толпы, прикованное к Омару, сулит ему немного больше выгоды, которую можно было бы извлечь из ситуации, – ничтожные двадцать динаров, моя комиссия, и из них пять исключительно для рыночной мечети. Какое великодушие! Есть ли у вас носилки, дабы унести эту очаровательную певчую птицу? Может, купите еще африканского евнуха, дабы сторожить ее, совсем за ничтожную сумму?

Но Омар подал следовавшему за ним слуге знак спешиться. Айша со вздохом облегчения взобралась в освобожденное для нее седло. Она боялась, что этот господин пожалеет о своей сделке в самый последний момент. С покорностью она нагнула голову, чтобы Омар мог накинуть на ее лицо чадру. Теперь она принадлежала только ему.

Когда лошади тронулись с места, она кинула через плечо торжествующий взгляд на абиссинскую рабыню, увешанную браслетами.

– Ях бинт, – обратился Омар к ней. – Девочка, неужели ты действительно дочь шейха племени Сафа?

Природная сообразительность заставила ее удержаться от ответа. Она поглядела на Омара, как смотрят собаки в лицо своих хозяев, пытаясь понять, что кроется за его вопросом.

– Нет, не шейха, – смело призналась она. – Я сказала неправду. Но я действительно могу петь.

Омар улыбнулся. И Айша задумалась над тем, каков же ее новый господин, если он желает слышать правдивые слова из уст

красивой женщины.

Глава 2

Сады дворца Каср-Качик, в предгорье, в двух днях пути к востоку от Нишапура

Айша удивилась, когда царский звездочет сразу же не нашел утешения в ее объятиях, придя к ней в первую же ночь. Она поняла, что он пожелал выждать месяц. Так было принято. Часто во время набегов на пустыню воины удовлетворяли свои желания с пленными женщинами прежде, чем кровь, закипавшая во время сражения, успевала охладиться в их венах; но во всех иных случаях они традиционно выжидали, пока пройдет месяц, как положено по обычаям и религиозным правилам. Когда Айшу отослали под охраной в летний дворец ее нового владельца, рабыня не почувствовала, будто ею пренебрегают. Однако она не стала тратить впустую ни минуты, желая удовлетворить свое любопытство во всем, что касалось Омара.

Первое же открытие поразило ее, показавшись почти невероятным. Дворец оказался небольшим, хотя и очаровательным домом, украшенным голубыми плитками. Он размещался в глубине сада, разбитого на склоне горы с видом на серую долину. Айше выделили комнату, выходящую на террасу, служившую крышей нижнего этажа. Уже через некоторое время она поняла, что в доме отсутствуют женщины-рабыни.

– Нет, у хозяина нет жен, – подтвердила старая Зулейка. – Поговаривают, однажды он женился, но жена его умерла от чумы, не успев добраться до дома.

Будучи полноправной хозяйкой на кухне, Зулейка знала все, о чем сплетничали по дому.

– Иногда, – добавила она, – он привозит сюда танцовщиц, но ненадолго. Их присутствие быстро утомляет его, и он отсылает их назад с подарками.

Про себя Айша твердо решила, что ее он не отошлет так быстро, не важно, с подарками или без.

Да и как же иначе? Ведь он купил ее, и теперь он отвечал за нее. И все же Айша не могла строить никаких иллюзий. Судьбы юных рабынь, не сумевших ублажить своих владельцев, не оставляли сомнения. Между тем Каср-Качик показался ей восхитительным.

В саду, между кипарисами, дарящими прохладу, протекал ручей, берущий свое начало в небольшом гроте и заканчивавшийся водоемом, по берегам которого были

расстелены подстилки. Повсюду росли белые розы, они вились даже по высоким глинобитным стенам. В одном углу стояла очаровательная беседка. Там Айше позволялось лежать среди разбросанных подушек, есть пастилу и халву, наблюдая за полетом водяных струй фонтана и крася хной ногти. Айша решила, что было бы совсем неплохо провести всю жизнь в Каср-Качике.

– Это место, – горделиво объясняла ей Зулейка, – лишь одно из многих. Наш господин владеет дворцом в самом Нишапуре и еще одним в Мерве, рядом с большим дворцом султана. У него есть еще Дом науки, который зовется «Обителью звезд». Мудрые люди с длинными бородами работают там, пишут по его указаниям книги.

– Вах! Пишут книги?

– Да, для нашего господина писать книги – столь же обычное дело, как для других – развлекаться с танцовщицами. Та, которую он написал для султана, была посвящена алгебре.

– Чему?

– Алгебре. Это связано с магическими цифрами. Мудрость нашего господина позволяет ему знать обо всем, что когда-либо происходило, и все, что когда-нибудь произойдет по воле Аллаха Всемогущего. Именно поэтому султан не станет ничего делать без совета нашего господина. Выходит, он столь же всемогущ, как и мудрый старец Устроитель Державы. На королевских обедах наш господин сидит выше эмира всех армий, а ведь султан ничего не любит больше, чем свою армию… ну разве еще охоту.

Это Айша понимала легко. Война, набеги и охота считались занятием сильных мужчин, видевших в женщинах только возможность поразвлечься. Еще женщины вынашивали им детей. Чем могущественнее мужчины, тем более красивы и многочисленны их женщины.

– А какие банкеты он дает! – продолжала рассказывать Зулейка, с первого дня почувствовавшая, что Айша никогда не станет претендовать именно на ее положение в доме, поэтому позволявшая себе свободно сплетничать с новой рабыней господина. – В доме муравья и капля росы – уже наводнение, но здесь вино льется потоком, словно для гигантов. Хэй, сколько кувшинов они осушают в саду! Там же жарятся фазаны, куски мяса газели, целые горы риса с шафраном, большие блюда деликатесов, достойных самого султана, и горы дынь, напоминающие по размеру груженого верблюда, охлажденные на снегу, доставленные с горных вершин! Они едят и говорят и сидят там, пока звезды не исчезают с небосклона.

– Вах! По твоим рассказам, они вкушают пищу столь

ароматную, сколь сады в Неджде. Но о чем же они говорят, если сюда не приглашают ни одной девушки?

– О, об кос…реаграфии, о при…змах и тому подобном. Моя душа, они используют столь могущественные слова, и правду скажу, мой мозг не в силах понять и запомнить их.

Айша подумала, что любые мозги вздуются волдырями, если попытаются разобраться в подобном. Ей никак не удавалось достичь даже Зулейкиного понимания всех этих тайных премудростей.

По правде говоря, она чувствовала различие между собой и этими персами. Все они, от полуслепого стражника у ворот до горбуна, который приезжал и уезжал на белом осле, жили благодаря милости их господина. Они говорили больше, нежели спали, и они спали больше, нежели работали. Никто в этом доме не понукал ими с кнутом в руках и не следил за тем, как они работают.

В саду работало двадцать человек, от самого главного садовника до самого последнего подметальщика. И все же они редко чем были заняты. Больше сидели и обсуждали, как идут дела в саду и как складывается их собственная жизнь. Со своей террасы на крыше «пантера», так назвал ее слуга, который сопровождал ее с торгов и привез это прозвище вместе с ней в дом, могла слушать их разговоры.

– О, Али, недавний дождь обнажил камни на клумбе с лилиями. Пора бы вскопать клумбу…

– Разве ты не знаешь, Хусаин, что это надо делать тогда, когда луна находится перед равноденствием? Кроме того, это – работа Ахмеда, а по воле Аллаха он лежит больной…

– Господин станет сердиться, если клумба останется необработанной…

– Это правда. Хорошо, я потороплюсь и уберу камни и листья и все глубоко вскопаю… завтра.

Но наступало завтра, и Али ждал, пока появится сын Ахмеда, чтобы починить мотыгу, сломанную еще прошлой осенью.

– О, Хусаин, надо бы засыпать гравием ямы, появившиеся на дорожке, ведущей к помосту. Наш хозяин может споткнуться, и тогда случится беда… да не допустит этого Аллах…

– Как же я могу заняться этим, когда я подрезаю плетни у вьющихся роз?

Надо сказать, Хусаин на самом деле вовсе и не подрезал розы. Он всего лишь срезал несколько роз, которые отнес дочери мельника из деревни. Но он искренне собирался заняться этим. Он и правда хотел подрезать, привести в порядок и подвязать все цветущие розовые плети, и он непременно приступил бы к этой

работе, но только завтра.

Если же садовники хоть немного работали с утра, уже в полдень они спали в тени кипарисов и всю дневную жару проводили там, в то время как мухи жужжали над оставленными на солнце садовыми инструментами. Но и проснувшись, они чувствовали себя слишком разморенными, да и солнце еще слишком уж жгло, чтобы возобновлять прерванную работу, которую, впрочем, они спокойно оставляли на привычное для них «завтра».

И все же, несмотря на подобную «работу», сад стоял весь наполненный ароматом роз, и под пологом, образованным его листвой, царила благословенная тень. Айша любила дремать в саду, ожидая там прибытия Омара.

Но когда ее новый хозяин наконец въехал в ворота и стражник, стоявший у ворот, надел свою лучшую одежду, все садовники, даже Ахмед, жаловавшийся на болезнь, стремительно схватились за садовые инструменты, изображая, что только что прервали свой прилежный и тяжелый труд. И на кухне у Зулейки закипела работа: все пыхтело, варилось, кипело и булькало, словно в аду. Айше больше не удавалось выходить в сад. Омар прибыл в сопровождении полудюжины гостей, и дни шли за днями, а хозяин Каср-Качика только и делал, что развлекал своих гостей. Кто-то из них уезжал, но им на смену приезжали все новые гости, и Айше волей-неволей приходилось коротать день за днем в своих комнатах и на крыше, надевая свой самый тяжелый чаршаф, и гадать, не забыл ли вообще Омар об ее существовании.

Она не могла заговорить с ним, тем более что в доме были другие мужчины. Она вообще не могла покинуть отведенную ей женскую половину. И в конце концов, она была всего лишь только недавно купленной рабыней и не посмела бы послать ему записку через Зулейку. Он, должно быть, видел ее издалека, когда она сидела на крыше, и, возможно, он уже пожалел, что купил ее, и, видимо, собирался продать ее снова.

Айша обдумывала происходящее долгими часами, но омывала свое тело и смазывала его маслами и благовониями и тщательно красила ногти. Она испытывала некоторую робость перед Омаром, но ей не хотелось снова быть выставленной на продажу, и она твердо настроилась, что, если ей представится случай показаться ему с открытым лицом хотя бы на одно мгновение, он уже не станет больше пренебрегать ею.

Ну а пока ей оставалось только подслушивать все разговоры в саду под террасой, ведь то была единственная привилегия женщины начиная с того дня, когда Аллах наградил Еву разумом.

Мужчины приступали к празднеству в часы, когда уже

зажигались лампы, и тогда девушка вся превращалась в слух, а надо сказать, что Айша обладала тончайшим слухом и ловила каждое сказанное слово, пытаясь определить, что собой представляют гости ее хозяина.

Среди них был один седовласый купец-армянин, по имени Акроенос, который ей сразу понравился. С Омаром он беседовал отдельно о бирюзе, добывавшейся на шахтах, о караванах, груженных слоновьими бивнями, и прибылях, исчисляемых тысячами динаров. Айша прекрасно разбиралась в услышанном; она поняла, что Акроенос выполнял для Омара деловые операции и что Омар обладал большим богатством. Деньги, уплаченные им за нее, оказались для него не больше тех, которые он подал бы нищему. Тем лучше…

А вот какой-то поэт с намазанными маслом волосами, по имени Му'иззи Прославитель, ей не понравился. Он воздавал хвалу Омару без всякой меры, утверждая, что царский астроном достиг тройного совершенства, в науке, называемой математикой, в изучении звезд, а кроме того, как он, Му'иззи слышал, в искусстве сочинения музыки. А разве каждое дитя ислама не изучало книг Омара, приходя в школу? Но Айша про себя отметила, что слова, как бы сладко они ни звучали, стоили слишком мало.

Однажды Му'иззи торжественно прочитал оду собственного сочинения:

> Воплощение красоты, чье возлюбленное
> присутствие рядом со мной здесь…
> И если твои темнеющие локоны
> не согрешили против твоего лица,
> Почему же ниспадают вниз,
> впавшие в немилость твоей головы?
> Все же если грех попутал их,
> то почему же они остаются жить в небесах,
> Ведь доля грешника – не рай, но ад?[32]

Эти строки показались Айше довольно благозвучными. Когда Му'иззи с тревогой спросил мнение Омара, хозяин Каср-Качика ответил:

– Теперь я вижу, почему ты – дворцовый поэт.

Той ночью Му'иззи слишком много пил и обсуждал с суфием, следовало ли ему употребить в своей оде слово «вьющиеся» вместо «темнеющие». Речь суфия изобиловала странными словами наподобие «бытие» и «небытие», «вселенская любовь». Айша мало обращала внимания на него, но напрягла слух, когда

Му'иззи закричал, что он расскажет всем о тайне, сопровождавшей прием в его собственном доме.

– То была шутка, о мои собратья по вину, и какая шутка! В мой дом и мой бедный сад, всего лишь жалкую тень этого украшенного луной рая, я собрал молодую знать, вернувшуюся с игры в поло. Когда мы немного поели и выпили, но совсем не такое возвеличивающее дух вино, как мы пьем здесь, я хлопнул в ладоши, чтобы привели танцовщиц. Но то были вовсе не девушки-танцовщицы. Я нанял юных мальчиков, прекрасных, как молодая луна, и нарядил их в одежды танцовщиц. Даже на ногах позванивали браслеты, а головы их были накрыты покрывалами. И вот они станцевали, а затем убежали, я же шепотом предложил своим гостям поймать их, если сумеют. Все они исчезли в темноте, я же остался, ожидая, когда же мои гости прибегут обратно, обсуждая шутку, которую я сыграл с ними. Но верите ли, никто не вернулся. Целый час прошел, прежде чем появился один из них.

И Му'иззи засмеялся, откинув назад голову. Айша смотрела на Омара, который не проявлял ни признаков неудовольствия, ни того, что рассказ пришелся ему по душе.

Арабская девушка закипела негодованием. Так много мусульман забавлялись с мальчиками и теряли всякий интерес к женщинам. Она вспомнила, как нашла пустынной женскую половину Каср-Качика, да и Зулейка уверяла ее, будто ее господина быстро утомляли поющие девушки из города. Хотя в доме не видно было и следов безбородых юнцов, тем не менее Айша воспылала ненавистью к Му'иззи и стала проклинать придворного поэта.

Среди гостей присутствовал индус, тихий и молчаливый как тень, который шептал своему собеседнику, будто тайное знание досталось Омару из прошлой жизни души его, о чем сам звездочет даже и не подозревает.

Для Айши это ничего не значило, она лишь смутно догадывалась, что этот индус по духу и верованиям близок с юношей с бесстрашными глазами, который пришел во дворец в одной лишь арабской накидке из верблюжьей шерсти и босиком. Они звали его Газали, мистиком.

Когда Газали говорил с Омаром, они вдвоем прохаживались по саду, и девушке с трудом удавалось хоть что-то расслышать. Но и в услышанном она едва улавливала смысл. До нее доносились обрывки странных речей о покрове Незримого, который люди не в состоянии снять.

– Если бы мы могли видеть небеса таковыми, – говорил Омар, – как они есть на самом деле, пред нами предстала бы

обновленная Вселенная. Ах, мы бы покончили со старым и удовлетворили бы глубоко запрятанную в сердцах жажду нового.

– Но покров не может быть поднят, – отвечал Газали, – пока мы не достигнем совершенства в нашей любви ко Всевышнему…

Однажды, когда Омар поднес кубок с вином к своим губам, мистик вскричал:

– Вино – это проклятие!

Омар выпил, поставил пустой кубок и с легкой улыбкой промолвил:

– Не поноси вино. Его горький привкус напоминает мне о моей судьбе.

Его судьбе! Айша, уже ревновавшая Омара к Газали, ждала продолжения. Но дальше эти двое лишь продолжили разговор, в котором Газали пытался объяснить, что, несмотря на существование в мире множества религий, на самом деле существует лишь один бог.

– Даже сам ислам – разделенный дом, поскольку и среди нас есть ортодоксальные правоверные, и суфии, восстающие против ортодоксального, и последователи Али, а также те, кто ждет прибытия нового пророка Махди. Все они верят, все правоверные, но все же все они следуют различными дорожками. Вот вам история про слона… В Индии случилось так, что хранители слона пожелали показать его любопытным. Но сделать это решили в темном месте. Жаждущие прибыли, но увидеть ничего не смогли и стали щупать слона, чтобы понять, какой же он. Один положил руку на хобот и сказал: «Это существо подобно водяной трубе». Другой, ощупывавший ухо, сказал: «Истинно, он похож на опахало». Третий же наткнулся на ногу слона: «Нет, вне сомнения, он как столб». Но стоило хотя бы одному из них принести свечу в это место, и все увидели бы одно и то же.

– Но где же, – спросил Омар, – ты найдешь свечу, дабы осветить мир?

– В видениях мистиков! – вскричал Газали. – Ибо они способны узреть то, что спрятано под таинственным покровом.

– Но кто они? – Омар покачал головой. – Я искал их, но где же они? Они и шагу не ступят в темноту Вселенной, никогда не покидая своего прибежища. Они рассказали старую сказочку и снова отправились почивать на своих ложах.

Несмотря на неприязнь, возникшую у нее к Газали, Айша все же испытывала к нему чувство благодарности. После того как мистик отправился дальше в свои странствия, Омару наскучили и Му'иззи, и другие пирующие. Он подвел к ним белого осла Джафарака, и когда наконец все гости затихли, помрачневший Омар совершенно серьезно заверил их, будто осел предлагал всем

собравшимся внять его предупреждению и учесть его горький опыт: в прежней жизни осел якобы был профессором Академии.

После этого все гости разъехались, и Омар пошел погулять в сад, освещенный светом звезд. Тогда-то Айша наконец осмелилась приблизиться к своему хозяину. Она встала около него на колени и прижалась лбом к его руке:

– Мир тебе, мой господин.

– Мир тебе.

– Мой господин, я наблюдала и увидела, что кто-то шпионит за тобой, ползая повсюду, подобно змее. Он прятался прямо здесь, за розами, и снова уполз. Я видела его лицо.

– То был Ахмет, садовник?

– Да, Ахмет. Накажи его!

Для девушки, вскормленной молоком среди пустынных кочевников, шпион был врагом, которого следовало уничтожить, как ядовитую змею.

Омар задумался.

– Нет, пусть он идет к тем, кто послал его сюда, и расскажет им о моей шутке с белым ослом. Если я накажу его и выгоню вон, они пришлют сюда другого шпиона, более опасного, нежели Ахмет.

Айша недоумевала. Выходит, ее господин знал, что Ахмет шпионит за ним. И точно так же, когда Омар впервые увидел ее на торгах, он сразу понял, что она не приходилась дочерью арабскому вождю. Он прочел ее мысли и сейчас, когда она встала подле него на колени, и он погладил ее локоны.

Но Омар в тот момент думал о своем:

– Все они твердят о рае, но разве рай – это не минуты мирного покоя?

Айша не поняла и хранила молчание.

– Вот сад, наполненный тишиной и покоем. И все же даже сюда подсылаются шпионы и вторгаются соглядатаи и бесконечные осведомители… Скажи, Айша, мои слуги добры к тебе?

– О да. А ты скажи, мой господин… может, тебе хотелось бы насладиться звуками моей лютни? Я могла бы спеть для тебя.

– Уже поздно… Не пройдет и часа, как станет светать. Иди к себе и поспи, Айша.

Девушка послушно вернулась на свою половину, но в душе ей стало обидно. Со всеми этими бесконечными разговорами и пиршествами с гостями когда же ее господин обратит на нее внимание? Он погладил ее по голове, словно она была одной из лошадей в его конюшне, и как ребенка отослал спать.

Омар сидел у водоема, погруженный в размышления. Газали

был сейчас не старше, чем он, когда они с Рахимом отправились на войну, а Ясми подарила ему розу. Газали переполняла необъяснимая уверенность, присущая юности. Почему закрывается книга юности? Ведь ему, Омару, едва стукнуло тридцать четыре, но он чувствовал, как юность оставила его. Кто знает, как или каким образом? Но книга закрыта, и новая книга открылась перед ним. Жизнь, такая понятная и определенная для Газали, потеряла ориентиры для Омара. Перед аскетом она лежала как незаполненная карта, на которой еще предстояло обозначить дороги. Астроному же она уже ставила барьер за барьером.

– Из него выйдет прекрасный учитель, – подумал он. – А я не могу преподавать.

Поддавшись какому-то порыву, он хлопнул в ладоши. Появился слуга, бежавший к нему от самого дома, и почтительно остановился поодаль от своего господина.

– Принеси мне, – потребовал Омар, – мою шкатулку с камеями и старинными монетами. Она там, в голубой комнате, рядом с китайскими коврами… – он в первый раз взглянул на лицо слуги и, узнав, назвал по имени: – Ахмет.

Когда шкатулка легла на его колени, он отпер ее ключом, который достал из пояса. Он предпочитал держать шкатулку запертой. Он прекрасно знал, что никто из слуг никогда не осмелился бы украсть саму шкатулку, но и Зулейка, и другие служанки подверглись бы соблазну стащить из нее золотые монеты, если бы он оставил ее открытой. Их пальцы ни за что не сумели бы сопротивляться притягательной силе золота. Хотя потом, если хозяин попытается изобличить их в воровстве, они выплачут все глаза.

– Есть еще приказания, о мой господин?

– Никаких… Иди, Ахмет.

Он вынимал по очереди редкие монеты и несколько мгновений внимательно изучал их. Вот византийская монета, с изображением императора и его жены под крестом. Омар мог разобрать греческие буквы. На монете изображался Юстиниан на шестом году своего царствования, но имени его жены на монете не значилось. А вот глиняный оттиск с выдолбленным углублением в форме летящей птицы, которую Омар поднял в руинах города Пальмиры, расположенного в пустыне. Там не так уж давно Зинобия бросила вызов Риму. Какие истории человеческих амбиций должны были бы рассказать эти символы!

Юстиниан восстановил многое из былой мощи Рима, но он умер на бесплодных походах в Азию. Зинобия, как помнил Омар, эта королева караванной империи, была вынуждена уступить

наконец римской армии, и ее взяли в плен, дабы украсить ее красотой триумф Рима.

Казалось странным держать в руках эти монеты с вырезанными на них четкими линиями профиля давно захороненных римских цезарей. Только на днях Низам объявил, что самый последний цезарь Константинополя выслал дань Малик-шаху. Выходит, колесо фортуны повернулось, и запад позволил прорвать цепи своей обороны перед торжествующим маршем ислама…

Газали думал, будто он, Омар, пребывал в праздности. И все же все эти семнадцать лет он не прекращал работать за троих, да и теперь Низам выдвигал перед ним все большие требования…

Хорошо бы, кто-то другой, а не Ахмет принес ему эту шкатулку с монетами. Безразличное лицо Ахмета напомнило Омару о постоянном наблюдении за собой, от которого он не мог избавиться, так как его вели и люди Низама, и люди врагов Низама. Если бы он избавил себя от одних наблюдателей, то где-то рядом по-прежнему оставались бы другие. В конце концов, Омар не имел ничего такого, чтобы что-то скрывать. И все же они могли бы оставить ему хотя бы его розовый сад, где он мог предаваться безмятежному одиночеству.

Тут появился другой слуга и пробормотал свою просьбу.

– Нет, я не стану читать никаких писем! Я не стану выслушивать никаких сообщений. И я не желаю, чтобы ужин приносили мне в сад. Уходи с миром, Исхак, и проследи, чтобы никто не входил в этот сад. Забирай эту проклятую шкатулку и иди!

– Но…

– Даже если и шакал проникнет за пределы этой стены, я переломаю тебе ноги.

Стражник принял из рук хозяина шкатулку с монетами, но продолжал стоять, тревожно переминаясь с ноги на ногу.

– Но, господин, там…

– О Аллах! – вскричал Омар столь неистово, что слуга убежал.

Солнце село, и сквозь кроны деревьев поползли сумерки. Последнее дыхание ветерка пошевелило поверхность водоема и стихло… Газали, бредущий один вниз по тропинке с холма к городу, нашел свое счастье в одиночестве. Омара же мучил вопрос, неужели этот мистик менее одинок, чем он, астроном султана, работающий среди людей. Газали делился своими мыслями с дружески настроенными к нему учениками; Омару даже этого было не дано.

Из глубины сумерек послышались слабые звуки лютни и

женский голос, поющий песню. Песня о мужчинах, бредущих с войны по дороге в пустыне и набредших на колодец, о том, как их верблюды, нагруженные добычей, становятся на колени перед верблюжьей колючкой, а пленники воинов жалобно и горестно стенают. То была арабская песня, и теперь Омар понял, что она звучит где-то рядом и кто-то нежными движениями перебирает струны.

– Что это? – возвысил он голос.

Из полумрака появилась Айша. Она двигалась с грациозностью лани, сняв с головы чаршаф. Опустившись на колени подле него, она снова склонилась над лютней.

– Это песня рода Софа, – ответила она. – Но это еще не все… она намного… намного длиннее. Мой господин будет меня слушать?

– Я вовсе не об этом. Я спрашиваю, почему ты здесь, Айша? Я ведь отдал четкое распоряжение.

– Но я уже прошла в сад, когда мой господин приказал никого сюда не пускать.

– Хорошо, но сиди тихо.

Айша с покорностью отложила в сторону лютню и подогнула под себя ноги. Казалось, ее вполне устраивало молча сидеть. Однако ее невозможно было заставить замереть. Сначала она откинула за плечи копну темных волос, от которых исходил слабый запах мускуса. Спустя какое-то время она подняла лицо вверх, словно рассматривая звезды. После этого она начала снимать со своих обнаженных рук серебряные браслеты. Всякий раз, когда она делала хоть какое-нибудь движение, она мельком украдкой поглядывала на Омара.

Омар никак не мог восстановить нить своих размышлений. Вместо этого он следил за движениями изящных рук Айши, которая складывала на коленях пирамидку из своих браслетов. Пирамидка оказалась слишком высокой и рассыпалась с серебряным звоном. Девушка испуганно затаила дыхание, словно набедокуривший ребенок. Ее плечо коснулось его губ, и он почувствовал тепло ее кожи под тонкой шелковой тканью. Уже стемнело, и трудно было разглядеть что-нибудь в темноте.

Айша снова занялась своими волосами, и, когда подняла руки к голове, до Омара донесся слабый аромат, который источало ее тело. И хотя девушка так и не произнесла ни слова, она стала частью ночи, окружившей Омара, укрывшей его своим покрывалом от всего, что происходило вокруг. Всего несколько мгновений назад его слова, его мысли имели для него такое большое значение, а теперь они потеряли всякую важность.

Существовали лишь эти едва заметные движения девушки.

Омар коснулся рукой ее колена, и легкая дрожь пробежала по его телу. Не опуская рук, Айша повернулась к нему с улыбкой, чуть тронувшей губы. Он наклонился, чтобы поцеловать девушку, но внезапно она убежала от него.

– Айша! – прошептал он.

Но безмолвная девушка волшебным образом переменилась. Она не была больше покорной рабыней, опасающейся малейшего неудовольствия своего господина. Теперь она принадлежала ночи, став призрачной, неуловимой и непокорной. Когда он последовал за нею, она повернулась и побежала назад, в глубину парка, где росли платаны, сквозь листву которых тускло мерцали звезды.

Случайно его рука поймала ее плечо, затем соскользнула, и пальцы коснулись мягкой груди девушки. Айша высвободилась и исчезла, ее босые ноги бесшумно ступали по земле. Пока они бегали в ночи, желание поцеловать девушку отступило; Омар увлекся погоней, все тело напряглось, кровь стремительно струилась в его жилах.

Потеряв ее, он остановился, тщетно прислушиваясь. В ушах стучало. Неожиданно где-то близко раздался ее тихий смех. Он рванулся на звук, но наткнулся лишь на ствол дерева. Снова Айша дразнила его смехом, и на сей раз он направился к ней медленно, стараясь не шуметь. Она уже приготовилась убежать, когда он стремительно обхватил ее руками.

Мгновение девушка еще билась в его объятиях, но он оказался сильнее и сумел отыскать ее губы. Айша затихла в его руках, их жаркие губы слились в поцелуе. Распущенные волосы девушки ласково щекотали его шею.

Когда Омар взял ее на руки и положил на землю, она не сопротивлялась. Ее руки обхватили его, и она замерла, затаив дыхание, всхлипывая от переполнявшего ее огня.

Спустя полчаса они молча лежали, обмякшие и довольные, но Омар все так же чувствовал частое биение ее сердца. Танцовщицы, которых он знал, никогда не лежали рядом с ним так, в полуобморочном состоянии. Эта дикая арабская девушка по-своему любила его.

Ну а Айша? Что чувствовала Айша? В ту волшебную ночь она переменилась. Внезапно девушка ожила и повернулась к нему. Как маленький ребенок, она стала отбивать такт руками и тихонько запела.

Она рассмеялась, глядя на свое порванное платье, и, взяв его за руку, потянула в сторону водоема, приглашая поплавать вместе.

В свете звезд Омар мог различить очертания ее стройной

фигуры, глядя, как она обматывает свои тяжелые густые волосы вокруг головы. Когда Айша вступила в теплый водоем, она с веселым ликованием плеснула в него из пригоршни. Темные воды водоема словно вдруг ожили и наполнились жизнью, когда Айша нырнула в него. Ночь, и вода, и аромат нагретых солнцем роз – все это принадлежало ей.

– О, как хорошо, – тихо прошептала она, – о аллах, как хорошо быть вместе с моим господином.

Но когда они высушили себя и надели одежду, Айша снова переменилась. Она тревожно вскрикнула и присела, напряженно прислушиваясь.

– Какие-то люди идут сюда, – прошептала Айша спустя мгновение. Омар ничего не слышал. – Вон там, взгляни! Ай, они обнажили свои мечи.

Взглянув туда, куда указала девушка, Омар заметил сквозь листву свет факела, который отражался на яркой стали, и слышно стало треск кустарников, по мере того как люди с факелами приближались к ним.

– Ты совсем не вооружен! – вскрикнула девушка. – Быстрее беги к дому и разбуди стражников!

Омар, однако, не испугался этого ночного нападения. Он выждал, пока мужчины не вышли на открытое пространство, и узнал в них Исхака, своего стражника, стоявшего на воротах, и четырех своих охранников. Все еще полная опасений, Айша накинула покрывало и ускользнула в розовые кусты.

Исхак продолжал двигаться к водоему, пока не увидел Омара, и облегченно воскликнул:

– Ойа, ходжа! Мы услышали, как кто-то двигается среди деревьев. Мы подумали, что воры окружили тебя, мой господин. А потом чье-то тело сбросили в воду, и я сказал этим невежам: «Скорее, мы должны быть там. Аллах не допустит, чтобы нашего господина убили!»

Омар вспыхнул от гнева:

– Выходит, стоит мне уединиться в саду с женщиной, как все слуги и домочадцы должны принять в этом деятельное участие, слетевшись, словно пчелы на мед?

Выхватив кривую саблю у ближайшего стражника, Омар стал плашмя бить ею Исхака по плечу до тех пор, пока у того не хлынула кровь. Громко стеная, Исхак покорно подставлял свое тело под удары. Он понимал, что вторгся туда, где была женщина господина, и полностью заслужил наказание. Слуга радовался наказанию, которому подвергался сейчас. Это означало, что господин простит его и не подвергнет более жестокой каре, не прикажет срывать ему кожу со ступней. Другие слуги, тайком

пряча в ножны свое оружие, также были довольны. Ведь, выместив свой гнев на Исхаке, их господин мог забыть о других. Однако и Исхак, и все остальные не сомневались в правильности своего решения отправиться в сад выручать из беды господина.

Уже через минуту Омар опустил руку и расхохотался:

– Идите теперь, о вы, безголовые олухи. Но помните, впредь этот сад – харам – запретный для всех вас, мужчин.

– Клянусь головой, – ответствовал Исхак, вытирая кровь с губ. – Но как же, о господин, как же быть с садовниками, с Хусаином, Али и Ахметом…

– Пускай они бьют мух в конюшне. Все равно в саду от них мало толку.

Когда охранники поспешно ушли, из укромного уголка сада появилась смеющаяся Айша:

– Как хорошо, что твои слуги большие лентяи. Было бы намного хуже, появись они здесь чуть раньше.

На несколько недель Омар совершенно забыл о своих записях и переписке. Он ни о чем не думал теперь, кроме Айши. Отныне она могла свободно гулять по саду с открытым лицом, и каждый вечер девушка придумывала нечто совершенно новое, чтобы доставить ему удовольствие.

Омар даже не пытался делиться с ней своими мыслями, но именно это странным образом еще крепче привязывало его к Айше. Она как-то сразу поняла, что Палаточник стремился убежать от своих собственных размышлений. В некоторых вещах она оказалась намного мудрее и опытнее своего хозяина, и ее основная мудрость состояла в умении хранить молчание и ни о чем не заговаривать.

В ее отношении к нему сквозило материнское начало. Но было в ней и нечто необузданное, горячее, неистовое. Домочадцам Омара очень скоро стало ясно, что эта арабская девушка стала любимицей их господина.

Даже поднос с едой для него Айша сама шла готовить на кухню. Только однажды Зулейка попыталась отстоять свое право на эту почетную обязанность.

– С тебя достаточно того, – спокойно отвечала Айша на притязания кухарки, – что ты подкармливаешь с господской кухни весь свой выводок… и всю свою родню. Даже твои двоюродные сестрицы выходят из кладовой с кусками мяса, спрятанными под полой, да, и этот рябой любовник твоей старшей дочери питается на кухне. А дочь твою давно бы следовало выдать замуж, чтобы она не слонялась вдоль дороги. Отныне только я буду заботиться о пище моего господина и постараюсь забыть обо всем этом.

С тех пор Зулейка отводила душу, бормоча про себя что-то о невыносимом характере рожденной среди песков пустыни бродяжки.

Именно эта непохожесть девушки на всех, кого знал Омар, и ее отстраненность от них больше всего пришлись ему по душе. Только в его присутствии Айша оживала и становилась сама собой. Но хотя он знал уже каждую жилку на ее тонкой шее и каждый изгиб ее стройного тела, он никогда не знал, о чем думает эта девушка. Лежа подле него, даже тогда, когда их дыхание сливалось в одно, все равно она, полуприкрыв глаза, казалось, вслушивалась в какие-то далекие звуки, которые ему не дано было слышать.

Она постоянно удивляла его. Как-то она спокойно поинтересовалась, хотел бы он, чтобы ее комнаты охранял евнух.

– Конечно нет, – ответил он.

– А как же тот, который сейчас сидит в коридоре?

Айше немного льстило признание важности ее персоны, подчеркнутое присутствием стражника-евнуха. Она знала, что так было принято в знатных мусульманских домах. Однако она испытывала некоторую неловкость, когда ее повсюду в течение всего дня сопровождал евнух.

Выйдя во внешний коридор, Омар заметил там незнакомого человека, сидящего около стены напротив двери. Худой чернокожий человек в красном халате встал при его приближении и сложил руки в почтительном приветствии.

– Кто ты?

– С вашего разрешения, о Защитник Бедняков, мое имя Замбал-ага, и это Исхак прислал меня служить в этом доме.

Высокий голос и тусклые глаза убедили Омара в том, о чем Айша догадалась с первого взгляда.

– Иди за мной, – сказал Омар.

В воротах он позвал Исхака, голова которого все еще была перевязана.

– Когда это я приказывал тебе нанимать евнуха для половины ханумы?

Исхак укоризненно взглянул на своего господина:

– Но я же знал, что внимание моего господина занято иным, вот я и взял на себя труд предугадать твою волю, господин, и привел сюда этого человека.

– Что ж, хорошо, теперь тем же путем отошли его назад.

– Но… господин, сад большой, и он не весь может просматриваться из дома.

– Отошли его.

Одна мысль о том, как Замбал-ага начнет охранять сад,

вызывала у Омара неприязненное чувство. Кроме того, Айша никогда не росла среди евнухов, и он не испытывал никакого желания приставлять к ней шпиона.

Исхак почувствовал себя оскорбленным и, решив восстановить свою значимость в глазах Замбал-аги, переменил тему:

– Сегодня уже пошел двадцатый день, с тех пор как письмо от достопочтенного Низам ал-Мулка ждет ответа, хотя я и говорил тебе, о господин, о его срочности. Гонец очень спешил доставить его. Я не спускаю с него глаз, ведь Низам ал-Мулк пишет только по очень важным делам. Принести его сейчас?

Омар совсем забыл об этом письме. Вскрыв письмо, он стал читать его, прикусив губу.

«Бисмилля, ар рахман ир рахим, – начиналось письмо. – Во имя Аллаха всемилостивейшего и милосердного, сейчас же и без всякого промедления отпиши Малик-шаху, уверяя его, что положение звезд на небе неблагоприятно для его возвращения в Нишапур. Я настоятельно желаю, дабы он продолжил войну на землях к северу от Самарканда. Я получил донесение из его лагеря, что он подумывает о возвращении в Хорасан и роспуске половины своего войска вплоть до весны».

Омар снова перечитал письмо с начала до конца, затем разорвал его на кусочки. Слишком рискованно было облекать подобные слова в строчки письма, Низам знал это, как никто другой. К тому же астроном и без того делал больше ложных предсказаний по указке Низама, чем ему хотелось бы.

И если Великий визирь пекся лишь об интересах государства, все же Малик-шах оставался султаном. Султан провел большую часть последних лет в воинском седле. И если он желал мира этой зимой, почему же следовало препятствовать этому его желанию? Если бы сейчас Омар находился в Нишапуре, он, возможно, рассудил бы иначе.

Но здесь, в этом саду, где он имел возможность вести беседы с Газали, где он познал вкус счастья с Айшой, и… Приказав Исхаку принести ему бумагу и сургуч, он написал в ответ Низаму только одно слово: «Нет». И поставил под ним свою подпись – «Хайям». Свернув бумагу, он запечатал ее своей печатью.

– Пошли это с нарочным к достопочтенному Великому визирю, в Нишапур.

– Сейчас, – подал голос Замбал-ага, – Великий визирь в Рее, занят подавлением религиозного восстания.

Рей находился далеко к западу от Нишапура, больше недели пути верхом на большом скаку.

– Выясни, где он находится, и направь письмо к нему.

– Будет исполнено. – Исхак с любопытством повертел послание в своих скрюченных руках. – И все же – это до странности короткое письмо, о мой господин, и…

– Дабы удовлетворить твое любопытство, скажу: там всего одно слово, и слово это – «нет». А ниже стоит моя подпись – «Хайям». Не посылай Ахмета, – задумавшись, добавил Омар, уже машинально.

Направляясь к дому, он остановился подле костра, разведенного у дороги. Этот небольшой костер поддерживали три главных садовника – Хусаин, Али и Ахмет, на корточках примостившиеся вокруг огня. Они встали при его приближении, сложив руки в почтительном приветствии.

– Да принесет тебе этот день радости, о господин, – произнес Хусаин.

Омар бросил в пламя костра все, что осталось от письма Низама, и стал ждать, пока все клочки бумаги не обуглились, и затем отправился дальше. Три садовника наблюдали за ним с большим интересом, а когда снова уселись подле костра, у них появилась новая тема для разговора.

– Вне сомнения, – важно произнес Хусаин, – то было послание необычайной важности. Какой прекрасный почерк!

– И печать, – глубокомысленно вступил в разговор Али, – была красная. Такая же красная, как на печатях Низам ал-Мулка. Посмотрите, от нее в костре словно капли крови.

Они не отрывали глаз от темно-красных капель, которые исчезали в пепле. Спустя какое-то время Ахмет поднялся и долго бродил по окрестностям, пока не наткнулся на Замбал-агу, уже связывающего узел со своими вещами, готового отправиться в путь.

Ничто, казалось, не беспокоило Айшу. Когда Омар спросил ее, неужели ей ничего не хочется, она немного подумала, потом призналась, что ей хотелось бы немного нового шелка на платье и серебряную нить, чтобы вышить его, и кувшинчик с мускусом с небольшой добавкой амбры и масел. И это все. Когда он подарил ей полированный золотой обруч на голову, она вскрикнула от восторга. И почти час придумывала себе все новые прически, по-разному закрепляя на волосах этот обруч, и изучала свое отражение в серебряном зеркале. Время от времени она вытягивалась на ковре подле него и, глубоко вздохнув, засыпала так же легко, как ребенок. К добродушным и медлительным персам, которые служили в доме и вели хозяйство, она испытывала лишь спокойное презрение.

– «Завтра»! – восклицала она. – У них всегда все «завтра». Они все время говорят о случившемся «вчера» и всегда все делают

«завтра».

– Но они счастливы.

Айша об этом не подумала. Они жили совсем другими эмоциями: они легко начинали смеяться и так же легко начинали плакать.

– Ну а ты, Айша, – настаивал он, – сама живешь только сегодня?

– И только тогда, когда ты рядом, – ответила она, внимательно глядя ему в глаза.

В такие моменты Омара одолевали воспоминания о Ясми. Что-то во взгляде Айши и в ее привычке стремительно поворачивать голову напоминало его умершую жену. Омар понял, что все эти годы, сам того не подозревая, бессознательно искал Ясми. Она умерла так внезапно, и боль от ее потери, которой он ни с кем никогда не делился, даже с Джафараком, иссушала его, словно жар от пламени. Теперь боль ушла далеко, словно он воскрешал в памяти только красивый сон, не имевший никакой связи с реальной жизнью.

С Айшой он не мог снова испытать такое же счастье, как с Ясми, счастье сродни боли. Айша давала ему покой; ее любовь оказалась похожей на цветущий розовый сад, окруженный стеной, где розы цвели и опадали, осыпая лепестками землю, равнодушные к всему, к времени, к людской суете и шуму. Тем не менее память о Ясми прокрадывалась и в этот сад.

Однажды, когда Айша играла на солнце со своим любимым золотым обручем, он гневно воскликнул:

– О любимая моя глупышка, почему ты не сотворена из золота, ведь никто не станет вдыхать в тебя новую жизнь, после того как тебя похоронят!

Как ни странно, она залилась смехом. Она весело и радостно взглянула на свои тонкие руки:

– Ну разумеется, я не из золота. – Она задумалась, больше озадаченная вспышкой гнева Омара, нежели вникая в смысл сказанных им слов. – Мертвые, – спустя некоторое время, сказала она серьезно, – мертвы. Им уже не измениться.

– Им не измениться больше, – повторил он.

Многие годы он бился над истиной, которую эта рожденная пустыней девочка выразила так просто. Мертвые уже никогда не вернутся к жизни на эту землю. Они превратились в пыль и высохшие кости, захороненные в земле. И все же память о Ясми никогда не умрет. Порой, когда он сильно уставал, ему казалось, что, если он поднимет голову, он сумеет увидеть, как она идет по дорожке к «Обители звезд» и ее чаршаф развевается на ветру.

Две недели спустя у ворот Каср-Качика на взмыленной

лошади, бока которой он яростно пришпоривал стременами, появился нарочный, привезший послание от Низама, в котором тот вызывал к себе Омара. Великий визирь требовал, чтобы Омар незамедлительно отправлялся в Рей, проявив всю возможную поспешность.

Когда на следующее утро Омар стал прощаться с Айшой, ее глаза наполнились слезами. До этого она несколько часов умоляла его взять ее с собой.

– Да хранит тебя Аллах, – прошептала она. – И не ходи среди незнакомцев без оружия.

У ворот Исхак вышел вперед, чтобы поприветствовать его, и ему показалось, что Омар заметил, как за углом мелькнул и исчез белый тюрбан и красный халат давно уволенного Замбал-аги. Ходжа резко осадил лошадь.

– Что это значит, Исхак? Почему этот черный евнух все еще слоняется здесь?[33]

Исхак смиренно сложил руки:

– После последней молитвы вчера вечером я услышал, что Защитник Обездоленных отправляется в Рей. Только Аллах знает, когда он возвратится. А разве не я защищаю честь его дома?

– Ну?

– Ни одну женщину не стоит оставлять без присмотра. Несомненно, никто не позволит такой юной женщине одной гулять в таком большом саду. Ну а поскольку Замбал-ага был не так далеко, я и подумал…

– Один из вас, – Омар повернулся к стражникам, сопровождавшим его, – пусть отыщет этого евнуха. Возьмите лошадь из конюшни и сопроводите его в Нишапур. Там, на базаре, отпустите на все четыре стороны и проследите, чтобы нога его никогда больше не ступала за эти ворота.

Он не желал уезжать, оставляя Айшу под присмотром тюремщика в ее саду.

В течение трех дней он беспрерывно двигался на запад по караванной дороге, останавливаясь на ночлег в караван-сараях. Чтобы не терять времени, он не стал заезжать в Нишапур, где могла собраться толпа народа, чтобы приветствовать царского астронома. Поскольку Малик-шах большую часть времени проводил за пределами страны, а пожилой Низам запирался в своем кабинете, где корпел над бумагами, люди Хорасана прибыли туда, чтобы взглянуть на великолепного царского астронома, этого представителя власти.

Когда на третью ночь они остановились на ночлег, к Омару подъехал всадник с ястребом на руке и почтительно поприветствовал:

– Да будет сопровождать тебя успех на твоем пути, ходжа! Вот смотри, это талисман. – Незнакомец вытащил из пояса маленькую серебряную трубочку, не толще, чем острие пера. – Час назад я выпустил моего сокола вон в той долине. Я намеревался поохотиться на цапель у реки, но вместо этого сокол выбрал себе в жертву голубя, летящего на запад. Вот держи, голубь оказался почтовым, и я нашел эту трубочку с бумагой, привязанную к его ноге. Читай! Вдруг тебе что-нибудь грозит?

Клочок бумаги величиной с палец, всего с одной строчкой на нем. «Омар Палаточник находится на дороге к Рею». Вместо подписи стояло число.

– Ничего страшного, – заверил Омар взволнованного соколиного охотника. – Голубь летел на запад?

– Как стрела в лучах солнца. И затем я услышал о твоем появлении здесь, о ходжа, именно на этом месте я сказал своим спутникам: «Воистину, ничто в мире не происходит без воли на то Аллаха».

Омар вертел в руках тонкую трубочку, раздумывая, от кого послание и кому предназначалось. В голову не приходило ничего конкретного. Только почтовый голубь знал, откуда он летел и куда направлялся, но голубь не мог ничего рассказать. От трубочки исходил слабый запах мускуса. Только люди его дома в Каср-Качике знали об его отъезде в Рей, а около Нишапура он старался проехать незамеченным.

Возможно, это один из шпионов Низама послал голубя. Кем бы ни был этот отправитель, он ожидал, что либо получатель узнает его почерк, либо определит его по номеру. У Омара не имелось ни одного шанса, чтобы обнаружить правду.

Но импульсивно он сложил трубочку и бумагу и спрятал в кошелек. Ведь по какой-то случайности, одной из сотни, голубь принес это послание к нему.

Глава 3

Библиотека в древнем городе Рее

По разные стороны ковра стояли Низам ал-Мулк и Омар Хайям. Впервые Управитель Державы получил отказ от астронома султана на свое письмо, и он еще не мог оправиться от удивления.

– Но почему? – вновь задал он свой вопрос. – Почему ты должен бросить камень непонимания и отказа на тропу нашего сотрудничества?

Низам сохранял внешнее спокойствие, но его распирало любопытство. Почти два поколения сменили друг друга, пока он управлял делами растущей империи сельджуков. Теперь империя простиралась от пустыни вдоль Великой Китайской стены до границ Константинополя, отделенного от империи узким проливом, разделяющим Азию от Европы.

Низам поправил кольцо с печаткой на тонком пальце и стал объяснять Омару, что представляет империя. Султан, добавил он, был отцом огромной семьи; его дела должны быть равны его возвеличенному положению. Его навыки в ведении войн принесли ислам в языческие страны и народы. Его победы увеличили авторитет его рода. Однако Малик-шах был внуком турецкого варвара. Если бы он возвратился со своими четырьмя сотнями тысяч всадников и разместился в мирных городах Хорасана, люди увидели бы только воина, сидящего без дела среди них, и, кроме того, его солдаты, приученные к полю битвы, доставили бы массу неприятностей селам.

– Что такое его армия? – задал риторический вопрос Низам. – Ты прекрасно знаешь, ходжа Омар: она состоит из турок с севера, из гулямов, которые являются детьми турок, воспитанных рабами войны, обученных только воинскому делу, а также грузин, туркмен, детей арабских племен. Немного там есть людей из Хорасана и еще меньше персов или арабов из Багдада. Мы не должны давать наделы земли такому неуправляемому в мирное время сброду, который может развязать гражданскую войну. Нет, когда война на Востоке будет закончена, мы повернемся на Запад, чтобы завоевать два роскошных приза, если на то будет воля Аллаха, – сам Константинополь и Египет.

На мгновение идея поразила Омара своей очевидностью. Священная война опалит землю раскольнического халифа и последний оплот цитадели кесаря. Разве не рассматривал он

падение Иерусалима именно в этом свете? Низам, высохший и ставший напоминать пересохший пергамент, казалось, продолжал оставаться непобедимым – этакий алхимик власти, фокусник, управляющий жизнями людей.

Затем иллюзия исчезла. Каждая новая кампания могла быть оплачена жизнями и богатством только очередных завоеваний. В границах нового государства, построенного Низамом, не было места для той победоносной машины, которая создавала это государство, сельджукской армии. Что они будут делать с боевыми слонами, привезенными из Индии? Или тысячами турецких офицеров, приученных жить грабежом?

– При помощи армии, – возразил он, – вы создали огромную империю, которая, в свою очередь, нуждается в огромной армии, чтобы защитить себя. Тогда как иначе оплатить расходы этой более мощной армии, кроме как новыми завоеваниями? И чем это все кончится?

Низам кинул быстрый взгляд на астронома. Он полагал, что Омар не задумывается ни о чем, кроме своей науки, случайных танцовщиц и вина. Пока Омар и Малик-шах оставались послушны, его, Низама, планы могли претворяться в жизнь без помех. Но если Малик-шах вернется в Хорасан и покинет свое боевое седло, он скоро возьмет бразды правления в свои руки.

Этого Низам желал меньше всего. Он твердо полагал, что все завоевания Малик-шаха были предопределены свыше, так же как и его, Низам ал-Мулка, право управлять империей.

– Это предопределено свыше, – произнес он, – такова воля Аллаха, что наш султан должен свершить свои завоевания, а мы должны управлять ими.

Омар изучал рисунок ковра перед коленями.

– Выходит, свыше предопределено и то, что я должен солгать султану относительно предзнаменования звезд?

– Веришь ли ты, что судьбу человека можно прочитать по звездам?

– Нет.

– Я тоже. – Низам улыбнулся и решил, что Омар наконец станет благоразумным. – Так, если предзнаменования, читаемые по звездам, есть ложь, зачем ты упорствуешь и отказываешься написать Малик-шаху о предзнаменовании, которое будет лучше всего вести его по дороге к победе? – Неожиданно он вспомнил о том, что озадачивало его в течение нескольких дней. – Человек, назвавший себя Хасан ибн Сабах, прибыл сюда за четыре дня до того, как твое письмо из Каср-Качика попало мне в руки. Он утверждал, что способен предсказывать будущее, и он поведал мне следующее: «Скоро, через несколько дней, о достопочтенный,

вы получите послание от астронома султана, в котором будет только одно слово – «нет». Кто такой этот Хасан, которому известны твои секреты?

– Проповедник новой веры. В Иерусалиме он беседовал со мной. – Омар нахмурился. – Но я никому не говорил о своем письме раньше, чем оно было отослано.

– Этого не может быть! Твой посыльный, который принес его, был в пути восемь дней от Каср-Качика до моих дверей. И все же Хасан узнал содержание письма четырьмя днями раньше, чем прибыл посыльный.

Омар понимал, что ни один всадник, даже посланник султана, меняющий лошадей на каждой стоянке, не смог бы совершить поездку всего за четыре дня. Невероятно, чтобы кто-то в Рее мог узнать содержание сообщения задолго до прибытия его собственного посыльного, если только это сообщение не пересылалось по воздуху. Он ощутил небольшую серебряную трубку на своем поясе. Почтовый голубь нес записку, в которой сообщалось о его, Омара, приближении к Рею, и такой же почтовый голубь мог принести сведения о содержании его письма к Низаму из Каср-Качика в Рей всего за четыре дня.

Выходит, кто-то в его доме шпионил за ним и посылал новости голубиной почтой в Рей, причем дважды. Была ли это Айша или Исхак – хранитель ворот?

Оба они утверждали о своем неумении ни читать, ни писать.

– Голубь может пролететь это расстояние за три дня, – произнес он вслух.

– На все воля Аллаха! – Неправильно поняв своего собеседника, Низам наклонился вперед, чтобы потрепать его по плечу: – Я знал, что ты выберешь правильный путь. Пиши тогда прямо здесь султану, и мы пошлем твое слово голубем в Самарканд. Только убеди Малик-шаха в грозящей опасности, если он свернет с дороги войны.

– Нет тут никакой опасности. – Омар улыбнулся. – Не возражаете, если я напишу, что это Низам решил, что война должна продолжаться?

– Да простит тебя Аллах. Какое ребячество!

– Тогда я ничего не напишу, ни то ни другое. Я не стану писать ни заведомой лжи, ни правды. Я вообще ничего не напишу.

Низам вздрогнул, как будто последние слова, подобно колоколу, ударили ему в ухо. Его глаза, обрамленные сетью морщинок, внимательно смотрели на Омара, но его руки, лежащие на коленях, сжались в кулаки.

– И ты смеешь так говорить со мной!

– Сказано, – Омар кивнул спокойно, – и я не отступлюсь.

На мгновение Низам притих.

– Я взрастил тебя от ободранного школяра до третьего по значимости человека в империи; когда муллы хотели забросать тебя камнями за создание твоего календаря, я оберегал тебя. Я дал тебе в помощники лучших мудрецов. Сколько дворцов имеешь ты теперь, сколько богатства в товарах и золоте? Люди говорят, что ты говоришь одну правду, но я-то знаю, как часто ты лгал Малик-шаху до сегодняшнего дня. Я спрашиваю тебя и хочу, чтобы ты ответил мне искренне – в чем причина твоего нынешнего намерения разрушить мои планы?

– Искренне? Я полагаю, вы ошибаетесь, принуждая Малик-шаха на новую военную кампанию. Вы предпочитаете держать его на расстоянии. Пусть себе командует армией, в то время как вы управляете империей.

Низам взял платок и вытер губы. Пальцы визиря дрожали.

– Не станешь же ты отрицать, что срок моего служения одному только исламу минимум в два раза дольше твоей жизни и никогда я не работал на себя?

– Я знаю это.

Омар не добавил, что в свои семьдесят пять Низам уже не был тем человеком, каким он был когда-то в тридцать пять.

– Я думаю, что понял тебя! – закивал Низам. – Я дам поручение казначейству выдать тебе десять тысяч золотых динаров. Достаточно?

– Недостаточно, и даже золотого трона Махмуда не будет достаточно.

– Десять и еще пять тысяч золотом?

Омар посмотрел на старого человека по другую сторону ковра:

– Это большие деньги. Ты помогал мне, о Низам, но я не помню, чтобы ты покупал меня. Я не думаю, будто сейчас я стану торговать собой.

– Тогда иди к Акроеносу и к неверным! Иди куда тебя влечет, Омар Хайям, и больше не ищи моей защиты, поскольку те, кто ест из моего котла, служат только исламу. Как я это делал.

Его худая рука указала на дверь. Омар поднялся и повернулся к выходу. Когда он дошел до двери, то услышал сзади бормотание Низама. Но Великий визирь обращался не к нему. Стоя на коленях на своем молельном коврике лицом к Мекке, старик Низам возносил молитвы, повторяя дрожащим голосом девяносто девять священных имен Аллаха.

– Да пребудешь ты с миром, – уже на выходе еле слышно проговорил Омар.

Наискосок от библиотеки через площадь возвышались леса новой мечети, украшенной синими изразцами из еще сырой глины. Эти мечети и академии, разбросанные по пустыне, эти приюты для странников и путешественников, эти гигантские базары – все это было частью славы ислама, и это состарившийся Низам построил их. Почти половина людей на землях, известных в подлунном мире, становились на колени и молились теми же самыми словами, что и Низам.

Только теперь Омар почувствовал, что еще одна дверь закрылась для него, чтобы никогда больше не распахнуться перед ним.

Он пересекал площадь, не обращая внимания на творившееся вокруг, когда вдруг рядом с ним раздался крик мужчины. Он увидел слившиеся воедино тела в неожиданной схватке и блеск изогнутого кинжала в лучах солнца.

– Мулахид! – раздавались голоса вокруг. – Еретики! Бей… убей!

Омар смог разглядеть одного из мужчин в белой одежде с красным поясом, на его коленях были по-солдатски завязаны банты. Кровь струилась из его горла, и он задыхался, словно зверь, пойманный в силки. Рука, закрывавшая ему лицо, поймала пальцами ноздри и дернула голову вверх. Затем кривая турецкая сабля рассекла шею человека, и его отделенная от туловища голова была поднята на всеобщее обозрение.

Другой человек в белом отчаянно бежал через площадь. Он споткнулся, и преследователи окружили его. Острие сабли пронзило его, и белизна ткани внезапно стала багровой.

– Смерть еретикам!

Бородатый мулла вознес к небу руки, взывая к гневу толпы, которая собралась как будто по волшебству, чтобы поучаствовать в убийстве. Услышав его слова, мальчик лет десяти заплакал, и служитель ислама заметил ребенка:

– О правоверные, вот отродье семиричников![34]

Испуганный мальчик закричал и бросился бежать. Увидев Омара, он прильнул к его ногам, ловя руками полы халата астронома:

– О ходжа… о принц, не дайте им убить меня!

Юноша с едва пробивающейся бородкой, но уже с ножом в руке вцепился в рыдающего мальчика. Омар оттолкнул его:

– Что ты творишь?! Вы что, охотитесь на детей здесь, в Рее? Осади назад.

Около юноши с ножом появился мулла, раскрасневшийся от ярости.

– Ходжа Омар ибн Ибрахим, – прокричал он, – эти неверные

семиричники убиты по приказу Низам ал-Мулка! Позволь стали правосудия разъединить нить ереси!

Почувствовав поддержку, юнец с кинжалом вонзил его в охваченного ужасом мальчика. В тот же миг чьи-то сильные руки, обхватив Омара за локти, потянули его назад. Голос Акроеноса прошептал на ухо:

– Уходим, или моя жизнь будет также поставлена на кон. Поторапливайтесь.

К этому времени кричащему мальчику уже нанесли несколько ударов в живот, и его крик становился все тише. Акроенос взял Омара под руку, чтобы увести прочь.

– Говорите со мной… притворитесь, будто спорите о цене, полученной за финики в Исфахане. Нет, ничего хорошего не выйдет, даже если вы обратитесь к Низаму. Двигайтесь медленно.

Но Омар не мог удержаться от того, чтобы не оглянуться на площадь, откуда доносились крики и шум. Поверх бегущих мужчин он заметил пухлого человека, неподвижно сидящего в седле лошади. Даже на таком расстоянии он распознал лазурного цвета тюрбан и раскачивающиеся четки Тутуша, главы шпионов Низама.

Все это промелькнуло в течение двух минут.

Омар оказался в тенистом переулке, перед открытой лавкой гончара, который работал с влажной глиной на гончарном кругу и сам же крутил его голой ногой. Гончар то поднимал, то сминал глину руками, словно живую. Но в облаке пыли Омар все еще видел сверкающую на солнце сталь, входящую в человеческую глину, и кровь, льющуюся в пыль.

– Осторожнее, – прошептал Акроенос, – идите за мной медленно. За нами следит сам шеф тайной полиции.

– Восемь кантаров мы продали из одиннадцати, остальное испорчено и не годится для продажи.

У них за спиной норовистый конь застучал копытами, позвякивая удилами. Люди толпами вываливались из лавок, чтобы бежать к площади.

– Эта собака! – закричал Омар.

– Полегче… эта собака является собакой Низама. Ты еще пользуешься покровительством Низама?

– Что из того, что мы поссорились? Я не враг визирю, и мне нет никакой нужды бояться его.

– Но я боюсь толпы, – сказал Акроенос. – Вы когда-либо противостояли толпе, науськиваемой муллой на запах крови? Посмотрите на эти седельные мешки, полные шерсти для ковроткачества; они – то, что мы ищем.

Остановившись под развешанными седельными мешками,

Акроенос потянул Омара в лавку торговца шерстью, который следил за происходившим на площади.

– Хафт, – прошептал Акроенос, указывая на мешок. – Мы ищем семь штук.

Без единого слова владелец лавки поднялся и повел их вглубь. Быстрым движением он отодвинул занавес, который прикрывал узкую дверь.

– Владельцы семи, – пояснил он, – освежают себя вином в этот час.

И он опустил занавес, как только прошли эти два посетителя.

– Держитесь за конец моего пояса, – шепотом предупредил Акроенос. – Здесь ступени, которые ведут вниз, их двадцать.

И прежде чем Омар смог что-то сказать, он начал спускаться в темноту. За поворотом лестницы появился мерцающий свет. Свеча стояла в стенной нише, и Акроенос взял ее привычным движением, так как этот путь часто проходил. Проведя Омара через загроможденные склады и замусоренные подвалы торговца шерстью, он остановился у большой кипы, стоящей обособленно у стены.

– Помогите мне отодвинуть ее в сторону. Нет, только немного. Из нас никто так не силен, как тот шеф полиции.

– Но зачем нам лезть в эту крысиную нору? Со мной ты в безопасности.

– Возможно, ходжа Омар, в твоем доме я и был бы в безопасности, но разве спасся тот мальчик? Я не в первый раз убегаю от религиозных фанатиков, и я ручаюсь, что Тутуш сделает все возможное, чтобы выследить меня, обвинить меня и убить меня. Затем он и его последователи устремятся к моему складу и разграбят там товары, твои вместе с моими. – Акроенос начал протискиваться за тяжелую кипу. – Следуйте за мной. Так, а теперь придвиньте кипу назад к стене этой веревкой.

Они оказались в узком проходе, скрытом под кипой шерсти. Прислушавшись, Акроенос проследовал вперед по проходу, который постепенно поднимался к закрытой двери. Ее армянин открыл без колебания, поставив свечу на полку рядом с ней.

Омар вошел в прохладный подвал, благоухающий вином. Стены были уставлены рядами бочонков и больших бочек. На ковре, разложенном на свободном пространстве, вокруг железного фонаря сидело полдюжины мужчин, занятых беседой. Они небрежно взглянули на Акроеноса, но с интересом осмотрели Омара.

Вежливо поздоровавшись, армянин почтительно отступил в сторону, и человек, напоминавший профессора академии, отделился, чтобы приветствовать астронома.

– Добро пожаловать, о Повелитель Звезд, в эту компанию обреченных душ.

– Каждый из нас, – вскользь заметил другой, – в наши дни имеет цену за свою голову.

С любопытством Омар рассматривал их. Один говорил с высокой интонацией, выдававшей в нем египтянина, на втором висели лохмотья, он держал посох и чашу дервиша, в то время как других можно было отнести к богатым торговцам. Но в чем-то все они казались похожими – их умные глаза свидетельствовали о высоком интеллекте, и они держались так, как могли держаться только те, кто не привык сидеть сложа руки.

– Разрешите мне, о ходжа, представить вам этих достойных собратьев, над которыми временно нависла тень ятагана. Я – профессор; вон там, в полосатом халате, сидит странник, путешествующий по миру, который может сдвинуть горы в своих рассказах; дервиша вы и так признали; тот полный человек – продавец кунжута (сезама) и других постыдных, но приятных снадобий, и близнецы – господа свободной профессии из Исфахана. Не доверяйте им, если сядете играть в кости. Теперь, господа, я утверждаю, что нас наконец семеро. И следовательно, мы можем отбывать, если Владыка Звезд осчастливит нас своим обществом.

– Я польщен, – Омар улыбнулся, – вашим гостеприимством.

Он слышал о семиричниках, которые проповедовали новую доктрину веры в Хорасане. Но рассказы о них были полны противоречий. В каких-то семиричники выглядели религиозными фанатиками, которые ожидали прибытия седьмого пророка. В других сообщалось, что все они были еретиками, проповедующими новую религию, в то время как кто-то утверждал, будто они – маги, обладающие не то божественной, не то сатанинской властью. Омару показалось странным, как эти люди могут шутить, когда рядом, на площади, проливается кровь их сподвижников. Хотя какой смысл стенать и окроплять слезами свои одежды?

– А Хасан ибн Сабах принадлежит к вашей компании? – поинтересовался он. – Я разыскиваю его.

Словно удар грома поразил всех шестерых, и они повернулись к нему, даже профессор не знал, как ему ответить. Акроенос заговорил первым:

– Хасан ждет вас, ходжа Омар. Много месяцев он ждал вашего прибытия.

Все шестеро расслабились, а к профессору вернулся дар речи.

– Хасана нет здесь. Не так давно он имел возможность посетить Низама, но сейчас он – в горах.

Кое-что, слышанное ранее, всплыло в памяти Омара. Хасан, который впервые встретился ему на развалинах Вавилона, сказал, что он часто посещал горы. Хасан был рожден в горах недалеко от Рея, а люди называли предводителя семиричников Шейх аль-Джебалом, Владыкой Гор.

Омар хотел бы встретиться с Хасаном и выяснить, почему тот получал тайные сообщения из Каср-Качика от своего шпиона, пользуясь почтовым голубем. Кроме того, он не имел никакого желания задерживаться в Рее, под оком Тутуша, или снова быть вызванным к Низаму.

Наклонившись поближе к Омару, Акроенос прошептал:

– Хасан ожидает вас, и у него есть та, чья красота завоевала ваше расположение.

Много их было, подумал Омар, чья красота завоевывала его расположение на некоторое время; но сердце его сжалось при воспоминании об Айше.

– Что ж, – сказал он, – вы отведете меня к Хасану?

Акроенос поглядел на профессора, который молча слушал их беседу.

– Мы сейчас и находимся на пути туда, – ответил профессор, и все веселье исчезло из его голоса, – но эта дорога не из легких, небезопасная для новичка, даже для ходжи Омара из Нишапура, астронома султана. Хорошенько подумай, все мы здесь – рафики, собратья по новой религии. Ты знаешь слишком много. Зная все и увидев нас здесь, ты мог бы выйти на улицу и рассказать о нас первому встреченному тобою шпиону Низама. Или даже мулле: «Там собрались убежденные лидеры семиричников, в подвале ибн Хушака», – и немедленно наши плечи будут освобождены от наших голов.

– Верно, – согласился Омар.

– Слишком верно. Со своей стороны, мы знаем, что ты не столь ревностный фанатик ортодоксального ислама. Больше того, когда звучит твое слово по любому вопросу, ты его всегда держишь. Вот мы и просим от тебя только твоего слова, что ты обещаешь никому не рассказывать о виденном тобой здесь или во время нашего путешествия к Хасану.

Омар задумался.

– Да, – согласился он, – я даю свое слово.

– Хорошо! – кивнул дервиш. – Заметь, мы не клянемся на Коране. Мы братья-реалисты, мы давно прекратили искать Бога в мироздании. Запомни, мы, братья, также обещаем тебе никогда не предавать тебя. Я не думаю, что кто-либо из нас когда-либо нарушит это обещание. Хотя с кое-кого из наших, – добавил он спокойно, – снимали с живых кожу, чтобы заставить говорить.

К удивлению Омара, молчаливый армянин без всяких просьб достал откуда-то стеклянные чаши, разлил в них белое вино из бочонка и подал всем семерым.

– Чтобы обмануть полицию, – объяснил профессор, – мы притворяемся компанией пьяниц, втайне распивающих запрещенное вино. Полиции всегда легче поверить в небольшой грех и небольшую взятку. Теперь поднимем чаши, потому что мы не знаем, куда мы идем, или… – он пристально посмотрел в глаза Омара, – почему.

Затем один за другим они оставили подвал, чтобы встретиться через два дня в условленном месте в горах. Акроенос, которому предстояло сопровождать Омара, настаивал, чтобы тот изменил свою внешность.

– Астроном султана, – объяснил он, – не мог покинуть Рей незамеченным.

Целый час в одной из верхних комнат дома продавца вин Омар вынужден был подчиняться требованиям улыбчивой женщины, которая укоротила его бороду и окрасила ее хной. Затем она протирала тампоном, смоченным соком грецкого ореха, кожу его лица и шеи, пока кожа не стала более темной, чем борода.

– Сельма, – армянин объяснил без тени улыбки, – видела лица всех людей, путешествующих по дорогам. Она может превратить индусского факира в африканского марабу.

Сельма хихикнула и затараторила, что она никогда не имела дело со столь красивым лицом, как у этого господина. Ее муж приветливо улыбнулся Омару.

Когда жена продавца вин закончила с ним, на Омара надели просторный халат, подбитый шелком, широкие шагреневые шаровары и сапоги для верховой езды со вздернутыми кверху мысами. На его поясе поблескивали серебряные пластины, а его новый тюрбан был тяжел от украшений. Акроенос критически осмотрел его и предложил добавить еще один или два серебряных браслета. Когда наконец он был удовлетворен, то объявил, что перед ним бухарский торговец лошадьми, едущий в горы, чтобы приобрести там пони.

– Только не забудьте ругаться по-турецки, – посоветовала Сельма, – и сплевывайте почаще. Ешьте обеими руками и сморкайтесь вот так, прошу прощения у господина! Двигайтесь полусогнув ноги в коленях, слегка переваливаясь, так, как будто вы с малых лет в седле, и пейте кумыс прилюдно, и тогда ваша собственная жена не узнает в вас благородного господина.

Глава 4

Гнездо Орла высоко в горах над рекой

На третий день пути, когда Акроенос надел ему повязку на глаза, Омар окончательно ощутил, что он вступает в неизвестный ему мир.

– Прошу прощения! – пробормотал торговец. – Но простым смертным запрещено знать дорогу.

Верхом на мулах они направились на плоскогорье выше Касвина. Последнее, что успел увидеть Омар, – рокочущее ущелье и покрытые лесом вершины над ним.

– Ты служишь семиричникам.

– Я служу Владыке Гор, – переходя на шепот, ответил Акроенос, хотя никто их не слышал. – В этих горах имя Хасана ибн Сабаха не произносят. Известный тебе Хасан живет в Вавилоне, в Каире, в Иерусалиме – нигде больше. Этот Владыка Гор имеет десять тысяч последователей в Хорасане. Его власть – не похожа на власть земных правителей.

Омар промолчал, вспомнив орла, прохаживавшегося около бездыханного тела в пыли Вавилона, и почтового голубя, сбитого в небе.

– На прошлой неделе в Рее, – продолжал Акроенос, – Тутуш окружил гостиный двор, в который, как ему донесли, вошел Владыка Гор после своей встречи с Низам ал-Мулком. Тутуш и сорок полицейских искали его, не пропуская ни одной кипы и не оставляя ни одного сундука нераскрытыми, но они не сумели найти его. Никто не видел, как добирался Владыка Гор в свое орлиное гнездо, и все же он – там и ожидает нас.

– Где?

– В Аламуте – Гнезде Орла. Название известно, но кому ведома дорога туда?

– Очевидно, тебе.

– Однажды, – охотно признался армянин, – я видел ворота Аламута.

– А неделю назад Владыка Гор приказал тебе привезти меня к нему?

– Нет, год… или два назад. Он сказал, что время пойдет быстрее, когда туман разногласий возникнет между Омаром Хайямом и Низам ал-Мулком. «Когда это случится, найди его и приведи его в горы, где он найдет и святилище, и убежище».

– Тогда Хас… Владыка Гор – маг и колдун.

– Он мудрее любого из тех, кого я знаю. Он владеет тайной власти. Лучше, – глубокомысленно добавил Акроенос, – повиноваться ему, чем не повиноваться. Некоторые говорят, будто сам Низам написал в своей книге несколько глав, посвященных предостережениям против него, и запечатал эти главы до наступления дня своей смерти. Кто знает? Но истинно одно – Низам боится его.

– А ты?

Акроенос помолчал.

– Там, – он посмотрел вниз, – на равнине, мы оставили притеснение мечей и налогов и тиранию священнослужителей. Такие вещи не много значат для обласканного властью ходжи Омара, но они подобны цепям для купца-немусульманина. Да, мы, армяне, не больше чем рабы. Здесь, в горах, – свобода.

Удивительный пыл звучал в его голосе. Этот знающий жизнь караванный купец становился все более оживленным по мере приближения к месту встречи на плоскогорье. Частенько он постегивал своего мула или подергивал с усилием седло Омара. Другие животные и люди двигались вслед за ними. Омар слышал произносимые шепотом приветствия, приглушенные смешки. Но никто, казалось, не собирался снимать с его глаз повязку.

Потом, когда их остановили на какое-то время невидимые стражи, он расслышал рокот реки где-то внизу, в глубоком ущелье. Откуда-то сверху обдало холодом, и Омар почувствовал сильный сосновый запах. Мулы поднимались, твердо ступая по осыпавшимся камням, пока надрывный голос не окликнул путников:

– Кто вы, странники в ночи?

И человек рядом с Омаром проговорил в ответ:

– Мы – семеро братьев.

– Что вы здесь ищете?

– День, который еще не наступил.

Мулы снова двинулись вперед. Омар прислушивался к цокоту их копыт. Они шли рывками, как будто преодолевали крутой склон; далеко под ними ревела река. Сильные порывы ветра продували распахнутый халат Омара, и он с трудом удерживал его коленями.

Вдруг какие-то огни вспыхнули вокруг него, мул встал как вкопанный, и он услышал скрип гигантских петель. За его спиной лязгнуло железо, и чья-то рука сняла с его глаз повязку.

На мгновение пламя факелов ослепило его, и первое, что он увидел, были звезды на небе и стена внутреннего двора. Акроенос и его собратья по путешествию исчезли. Усмехающийся чернокожий мальчик взял поводья мула, а маленький человек,

весь в красных китайских шелках, приветствовал его по мусульманскому обычаю:

– Да принесет удачу твой приезд, о учитель. Я – Рун уд-Дин из Каирской обсерватории, и мое невежество обретало блаженство от мудрости твоих книг. Пожалуйста, спускайтесь с мула и найдите отдых в своих палатах.

Одеревеневший от усталости, Омар последовал за своим проводником. Пройдя пустынными в этот час каменными коридорами, они оказались в спальне, где пылала жаровня, удобно расположенная около бухарского коврика. Внимание привлек поднос с засахаренными фруктами, пирожными и со стеклянной бутылкой вина.

– Он, – Рун уд-Дин указал на черного мальчика, – отныне твой слуга. Теперь все опасности позади, так что спокойно отдыхай. Пусть твои сновидения будут приятными.

Коллега ученый из Каира откланялся. Омар немного поел и отдал поднос мальчику. Он осушил кубок вина, крепкого и пряного на вкус, и только после этого решился посмотреть в единственное оконце.

Ничего, кроме кромешной темноты, облаков и звезд, не было видно. Омар поднял большой кусок угля, выпавший из жаровни, и бросил его в окно. Высунувшись, он прислушался, но так и не услышал, как тот упал.

Задумавшись, Омар завернулся в одеяло и стал смотреть на красные тлеющие угольки. Холодный горный воздух давал о себе знать, хотелось спать. Он посмотрел на мальчика, который свернулся калачиком и спал напротив двери. Темная фигурка превратилась в белое мерцание. И комната как-то увеличилась в размерах, потолок открылся в ночи. Но Омар испытал ощущение силы и благополучия.

«Это какой-то странный сон под влиянием гор», – подумал он, закрывая глаза.

Аламут, как он обнаружил на следующий день, располагался на вершине горы, нависая над двумя глубокими ущельями с отвесными стенами. Дорога, по которой он прибыл, была не видна с того места, где его поселили, потому что утес почти отвесно падал в лоно серебряной реки. Внизу теснились горные хребты, один пониже другого, состоявшие из желтовато-коричневых скал, походивших на фантастические зубчатые стены и гигантские башни.

Так как стены Аламута оказались выдолблены из естественной скалы, Омар предположил, что с другой стороны ущелья замок должен казаться просто скалистой вершиной горы. Конечно, никто, кроме орлов, которые парили над ним, не мог

заглянуть за крепостные стены. Потом он заметил, что замок, вместе с его внутренним двором, все же не занимал всю вершину.

В центральной части замка, разделяя его на две половины, возвышалось нечто, показавшееся Омару крепкой стеной, а поверх ее виднелись верхушки деревьев.

– О, взгляните, вон там – сад, – прокомментировал Рун уд-Дин. – Позже, возможно, вы еще увидите его.

Время от времени Омар замечал часовых на стенах. Они носили такие же белые плащи, красные шлепанцы и пояса, как и на семиричниках, зарезанных на площади в Рее. Повсюду мелькали многочисленные слуги, главным образом чернокожие и египтяне. Но он совсем не увидел женщин или тех, кто напоминал бы управляющих, кроме людей в китайских щелках, подобно Рун уд-Дину. Они, казалось, говорили на всех языках, которые только можно было представить.

– Мы – просто даисты, проповедники, как сказали бы вы, – оживленно пояснял Рун уд-Дин. – Так как мы прибываем из отдаленных мест и постоянно путешествуем, мы обязательно весьма сносно владеем несколькими языками. Я – из Каира, но вы видите, что мой персидский – довольно свободный. Полагаю, наша библиотека очень порадует вас. Пойдемте посмотрим на нее.

Он повел Омара вниз по центральной лестнице на первый этаж, и они вошли в большую комнату, разделенную на бесчисленные альковы, все с масляными лампами. Значительное число людей было погружено в чтение книг, и Омар застыл от удивления перед полками греческих рукописей.

Одна из этих рукописей, судя по диаграммам, была копией работы Аристарха по вычислению орбиты Луны и затмениям. Другая была изданием Платона.

– Я никогда не видел их прежде! – вскричал Омар.

– Да. Их доставили из Египта, где они пережили пожар, разрушивший великолепную библиотеку в Александрии. Легенда гласит, что все фолианты были уничтожены мусульманами, сжигавшими их для приготовления пищи. Однако многие рукописи были спасены, и сидна, наш господин, разыскал их. А видели бы все наши карты. О, у нас есть несколько сокровищ. Двое даистов – из Византии, смогут перевести греческие тексты для вас, если вы пожелаете.

Хотя Омара Хайяма переполняло волнение от встречи с трудами Платона, он все же заметил, что Рун уд-Дин говорит о мусульманах как о последователях чуждой ему религии.

– Это – Академия, – усмехнулся он, – или крепость?

– И то, и другое, и многое еще. О да. Мы ищем знание, не

отягощая себя религиозным суеверием. Взгляните сюда.

Проповедник указал на ряд весьма потрепанных фолиантов.

– Алгебра, уравнения третьей степени, книга о затмениях и астрономический трактат Омара Хайяма. – Он улыбнулся. – Все это пользуется очень большим спросом. Я читал ваши математические работы, но признаюсь, остальное вне моего бедного понимания. Но сидна читал их все.

– Ваш господин… Шейх аль-Джебал?

– Кто же еще? Конечно, он. Я имею некоторые навыки в семи фундаментальных науках, таких, как: логика, арифметика, музыка, геометрия, астрономия, физика и метафизика. Но сидна является специалистом во всех религиозных традициях, в каббале евреев и магии. Мы повинуемся ему с удовольствием, потому что за ним – совершенное знание.

Но Омар, переворачивая страницы труда Платона, уже не расслышал последних слов. Его мысль устремилась к поиску решения по извлечению кубических корней.

В Аламуте время шло незаметно. Когда Омар не был поглощен изучением невероятных сокровищ Александрийской библиотеки, он любил сидеть в обществе даистов, которые, казалось, посетили каждый населенный уголок земли и с удовольствием делились своими впечатлениями, обсуждая науки Китая или музыку Византии.

Омар был удивлен интересом Рун уд-Дина к магическим квадратам. Маленький человек выработал отдельные комбинации чисел, которые выдавали постоянные результаты, независимо от того, как они складывались или перемножались. Омар, чьи исследования были посвящены решению практических проблем, лишь пожимал плечами.

– Такие результаты любопытны, – заметил он, – но они бессмысленны.

– Они не бессмысленны для обычных умов, – Рун уд-Дин возразил, – они магические.

Каждую ночь, однако, Омара посещали полуфантастические видения первого вечера. Стены его комнаты имели странную окраску, и его не покидало ощущение спокойного благополучия и власти. Он никак не мог решить, исходит ли оно от крепкого вина или от разреженного горного воздуха.

Это не мешало ему наблюдать за звездами, расположенными низко на севере над самой линией горизонта, которые он не мог видеть в Нишапуре. Как-то поздним вечером он как раз смотрел на звезды в одной из башен, когда взволнованный Рун уд-Дин разыскал его:

– Наш господин встретится с тобой. Но мы должны

поторопиться.

Неохотно Омар отложил диаграмму, которую рисовал. Рун уд-Дин, однако, был настойчив:

– Ты увидишь то, что обычные люди вне этих стен никогда не видели. Следуй за мной и не говори ни с кем, кроме меня.

Почти бегом он вел Омара вниз из башни, через главные залы к ступеням библиотеки. На сей раз он открыл другую дверь и начал спускаться по лестнице, выдолбленной в твердой скале.

– Смотри под ноги! – крикнул он через плечо, держа над головой круглый фонарь.

Омар не нуждался в таком предупреждении. С противоположной стороны стены вообще ничего не было видно. Дыхание холодного воздуха исходило снизу. Ступени вели вниз, и он чувствовал, что спускается в большую шахту в горе. Хотя скала под его ногами была из твердого базальта, ступени стерлись от бесчисленных ног, прошедших по ним.

Местами ступени были разрушены, так что ему приходилось цепляться за скалу. Рун уд-Дин, казалось, знал каждую точку опоры. Он прыгал вниз с ловкостью горного козла. От раскачивающегося фонаря кружилась голова.

Когда наконец они оказались у основания шахты, Омар глубоко вздохнул.

– Эти ступени были сделаны не вчера, – заметил он между делом. – Это шахта?

Невысокого роста философ взглянул на него с любопытством:

– Ты первый, кто, спустившись сюда, задает подобный вопрос. Да, эти ступени были высечены во времена, когда люди поклонялись солнцу… и огню. То, что они искали здесь и ниже, больше чем золото. Но теперь смотри и ничего больше не говори.

Повернув в проход, который Омар счел естественным туннелем, Рун уд-Дин почти пробежал его. В конце туннеля Омар от неожиданности вздрогнул, наткнувшись на черного воина, в одиночестве стоявшего в темноте, склонив копье перед низкой деревянной дверью.

Охранник не обратил на них никакого внимания, и Рун уд-Дин толчком открыл дверь. Омару пришлось низко наклониться, чтобы проследовать за своим проводником, и когда он поднял голову, то оказался в просторном помещении, в окружении множества других людей.

Рун уд-Дин взял его за руку и повел вперед сквозь ряды собравшихся, которые что-то неодобрительно бормотали, когда им казалось, что их потревожили. Дойдя до свободного места, он прошептал:

– Сядьте здесь.

Перед ними, поверх темных рядов из голов и плеч, горел огонь. По крайней мере, так сначала подумал Омар. Но огонь, периодически вырывавшийся из трещин в каменном полу пещеры, обладал ярким синеватым свечением и совсем не походил на обычное пламя. Собравшиеся насвистывали и напевали какую-то мелодию. Откуда-то доносились звуки, которые как бы дополняли мелодию.

Музыка, предположил Омар, исходила от флейты; но время от времени он слышал медный лязг гонга и переливы серебряных колокольчиков, которые отзывались слабым эхом в невидимой вышине пещеры.

Хотя толпа покачивалась из стороны в сторону, в лад с отдаленными песнопениями, голова каждого была повернута туда, откуда вырывались языки пламени. Мгновение Омар понаблюдал за собравшимися.

Все они были молоды, и все носили уже знакомые бело-красные одеяния охранников Аламута. Некоторые узкие смуглые лица свидетельствовали о наличии арабской крови, а другие могли бы оказаться индусами или китайцами.

– Фидаисты, – прошептал Рун уд-Дин, – посвященные. Это – их ночь свободы и радости. Скоро они взглянут в лицо Бога жизни и смерти.

Глаза посвященных были широко раскрыты, время от времени кто-то вытирал пот со лба свободным концом тюрбана. Но внимание их поглощало лишь то, что происходило позади огня.

Начался танец с мечами, танец, центром которого был одинокий человек, стоявший с высоко поднятыми руками. Человек медленно вращался на пятках, повторяя нараспев:

– Аллах иллахи… Аллах иллахи… иллахи.

С губ толпы срывался тот же призыв, а мелодия, под которую раскачивались тела, усиливалась звоном колоколов.

Вокруг певца прыгали и кружились танцоры, каждый размахивал двумя саблями в таком совершенном ритме и с такой невероятной отточенностью движений, что сталь ни разу не коснулась стали, хотя лезвия свистели над головами других танцоров, и собравшимся казалось, будто сабли сейчас рассекут их тела надвое. Пот струился по голым рукам, поскольку танец ускорял темп, а сверкающая сталь превратилась в дугу света.

– …Иллахи, иллахи! – стонала толпа, покачивая бедрами.

Как долго длился танец, Омар не знал, но он уже приближался к концу. Рун уд-Дин тисками сжимал его руку и с трудом дышал. С другой стороны от него мальчик рыдал и кусал губы.

– Его час – пробил! – раздался голос среди монотонного

скандирования. – В рай… В рай.

И тут Омар разглядел еще нечто позади танцоров. Форма этого «нечто» стала проявляться более отчетливо в свете пламени. Это было животное с лапами льва, с огромными когтями и туловищем быка. Выше в отблесках пламени оно приобретало очертание, напоминавшее громадную голову человека с вьющейся бородой.

Крылья торчали с обеих сторон головы, и, хотя она была каменная, мерцающий свет придавал ей подобие жизни.

– Теперь, – прокричал Рун уд-Дин, – теперь он отправляется в рай!

Вращавшийся человек замер. Сабли уперлись в него; они касались его тела, и кровь потекла на белую ткань. Кровь струилась все быстрее, и его ликующий крик вызывал ужас. Он распростер руки, взывая к небу. Сталь просвистела по его шее, отъединив голову от плеч.

Еще секунду тело агонизировало, руки вздрагивали, а затем тело рухнуло на пол.

Как только это произошло, песни прекратились, скандирование стихло, и все, кроме Омара и Рун уд-Дина, устремились вперед.

– Господин жизни и смерти, – раздался голос в тишине.

Между когтями бородатого быка появилась высокая ослепительно белая фигура. От запястий до подбородка фигуру укутывала ткань, словно мумию. Но темная голова оказалась головой Хасана ибн Сабаха.

Наклонившись, он поднял тело, которое лежало у его ног.

– Взгляните, вы, посвященные, – воззвал он. – Он уже ушел в рай.

Все вокруг Омара уже стояли на коленях. Хасан возвышался между когтями каменного животного. У него на руках лежало обмякшее тело. Громкий стон пронесся над толпой… на теле не было больше шрамов; отсеченная голова свисала с плеч, и с белого полотна у его ног исчезли следы крови. Однако ничто не позволяло усомниться в том, что обмякшее тело принадлежало танцору, сраженному саблями.

– Созерцайте, – бормотали в толпе. – Свершилось.

Все еще держа тело, Хасан прошел между ногами крылатого животного и исчез в тени в задней части пещеры. Танцоры с саблями, все еще задыхаясь, кружились перед огнем и сливались с толпой, которая начала замечать Омара. Мальчики скользили среди бело-красных фигур, наполняя чаши вином из кувшинов, которые они несли на плечах. Жадные руки тянулись за чашами.

– Во имя всех богов, – зашептал Рун уд-Дин, – хорошо выпить

после зрелища, подобного этому. Не говорите ничего громко, поскольку эти фехтовальщики в состоянии сейчас разрубить даже каменного быка, стоящего вон там. Они не знают, что вы – привилегированный гость.

– Ах!

Пальцы коротышки дрожали, когда он подхватил чашу и осушил ее содержимое. Омар заметил, как один из танцоров вытер куском ткани кровь с сабли.

– Это, по крайней мере, настоящая кровь, – заметил Омар.

Воин поджал губы и взмахнул обнаженной кривой саблей перед носом у Палаточника.

– Трогай! Нюхай! – осклабился он. – А если и тогда станешь сомневаться, ты сам убедишься, настоящая или нет твоя собственная кровь.

Остальные обернулись, чтобы рассмотреть Омара какими-то измученными глазами. Танец или их собственное волнение опьянили их разум, искавший облегчения через насилие.

– Йалла, как он оказался среди нас? Кто привел его?

Рун уд-Дин взял чашу у мальчика и торопливо вручил ее Омару.

– Пейте, – прошептал он, – и притихните. Вырвавшиеся из клетки тигры таят в себе больше нежности, нежели они.

А толпе он прокричал:

– Это – гость даистов! Было указание, что он должен поучаствовать, дабы увидеть лицо нашего господина.

– Кто отвечает за него?

Какой-то подросток с открытым ртом выдвинулся в первые ряды круга, образовавшегося около Омара. Отталкивая старших, он сжимал рукоятку кинжала на своем поясе. Его глаза зияли как пустые колодцы, голова покачивалась на плечах.

– Кто отвечает за него?

– Я! – кричал Рун уд-Дин, тщетно пытаясь оттолкнуть подростка.

– Он не человек гор. Взгляните, у него крашеная борода… взгляните, какая белая кожа на его руках. О вы, кто служит нашему господину, среди нас человек в чужом обличье.

Рычащие лица сжимали круг. Глаза наливались жаждой крови. Зловоние крови и пота раздражало ноздри… Внезапное тепло наполнило мозг Омара. Стены пещеры растаяли в пространстве. Он увидел множество священников, которые обслуживали алтарь земли, здесь, в утробе земли, с незапамятных времен.

Каменное животное выросло до гигантских размеров, а его каменные крылья зашевелились. Между когтями расположился

алтарь, на который сносили все тела, алтарь идола Вааля и вечного огня. Он встал и засмеялся, потому что казалось нелепым, что его бренное тело должно само защищаться от власти Животного.

– Идите! Идите все!

Тяжелые шаги раздавались все ближе, и длинные посохи кружились над головами толпы. Группа черных рабов, двигаясь сомкнутым строем, направилась к Омару.

Странно, но шумливые фехтовальщики подчинялись, когда их отталкивали и били чернокожие, которые сомкнули круг вокруг Омара. Его подняли сильные руки и унесли прочь от огня. Бормотание голосов затихало позади него, а шаг черных рабов становился громче, поскольку они вошли в темный коридор.

Непреодолимая сонливость навалилась на Омара. Его несли сквозь темноту на своего рода носилках. Затем, когда движение прекратилось, он учуял сильный запах фимиама и с усилием открыл глаза.

Повернув голову, он внимательно посмотрел на красные угли жаровни, дым от которой шел ему прямо в лицо. Дым обладал приятным запахом. Он провел рукой по лбу. Хасан ибн Сабах склонился над ним, и его голос без остановки повторял:

– В рай… В рай.

Далекие мигающие звезды сгруппировались в созвездии Ориона. А рядом с ними выделялось яркое созвездие Близнецов. Отчетливо мерцал глаз Краба, далее были видны его клешни.

Омар повертел головой в поисках других созвездий. Да, все они были на положенных местах, но что-то было неправильно с небом. Он задумчиво посмотрел в круглое лицо золотой луны, низко висящей над горизонтом. Не должно было быть никакой луны на этом небе, меньше всего такой полной осенней луны. Кроме того, он почувствовал, что, если протянет руку, он сумеет коснуться ее лика.

Он с удовольствием вздохнул и почувствовал, что лежит. Его тело стало легким, а когда он садился, то двигался с легкостью, и при этом его голова, казалось, не освободилась от какого-то дурмана. Торжествующе он встал.

Плодовое дерево привлекло его внимание. Оно было завешано цветами, он вдохнул их аромат, и тот странный лунный свет показался ему всех цветов радуги. Но луны не существовало. Омар был совершенно уверен в этом.

Босыми ногами он почувствовал мягкую траву. Продолжая свое захватывающее исследование, он потрогал ее руками. Легкий шелк покрывал их, и эта неожиданная красота наполнила его восхищением.

Его внимание привлек звук падающей воды. С некоторым трудом, поскольку ноги не слушались его и не хотели двигаться в нужном направлении, он достиг источника воды, который оказался фонтаном.

По крайней мере, жидкость сочилась из скалы, и он наклонился испить из водопада. После того как он попробовал жидкость на вкус, он уже не мог от нее оторваться. В горле пересохло, а жидкость оказалась красным вином из Шираза.

– Хорошее вино из Шираза, – сказал Омар громко и прислушался к своим словам, улетающим в ночь.

Его блуждающий взгляд упал на льва с усмехающейся мордой. Без особого труда он направился ко льву и коснулся его твердой головы, столь же гладкой, как фарфор. Лев, однако, не двинулся. Омар влез ему на спину, а он тем не менее не пошевелился. Палаточник подождал, пока этот факт будет вне сомнений. Теперь он обнаружил три вещи относительно сада луны.

– Первое, луна – не настоящая. Второе, вместо воды – вино. Третье, этот царь зверей – из фарфора.

Придя к такому выводу, он почувствовал, что находится на пороге блестящего открытия. Но его ум внезапно утомился от логических рассуждений. Его ноги сами уводили его прочь ото льва к водоему, спокойному и манящему. Белые водные цветы пятнами покрывали его поверхность, и белый лебедь плавал вдали, спрятав во сне свою голову под крылом. Какая бесподобная поза для сна.

Он услышал звуки в саду. Замерев, прислушался, и никто не смог бы ввести его в заблуждение. То не соловей залетел в этот сад под луной. То было пение женщины. Подумав, он решил, что она играла на лютне. Ее было приятно слушать, но что-то в ее пении показалось ему знакомым.

Что действительно притягивало его, так это дом над водой. Возможно, он плыл или, возможно, был уже построен там, когда вода затопила местность. Независимо от того, как он оказался там, он там был. Если бы он только мог найти к нему проход.

Тростник опутал его ноги, и он упал среди зарослей. Вдали, чуть ниже деревьев, этот странный лунный диск не давал никакого света. Виноградные лозы охватили его колени, и некоторое время он пролежал без всякой надежды освободиться от них.

– О повелитель, – пожаловался он ночи, – кто понаставил тут эти ловушки, не ты ли сам призывал: «Смерть тем, кто упадет»?

Никто не ответил ему, и он думал, что, в конце концов, виноградные лозы не были его врагами. С их помощью он

подтянул себя к краю воды и увидел изящный мост. На другом конце моста плавал или стоял дом или понтон. Не с целью научного исследования, но дабы удовлетворить свою собственную прихоть он хотел войти в эту конструкцию, сияющую над водой.

На полпути посредине моста он увидел свою тень, идущую по воде, и замер, чтобы понаблюдать за ней. Когда его тень остановилась, он рассмеялся, потому что это было действительно забавно.

Дом мягко закачался, когда он вступил в его пределы. Он отодвинул занавес и пристально поглядел на другую, серебряную луну, лежавшую на ковре. Он прикоснулся к ней и обнаружил, что она была теплым круглым светящимся шаром. Но он не мог оторвать ее от пола. Кто-то пошевелился за его спиной, и чей-то голос прошептал:

– Сын Ибрахима.

Омар присел, услышав голос, на разбросанные подушки и осмотрелся.

– Нет, не сын Ибрахима, – объявил он, – а достопочтенный ходжа имам Омар, Повелитель Звезд и астроном султана. Поздоровайся, ночная бестия.

– Будь милосерден к своей рабыне! Смотри внимательно, я приветствую тебя.

Голос этой обитательницы рая был низок и необычен. Но ведь существа в ваших снах не говорят ни на персидском, ни на арабском. Они говорят с вами, и вы их понимаете.

Длинные золотистые волосы ниспадали с головы до колен. Пальцами он ощутил их мягкий шелк.

– Этот понтон дрейфует, – поинтересовался он, – через бесконечную ночь?

– Одна ночь похожа на другую.

– И луна, – Омар лукаво согласился, – никогда не меняет своего положения на небе. Она не восходит, она не заходит; она не рождается и не умирает. И демоны поют ей хвалу.

Неожиданно ему пришло в голову повернуть деву к себе лицом. Лицо на подушке было бледно, глаза смотрели на него без всякого выражения, а маленькие губы были безжизненны. Это расшевелило в Омаре воспоминания.

– Зоя, – выговорил он наконец, – и большая хорасанская дорога, и ночь, когда я плакал над Рахимом… Они забрали тебя, когда я был только сыном Ибрахима.

Тело Зои было прохладно на ощупь, оно лежало все еще в серебряном свете. Губы ее оставались холодны к его ласкам. Уткнув голову в ее руку, он задавался вопросом, что испугало ее и почему она обнажена. Но Зоя была красива, даже мертвая на

дрейфующем понтоне, в ночи, которая не будет иметь никакого конца.

– Я хотел тебя удержать, – размышлял он и внезапно улыбнулся. – Нет, я – не больше чем сын Ибрахима.

Испуг исчез во взгляде Зои, и ее губы улыбнулись. Она прижала его голову к груди и вздохнула. А спящий лебедь по-прежнему плавал по неподвижной воде мимо фарфорового льва. Омар наблюдал, как Зоя поднимает свою руку и тянется к свету. Она набросила что-то на источник света, и освещение стало тусклым, как сквозь стену палатки.

Зоя вновь обняла его. И на сей раз она не оказалась мертва, она была теплой и полной жизни.

Хасан хотел увидеть пробуждение Омара на второй день и посетил его. Когда он вошел в комнату Омара без предупреждения, маленький черный раб от страха покрылся мертвенной бледностью и сбежал. Тщательно закрыв дверь, Хасан расположился на ковре спящего и заговорил с ним тихим голосом, пока тот не проснулся.

– Где ты побывал? Расскажи мне.

Некоторое время Омар смотрел в потолок. Под глазами виднелись глубокие тени.

– Спал, – ответил он, – и мечтал. – Действительно ли это был сон? – Нет, только немного… не все.

– Тогда где же ты был?

Сотни раз Хасан задавал этот вопрос людям, разбуженным от подобного сна таким образом, и он ждал искреннего ответа.

«В раю», – в один голос произносили сотни людей.

– Это был, – Омар сказал задумчиво, – замечательный рукотворный рай.

Ни взглядом, ни голосом Хасан не выдал своего удивления.

– Рукотворный? – переспросил он.

– Да, луна висела слишком низко на небе.

– А что еще?

Омар улыбнулся воспоминаниям. Он полностью пробудился от сна.

– Обитательница вашего рая мне давно известна.

– Этого не может быть. Кто же она?

– Зоя из Византии, на понтоне на озере.

Хасан обладал удивительной способностью, редкой для людей, менять свои планы немедленно; кроме того, он мог делать это незаметно, не выдавая по внешним признакам своих намерений. Его шпионы уверяли, а их подбирали не по признаку невежества, будто Омар мог быть рабом своих страстей, особенно к вину и женщинам. С улыбкой он отклонил это предположение.

– Я полагаю, – в его голосе проявились иные нотки, – вы нашли вино в моем раю удовлетворительным?

– Ах, оно было прекрасно.

– Сожалею, что луна не доставила удовлетворения… астроному. К сожалению, свет дня не несет в себе иллюзий. Но мои фидаисты, мои посвященные, никогда не подвергали ее сомнению. После посещения рая они ничего так сильно не желают, как получить возможность возвратиться туда. Конечно, они все молоды. Ласиисты, сторонники, также жаждут этого. Что касается рафиков, некоторых из тех, кого вы встретили в Рее, я предполагаю, что они сомневаются относительно его космической природы, но они не получают из-за своих сомнений меньших наслаждений.

– А Рун уд-Дин и его компания даистов? Они посещают рай?

– Никогда. Они – мои мозги; библиотека и лаборатория – их сфера. Они находят свои собственные удовольствия. Теперь вы понимаете, что мои подданные разделены на различные классы.

– Вы назвали четыре.

– Обыватели составляют пятый, купцы, подобные Акроеносу, которые заняты вопросами торговли, вне этого мира. О, они делают на мне прибыль, занимаясь торговлей. Но они никогда не вступали во врата знания.

Омар подумал об Акроеносе, который лишь раз в жизни ступил так далеко – за ворота Аламута.

– Вы носите много имен, Хасан, сын Сабаха.

– Почему нет? Для обывателей и посвященных фидаистов я, по правде говоря, Господин жизни и смерти. Если вы сомневаетесь, то вы получите доказательство этого прямо сейчас. Они говорят обо мне как о Повелителе Гор, потому что наши цитадели строятся, подобно Аламуту, на высоких горных вершинах. Такие места могут обороняться малой численностью против целых полчищ.

– А рафики, что скажете о них?

– Фанатики новой веры, лучшие среди апостолов. Они знают меня как посланца Махди… как и вы в Иерусалиме.

– Но теперь я больше не знаю вас, – сказал Омар. Поднялся и прошел к открытому окну. – Во что верят два других ваших класса новообращенных?

– Два других? Я рассказал вам про все пять.

– Про пять, но не про все, – согласился Омар, оглянувшись через плечо. – В действительности их семь.

Веселые искорки мелькнули в темных глазах Хасана.

– На время я забыл, что вы математик. Помогите мне понять, почему вы сказали «семь».

– Разве вы не известны как семиричники? Ваши проповедники спрашивают неосведомленных, почему в неделе семь дней, а на небе семь планет, принимая в расчет Солнце и Луну. Я готов держать пари на дирхем против византийского дуката, что вы имеете также семь классов своих последователей.

Хасан улыбнулся его проницательности.

– Что ж! – пробормотал он. – Твое мастерство способно опустить сталь, которая режет насквозь! Акроенос клянется, будто ты стремишься к большой известности, но я утверждаю, что твое искусство достойно большего, чем просто известность. Какие еще тайны Аламута ты обнаружил?

Только на миг Омар почувствовал сомнение, смириться ли перед Хасаном или бросить ему вызов. Аламут не был местом, где принято демонстрировать слабость.

– Твой секрет чтения писем до того, как их доставит посыльный, – сказал он.

– Какая собака сказала, будто я использую обман? Какая еще ложь? – подозрительно взглянул Хасан на Омара.

– При чем здесь собака? Сокол принес эту весть для меня, на пути в Рей.

Омар пощупал пояс и вытянул оттуда серебряную трубку, внутри которой лежала записка о том, что он уехал по дороге в Рей.

Хасан поспешно прочитал записку и поглядел на крошечную трубу. Явное удивление стерло гнев с его лица.

– Алла и алла! Да, никто, кроме сокола, не мог перехватить почтового голубя в воздухе. Но какое везение… какая непостижимая удача на твоей стороне!

Он кивнул, словно принял про себя какое-то решение:

– Это правда, я использую почтовых голубей время от времени. Они приносят новости внешнего мира для меня сюда, в Аламут. Даже даисты ничего не знают о них. Они прилетают в деревню, не в замок… Но хватит! Давай уберем наши руки с эфеса борьбы и разорвем на части завесу разногласий между нами.

Приблизившись к Омару, он положил руку на его плечо:

– Твоя жажда познания стремится выяснить, что такое Хасан? Тогда слушай! Хасан – несчастная душа, когда-то познавшая жизнь. Нужно ли познать жизнь и ее смысл, если цари и их министры управляют душами так же, как и телами? Меня били кнутами подобно заблудшей собаке вооруженные охранники Каира; я испытал позор и был брошен на осмеяние вместо утешения, прежде чем я достаточно повзрослел, чтобы родить сына. Но в Каире я познал мудрость у ног первых лиц движения

исмаилитов, семиричников, как ты их называешь. Я переплыл море и присоединился к каббалистам, тем пожилым людям в Тиберии, выходцам из затопленной водой Галилеи. Достаточно об этом… я не люблю много слов, а ты также изучал тайны, когда звезды становятся тусклыми над утомленной Землей.

Хасан опустил голову:

– Я испытал отраву познания плода мудрости. Нет никакого Бога. Религии мира подобны стареющим женщинам; их красота и плодовитость ушли. Они сжимаются до сухих костей суеверия; скоро ничего не останется от них, кроме копны несгнивших волос и кожи и костей, которые сохраняются подобно драгоценным камням в гробницах и святынях. В чем величие Черного Камня Мекки, кроме того, что это странный камень, который подобен железу? Если бы я мог бы прокричать обращение к жителям земли, я сказал бы: «Свергайте все алтари и троны. Те, кто сидят на тронах, и те, кто охраняют алтари, – не больше, чем обычные люди, ограждающие себя, и только себя изгородями лжи. Это правда, что мусульмане, которые молятся Аллаху, – не более знающие, чем неверные, которые били поклоны солнцу в первобытные времена». Разве это не так?

– Я знаю, – согласился Омар, – что Малик-шаху ничто человеческое не чуждо. Но если вы скинете его с трона, кого вы возведете на его место?

– Сначала надо было бы покончить с троном и рабством. В тебе больше мудрости, чем в четырех Малик-шахах. Почему мы должны подчиняться и далее этому поклонению султану? Люди шли от невежества к знанию. В конце пути люди достигнут совершенных знаний… Итак, я создал перерожденцев, единомышленников, страждущие души. Тайно мы проповедовали новое знание.

На какое-то время Хасан замолчал.

– Ты видел библиотеку, и ты говорил с даистами. Ты понял, что мы ищем совершенство в нашем понимании всей сущности вещей. Но ты также понял, не отрицай этого, что большинство персов слышат и видят только Коран. Мы нуждались в новообращенных среди масс, поскольку несколько интеллектуалов никогда не смогут достичь совершенства в чем-нибудь, кроме как заключить себя в тюрьму или быть сожженными. Так, простолюдинам мы проповедуем пришествие Махди, который является старым суеверием в Персии. Интеллектуалам мы проповедуем научное просвещение.

Хасан пожал плечами, как будто объяснял неизбежное:

– Не сама ли жизнь наказала людям быть мудрыми? Разве Низам объявил своим муллам, что он доверяет вам в своем

познании мира?

– Он слишком осмотрителен, – Омар усмехнулся, – чтобы не поступить так.

– Вы найдете доктрину, превращенную Платоном в декларацию. Она – заслуживающий доверия принцип построения Вселенной. Если у вас есть свет, то вы должны иметь тень. В качестве дополнения к мужчине вы имеете женщину. Близнецы имеют одну судьбу. Так что наш тотем достигает единства противоположностей, мы имеем преданных новообращенных среди всех классов общества.

– Все же вы не брезгуете чудесами и колдовством.

– Почему нет? Это – самая высокая мудрость.

– Для обычного человека – возможно. Ваши почтовые голуби и обученные орлы поражают воображение.

– А для интеллектуалов, арифов, имеется более высокое мастерство волшебного. Некоторые искусства, которые я познал в Египте… – Хасан резко остановился. – Благодаря чему вы напророчили принцу, который теперь Малик-шах, смерть его отца и римского императора пятнадцать лет назад?

Уже готовый ответить, Омар инстинктивно почувствовал опасность.

– То чудо, – он сказал спокойно, – останется моей тайной.

– Как вам будет угодно. Я раскрыл свои тайны перед вами.

– Все, кроме одной.

Хасан пристально посмотрел на собеседника:

– А именно?

– Что это за два самых высоких класса вашего общества… те, что выше даистов, в Египте?

– Бисмилля! Я не говорил ничего про Египет.

– Нет, – согласился Омар, – но я подумал, что они могли бы там быть.

– Вы подумали! – Хасан стал прохаживаться по комнате. – Если это – праздная мысль, то каков ход ваших рассуждений? Ходжа Омар, в Вавилоне я восхищался вами, и в Иерусалиме я захотел увидеть в вас компаньона. С тех пор прошли годы, за это время я достиг многого, а вы остаетесь в том же самом положении, нет, я думаю, что отныне вы потеряли покровительство Низама. Ваша дорога не будет настолько легка теперь, принимая во внимание, что престарелый Устроитель Державы столь же раздражителен, как задиристый петух. Обдумайте, – добавил он, – что мы, созидатели новой веры, сделали для вас. Я поручил Акроеносу помочь вашему благополучию, и он сделал это искренне. В пустыне Евфрата он спас вас из рук смерти; он заполнил ваши дворцы роскошью, в то

время как он ждал и я ждал момента, когда вы должны возвратиться ко мне. Признайте, что я наблюдал за вашими действиями… как друг, ищущий вашей дружбы. Ваш новый календарь, ваши книги, обсерватория в Нишапуре – я восхищался каждым вашим достижением. Разве лидеры исламского мира оказывали вам подобное покровительство? Понимал ли Малик-шах вас, как делаю это я? Помните, что при перемене настроения или в минуту гнева султан может уволить вас, прогнать. В то время как для меня вы были бы незаменимы. Обдумайте это и идемте со мной, чтобы увидеть силу Аламута. Так, – и Хасан улыбнулся, – до сих пор ты видел все только глазами моих последователей. Теперь посмотри на мир моими глазами.

Омар не хотел ничего больше, кроме отдыха, потому что кровь странно пульсировала в его голове, а солнечный свет, который проникал сквозь амбразуру, танцевал вверх и вниз перед глазами. Противостоять острому уму Хасана было настоящим испытанием. Но Хасан, казалось, не был склонен дать ему время для отдыха. Вместо этого он повел его вниз, внутрь горы.

По коридорам, высеченным в известняке, Омар шел по пещерам, где в кузницах трудились люди, а другие нагнетали горнами печи, в которых выдували предметы из расплавленного стекла.

– Они привезли эти тайны из Египта, – объяснил Хасан.

– Почему стекло должно быть редкостью, только найденной в достаточном количестве для украшения стен султана? Мои торговцы продают его на базарах, где прежде продавались только кувшины из глины и блюда из фарфора.

Из цехов они спустились к складским помещениям, заполненным кувшинами с вином, ведрами с зерном и бочками меда. Вызвав раба с факелом, он вступил в помещение, где мешки риса были сложены до потолка.

– Достаточно, – сказал он, – чтобы прокормить моих людей в течение двух лет в случае осады.

На самом низком уровне подвалов они натолкнулись на деревянные бочонки возле черного входа в отверстие в скале.

– Прислушайтесь, – сказал Хасан.

Из прохода доносился плеск воды, падающей в водоем.

– Когда Земля была молода, – начал объяснять Хасан, – этот канал с водой, должно быть, был маленькой рекой там, наверху. Она пробила свой путь здесь и там через известняк, наделав множество туннелей и пещер, которые ты видел. Столетия назад какие-то люди нашли путь в верхние пещеры, и со временем они спрямили проходы и построили лестницы, по которым мы прошли. Да, они сделали здесь храм, в сердце горы, мы нашли их

алтарь. Пошли!

Омар понял, что Аламут на вершине горы мог быть не больше, чем любой замок, но в глубинах скалы он образовывал могущественный лабиринт. Странники могли проходить мимо из поколения в поколение, не подозревая о тайне горы. Тогда как тысячи людей могли жить здесь, не будучи замеченными.

Пройдя мимо одного из чернокожих часовых, который согнулся в поклоне при их приближении, Хасан открыл дверь в конце узкого туннеля, и Омар оказался снова в пещере каменного животного.

Здесь было достаточно тихо теперь, без отдаленной музыки и движения собравшихся фидаистов. Но желтое пламя вырывалось из трещины в скале перед живым даистом, где танцоры давали представление у когтей животного. Время от времени бородатая голова выделялась отчетливо на фоне теней; когда огонь исчезал, пещера погружалась в темноту. Омар заметил то, что он не почувствовал две ночи назад, – воздух был тепл и отдавал насыщенным запахом нефти.

Даже Хасан притих на мгновение, глядя на языки пламени.

– Кто знает его тайну? – пробормотал он. – Там, где-нибудь внизу, добывается нефть, схожая с той, что греки жгут в своих лампах. Но откуда взялось пламя здесь изначально и почему оно не меняется? Конечно, оно старше, чем обряд поклонения богу Ра в Египте; оно старше, чем Заратустра, и первые поклонники солнца молились ему, потому что оно казалось им наделенным волшебной силой. Да, они были язычниками-огнепоклонниками. Но не они создали этого крылатого быка.

– Нет, это явно работа древних персов, которые также боготворили огонь. Я видел статуи, подобные этому быку, на руинах дворца Ксеркса южнее Исфахана. Персы просто полагали, что эта часть земли священна, ибо здесь находилась святыня более раннего поклонения, и они воздвигли свое животное, чтобы умилостивить или укротить священный костер. Теперь я использую исламский ритуал здесь, с некоторыми собственными нововведениями, дабы поучать своих фидаистов.

Меланхоличное настроение покинуло Хасана, в нем снова проснулся циник. Его слова кололи как сталь.

– А почему нет? – рассмеялся он. – Не пророк ли Мухаммад объявил святым кусок скалы в Иерусалиме, который римские священники лелеяли, потому что иудейский царь Давид предавался на нем мечтам? А кому служила скала до Давида? Возможно, правоверным, возможно, была идолом неверных.

Буквально за какие-то мгновения Хасан переменился и повел себя как совсем другой человек. На выходе из пещеры он

повернул в темный проход, который Омар не заметил прежде. Теплый ветер подтолкнул их вперед, и Омар понял, почему огонь мог гореть, а воздух был насыщен кислородом внутри горы, – одни повороты сменяли другие, пока темнота наверху не стала полутьмой.

Скоро полоска синего неба стала видна где-то далеко наверху, а отвесные стены пропасти оказались по обе руки от них. Им приходилось подниматься по уступам обрушенной скалы, пока Хасан не зашагал по ровной поверхности в сторону яркого солнечного заката, свет которого был виден в конце пропасти. Тогда он остановился, воздев руки к небу:

– О мои посвященные! Пусть благословение небес будет с вами, а силы Аллаха укрепят ваши руки!

Он стоял над естественным амфитеатром. Позади него с обеих сторон зияла пропасть, сжатая стенами утеса, который был основанием Аламута. Амфитеатром в действительности служило плато на полпути вниз по склону горы. Оно было заполнено одетыми в белое фигурами людей, выбегавших из глинобитных хижин и падающих ниц перед Хасаном. Омар распознал сотни фидаистов, которые наблюдали танец меча в пещере. Этот выступ горы, очевидно, служил им жильем, и он думал, что должен быть еще один путь вниз с этого места в долину, расположенную у подножия горы.

– Мир нашему повелителю! – кричали они.

Эти голоса повторяли стены утеса. Хасан напоминал пророка, способного вести своих избранных к любой обещанной им земле. Он не затягивал момента; вместо этого он повернул обратно в ущелье, уводя за собою Омара.

Не замедляя темпа, он прошел от подножия своей цитадели до вершины. Омар вновь увидел солнце, когда они вышли на широкий вал, где ветер рвал их одежды.

Солнце заходило за горизонт, и три молодых фидаиста, как оказалось, часовые, отложили в сторону оружие, чтобы помолиться.

– Ты когда-либо прежде видел подобное чудо? – прошептал Хасан Омару. – Полюбуйся же.

Наклонившись к юношам, он положил свои руки на их плечи. Они смотрели, ни живы ни мертвы, в лицо своего повелителя. Их глаза пожирали его. Тут зазвучал его голос:

– Вот и ваше время пришло, рай ждет вас. Я освобождаю вас. Прыгайте!

Последнее слово было подобно щелчку кнута. Три стройные фигуры задрожали, но бросились к парапету. Омар видел одно лицо, преображенное рвением, а другое – искаженное

всевозрастающим ужасом.

Двое из фидаистов исчезли за парапетом. Третий колебался, его глаза были закрыты.

– Ты тоже, – убеждающе произнес Хасан, почти ласково.

Третий часовой скорее выпал, чем прыгнул в бездну. Сжимая парапет, Омар наблюдал за его уменьшающейся фигурой, летевшей вослед другим – три белых купола трепещущейся ткани, которые подпрыгивали от ударов о выступы утеса, чтобы потом исчезнуть в кронах деревьев на сотни футов ниже парапета.

– Вы видели, – Хасан сказал, сверкая глазами, – как они мне повинуются. Станут ли так повиноваться Малик-шаху?

– Я видел три жизни, выброшенные ни за что.

– Не совсем так. Что стоят три жизни сами по себе? Прежде чем это солнце, которое заходит сейчас, взойдет снова, тысяча человеческих личинок канут в небытие и будут забыты и еще тысяча будет порождена в этой навозной куче, которой является наш мир.

Ногой Хасан сбросил копья с парапета.

– Теперь ты узнал немного, совсем немного о моей власти. Станешь ли ты моим спутником и займешь ли свое место среди даистов? Твоя работа будет в области астрономии и математики, как и теперь.

– Здесь, в Аламуте?

– Нет, во всем мире. Как ты делал прежде. Проси то, что хочешь, – девушку Зою или книги из Александрийской библиотеки. Я обещаю тебе, а мои обещания не пустой звук, что все богатства и почести, которыми ты владеешь сейчас, – лишь малая толика того, что получишь ты из моих рук.

Омар посмотрел вниз, в темнеющую долину:

– А если я откажусь?

– Я не могу сейчас отправить тебя назад в Нишапур. Пока некоторые события не произойдут, ты должен будешь оставаться здесь, как и твое искусство предсказания. Позже, если ты этого пожелаешь, сможешь уехать.

На мгновение Омар притих.

– Дайте мне неделю, – попросил он, – для принятия решения.

– Конечно. – Хасан, казалось, вздохнул облегченно. – В конце недели я буду ждать твоего ответа. До тех пор мои рабы в пределах этих стен – твои, командуй.

Оказавшись в своей комнате, Омар вздохнул с облегчением. Впервые ему было хорошо побыть одному, и он узнал некоторые удивительные вещи. Он был восхищен гением Хасана. Но в то же время он задавался вопросом, как лидер новой религии добывал богатство, необходимое, чтобы поддержать все это. Хасан

упомянул некоторые статьи торговли, и, конечно, такие, как Акроенос, умели делать прибыль даже на смерти верблюда от чесотки; но Хасан должен был иметь какой-то иной источник богатства, о котором он не хотел рассказывать.

Реплики Газали, образы, всплывающие в уме: «Любое святое место честнее, чем сам обряд богослужения».

Если бы люди были в действительности не больше чем животные, наделенные разумом, то новая религия Хасана оказалась бы по логике лучше, чем ожидалось, – иерархия ученых умов, возглавляемая одним лидером, идущим к недостижимой цели.

– В конце концов, – сам себе возразил Омар, – республика Платона показалась бы более глупым местом. Это множество ученых, спорящих о счастье.

Не было бы столь уж плохо пожить в Аламуте с такой спутницей жизни, как Зоя, в месте, напоминавшем мировую обсерваторию всего мира. Ему не пришлось бы дискутировать с Низамом, или Газали, или своей собственной совестью. И это принесло бы облегчение. Но он обнаружил, что не желал бы становиться слугой человека, подобного Хасану.

Если бы он пошел на службу к Хасану, он не смог бы завершить свою собственную работу. А он только начал проверять теорию, что Земля вращается вокруг своей оси вместо пребывания в неподвижности в центре Вселенной.

«В любом случае я не думаю, что Хасан освободит меня, – размышлял он. – Нет, он не решится на это после всего виденного мною. Меня станут содержать здесь как пленника. Это неоспоримо. Выходит, я буду вынужден бежать прежде, чем неделя закончится». Приняв решение, он с сожалением подумал об очаровании Зои.

Прежде всего Омар задумался о неизвестном ему наркотике. Это странное искажение его чувств и последующие видения приходили не только от употребления вина, он знал возможности вина слишком хорошо, чтобы грешить на него. Средство, которое действовало на его мозг, было более сильным; оно исходило от дыма жаровен и кубков, из которых он пил. Он хотел бы избавиться от этого, потому что ему было необходимо мобилизовать все свои способности[35]. Было достаточно просто притвориться впавшим в гнев и приказать, чтобы невысокий черный раб никогда не ставил жаровню в его комнате. Но он подозревал, что, если бы он вдруг отказался от пряного вина, приносимого в его комнату, наркотик стали бы вводить каким-то другим способом. Невидимые наблюдатели должны были пребывать в уверенности, что он принимает наркотик ежедневно.

Поэтому он заявил, что ему мало вина, приносимого в его комнату в полдень и ночью; он возжелал флягу драгоценной жидкости, чтобы та всегда была подле него. Большая фляга была принесена. Хасан, должно быть, желал, чтобы в течение этой недели он не освободился от приема наркотика, и один кубок из фляги убедил Омара, что жидкость имела тот же самый ошеломляющий эффект, как и даваемые ему с самого начала наркотики.

– А теперь, – обратился он к фляге, – каждую ночь долина должна пить из тебя.

Когда стемнело и чернокожий раб вышел из комнаты, Омар наполнил ковш из фляги и вылил принесенное вино через амбразуру, не пригубив его. Но, когда лег спать, он обнаружил, что он жаждет его, уже привыкнув к наркотику.

Было трудно лежать и чувствовать аромат фляги рядом с собой. Раз он встал и пошел к ней, усилием воли вернув себя обратно. На своем стеганом одеяле лежал он без сна, все тело его дрожало от напряжения.

Следующей ночью, хотя он испытывал прежнее желание, он даже не пошевелился в сторону фляги и не прикасался к ней, а на четвертую ночь он спал уже, как обычно, без мысли об этом зелье, снова и снова размышляя о власти этого зелья над человеком.

Тем временем, прикрываясь научными наблюдениями за небом, он исследовал стены Аламута по всему периметру, не обнаружив места, где было бы возможно спуститься вниз. В исторических книгах он читал достаточно часто об изворотливых пленниках, которые ткали веревки из женских волос или рвали на полосы одеяла и спускались по таким стенам, но, казалось ему, такие истории было легче рассказывать, чем реализовать их на практике.

Несколько раз он рисковал спуститься вниз в подземные проходы, но тотчас его поворачивали обратно вооруженные охранники у двери храма огня. Эти охранники не могли ничего сообщить, потому что они были немыми. И он убедился, что в пределах замка не использовалось никакого оружия, только огромные негры и фидаисты, охранявшие стены и ворота, ходили вооруженными, но они уносили свое оружие с собою, когда уходили с дежурства.

Он не мог пройти в расположение фидаистов. И подкупить какого-нибудь из охранников. Легче было договориться с тигром. Кроме того, они всегда отправлялись в наряд группой из трех или семи человек.

«Логика проста, – размышлял он, – если я не могу пройти через стену или под нее, я должен пройти через одни из ворот».

Большие входные ворота ночью закрывались. Фонарь пылал над ними, и семь фидаистов сидели там на часах. Только однажды Омар увидел, как кто-то выходит ночью через маленькую заднюю дверь с другой стороны внутреннего двора. Этим человеком был высокий даист, он показал письмо трем охранникам, которые отпирали для него заднюю дверь.

Когда Омар вышел из своей комнаты после наступления сумерек, он почувствовал, что за ним по коридору следовали наблюдатели. Побег ночью оказался невозможен.

– Тогда это должно быть днем и через главные ворота, – обнадежил он себя.

Задняя дверь была заперта от восхода солнца и до заката.

После этого Омар взял за правило дремать на крыше павильона, откуда он мог наблюдать ворота большую часть дня. Он не видел ничего, что могло бы вселить хоть какую-то надежду. Ни лошадям и ни людям не позволялось появляться в пределах ворот; когда сельские жители подвозили продовольствие, они оставляли его у ворот для фидаистов, которые затем все вносили внутрь. Время от времени вооруженные группы фидаистов появлялись из подземелья и выходили через ворота. Этим же путем входили другие фидаисты. Реже, по одному или по двое, даисты либо входили, либо выходили, но они всегда направлялись с миссией из Аламута и, возвратившись, шли на доклад. Хасан не появлялся вообще.

Все же повелитель Аламута проходил через ворота, ежедневно и никем не замеченным. Омар никогда не вычислил бы его, если бы тщательно не изучал каждого проходившего.

В течение трех дней, несколько позже полудня, когда стоял палящий зной, Омар наблюдал, как один и тот же высокий даист, который проследовал через заднюю дверь в первую ночь, выходил через главные ворота в одиночестве. Спустя полчаса он возвращался и пересекал внутренний двор, чтобы исчезнуть внутри замка. Эта регулярность возбудила в Омаре повышенный интерес – так же как и некоторая развязность в его походке. Когда Омар разглядел его руку, протянутую, чтобы открыть внутреннюю дверь, он признал Хасана в платье простого даиста. Хасан опускал глаза, надевал на руки перчатки и походил на китайца. Даже опушенные плечи и узел из иссиня-черных волос на голове – все, как у китайца. Но он не мог изменить свою руку, и он не стремился изменить свою походку, а Омар обладал безупречной памятью на такие вещи.

«Но почему он маскируется, чтобы пройти сквозь собственные ворота? – задумался Омар. – И почему он выходит в один и тот же час?»

Ответы пришли к нему тотчас. Рафики упоминали, что Повелитель Гор приходит и уходит незаметно. Очевидно, Хасан любил впечатлять своих последователей своими магическими возможностями. К тому же сам Хасан дал промах, сообщив, что его почтовые голуби содержались в деревне, так как он не хотел, чтобы обитатели Аламута знали, как он получает и посылает сообщения. Вот почему он тайно уходил каждый полдень, чтобы посетить голубятню в деревне.

Для фидаистов и обывателей за стенами замка он казался одним из даистов, то же самое и для самих даистов. Омар улыбнулся, оглядевшись вокруг. В этот час все спали или были на работе, где-то внизу, в скале. Если они случайно и замечали Хасана, они, вероятно, принимали его за какого-то нового члена сообщества из внешнего мира.

Омар, который составлял диаграммы видимых наполовину звезд, смог вывести из увиденного и другой факт. Фидаисты не могли знать всех даистов в лицо и по голосу.

– Путь к спасению, – сделал вывод он, – это пройти через ворота в одежде даиста походкой Хасана.

После полудня на следующий день он постарался раздобыть такой наряд. Рун уд-Дин неоднократно просил его дать ему райского вина, и Омар помнил, с каким вожделением Рун уд-Дин схватил ковш вина с наркотическим зельем во время танца меча и как Хасан сказал, что ученым не разрешено посещать рай. Он попросил Рун уд-Дина заглянуть к нему в комнату и тщательно закрыть за собой дверь.

Он не должен был спешить, наливая вино из новой фляги в ковш. Поднимая его к губам, он улыбнулся низкорослому философу:

– Райское вино!

Рун уд-Дин торопливо подошел к фляге, причем его глаза просто пожирали флягу.

– Это… это то же самое вино?

Омар предложил ему ковш:

– Попробуй, может, это не то же самое.

Взглянув на дверь, Рун уд-Дин мелкими глотками отведал его и вздохнул с облегчением. Через мгновение ковш был пуст и краска залила его полные щеки. С отвращением он вернул пустой ковш.

– Есть еще, если оно тебе нравится, – обронил Омар небрежно.

К тому времени, когда и третий ковш был наполовину пуст, коротышка уже лежал, вытянувшись на стеганой подстилке с полузакрытыми глазами. И он говорил без остановки, его речь

становилась сбивчивой. Омар, сидевший рядом, спросил спокойно, как будто они обсуждали все это в течение некоторого времени:

– У Хасана есть золото и власть, откуда они?

– Страх. Страх перед кинжалом, который может убить, а может и помиловать. Он учил нас, что люди боятся неизвестного больше, чем известного. Вот в чем его секрет.

Рун уд-Дин поднялся на локте и отыскал взглядом ковш, схватил его и выпил содержимое залпом.

– Хвала Аллаху! – пробормотал он и погрузился в одурманенный сон, тяжело дыша.

Через несколько минут Омар скинул свою верхнюю одежду и надел на себя красного атласа халат, шлепанцы и квадратную бархатную тюбетейку, которые снял с бесчувственного тела Рун уд-Дина.

Халат был несколько маловат, но свободные рукава и широкие полы выглядели достаточно хорошо.

Выглянув из амбразуры, Омар разглядел, что полдень еще не наступил. Но вероятно, Хасан уже возвратился из деревни.

Набросив просторный халат бывшего бухарского торговца лошадьми на Рун уд-Дина для маскировки на случай, если случайно кто-то заглянет в его дверь, Омар втянул руки в рукава и вышел в коридор. Вдали он мог слышать голоса, но никто не двигался по коридору.

Бесшумно передвигаясь, Омар подошел к двери во внутренний двор. Без лишней спешки он вышел через нее, нагнув голову, как будто он о чем-то задумался. Его голова ощущала некий дискомфорт от отсутствия традиционного тюрбана. Яркий свет внутри двора, построенного из известняка, ослепил его.

Пара рабов проследовала мимо него с флягами. Ворота перед ним казались бы совсем пусты, если бы не охрана. Сердце Омара билось тем чаще, чем ближе он подходил к воротам.

Командир фидаистов с саблей на поясе посмотрел небрежно в его сторону. Никто не пошевелился и не проявил признаков беспокойства. Нестерпимая жара, отражаясь от стен, звенела в воздухе. Еще четыре шага, и он пройдет ворота, подумал Омар. Один… Два… Три… Четыре…

– Пароль? – раздраженно спросил командир охранников и добавил: – О, господин?

У Омара перехватило дыхание.

Он не слышал ничего и не подумал заранее о пароле. Все же не следовало колебаться.

– Я не могу вспоминать его. Наш повелитель лично послал меня… – он судорожно искал в памяти возможную причину, – в

деревню… С посланием для голубиной почты…

Он нащупал под одеждой из атласа и вынул из своего пояса безошибочно распознаваемую серебряную трубку голубиной почты Хасана.

– Посмотрите, вот оно, и я не должен задерживаться…

Охранники из тени поглядели с любопытством, а их капитан выглядел озадаченным, как человек, обученный пользоваться оружием по приказу, а не думать. Омар быстро сунул трубку в его руку.

– Ты подержи ее, а я сбегаю за почтовым голубем и возвращусь с ним. Но не потеряй послание, или гнев повелителя падет на твою голову.

Воин осторожно схватил трубку, потеряв дар речи.

– Яалла! – пробормотал он. – Только побыстрее!

Омар устремился вниз по дорожке, оставляя охранников, сбившихся в кучу у залога его возвращения, и, как он и обещал, он не потратил впустую ни минуты. Со стен замка по отдельным признакам он определил, что лошади содержались в деревне и что караваны прибывали и проходили мимо по нескольким дорогам. В глубине души он просил Всевышнего не допустить встречи с Акроеносом или кем-либо, кто знал его в лицо.

Пробираясь через кипы сена и кучи навоза, он добрался до голубятни, вокруг которой кружили птицы. Только крестьяне и люди незнакомых ему племен сидели в тени вдоль улицы. Первому попавшемуся человеку внутри двора дома Омар прокричал:

– Двух голубей в клетке, живо!

– Ах, господин хочет голубей из Аламута или…

– Молчать! Это приказ Шейх аль-Джебала.

Человек смотрел озадаченно, ничего не понимая, то ли потому, что Хасан никогда не посылал за голубями, то ли потому, что упомянутое имя напугало его. Он неуклюже двинулся к рядам плетеных клеток.

– И оседланную лошадь из стойла. Хорошую лошадь! – Омар крикнул вслед нетерпеливо. – Пошли кого-нибудь.

Было необычайно трудно праздно вышагивать взад и вперед в то время, как хранитель голубей громко кричал через улицу, что господин в красном халате потребовал прекрасного быстрого коня из стойла, и немедленно, или громы и молнии падут на их головы. Сонные люди собирались, чтобы выглянуть за ворота внутреннего двора, пока хранитель не подошел к Омару с маленькой плетеной клеткой и веревкой, чтобы закрепить ее у седла.

– Все как приказал благородный господин. Смотрите, на

одном пере вырезан квадрат на внутренней части крыла, а также круг красными чернилами здесь, на хвосте. По этим знакам господин отличит голубей от других, если господин желает знать.

Почти одновременно привели лошадь, так и стремящуюся встать на дыбы, и Омар, прекратив разговор о голубях, вскочил в седло. Он наклонился вниз, поднял клетку с голубями и, зная, что на службе у Хасана не благодарили за помощь, сжал узду и взял галопом с внутреннего двора.

На главной улице деревни он повернул направо, прочь от реки. Акроенос привез его по дороге, шедшей вдоль реки, и он помнил о наличии там охраны. Куда ведут другие дороги, он не знал, но все они шли прочь от Аламута, и единственная цель, которую он себе поставил, была пройти как можно большее расстояние от Хасана засветло.

Двигаясь по следу, протоптанному ногами верблюжьих караванов, он спустился в узкую долину. В засаде из валунов внезапно возникли воины с поднятыми копьями. Но, пристально приглядевшись к его одежде и лошади, на которой он сидел верхом, они снова присели, прокричав приветствие:

– Хода хафиз!

– С вами Аллах! – прокричал им в ответ Омар.

Как только он скрылся из поля зрения заставы, он пустил свою лошадь в галоп, перепрыгивая камни и петляя среди гигантских сосен. Внезапно он расхохотался.

В той трубке почтового сообщения, которую у него забрали в воротах Аламута, лежала записка, которую он нашел там вначале: «Омар Палаточник двигается в Рей».

В сумерки, на взмыленной и прихрамывающей лошади, он спустился с гор и выехал на равнину. Было достаточно светло, чтобы увидеть белую ленту дороги там, где заканчивалась верблюжья тропа, и около нее разрушенную могилу, руины которой освещались огнями из крестьянских лачуг.

Спешившись у первого же костра, он нашел старшего в хозяйстве и потребовал свежую лошадь.

– Я еду по делам службы для Шейх аль-Джебала, – сказал он, предположив, что эти люди у подножия горы обслуживают людей Хасана.

– Кто это, – переспросил старый крестьянин, – кого упомянули?

– Тот, что в Аламуте.

Пошептавшись все вместе, крестьяне ушли от огня, забрав лошадь Омара. Из ночи вышла маленькая девочка и уселась рядом с клеткой для голубей, поскольку она была уверена, что странник не видит ее. Она просунула свой пальчик в клетку и

коснулась крыльев птиц.

Омар сидел, обхватив голову руками, слишком уставший, чтобы думать о еде. Он сбежал из Аламута, но не надеялся, что сможет уйти от возмездия слуг Хасана.

– А как, – спросил детский голос, – вы заставили их войти в этот плетеный дом?

Когда Омар посмотрел на нее, она отодвинулась в испуге. Однако ей не хотелось оставлять голубей.

– Я вижу их, – прошептала она, – когда они летят там, высоко в небе. Иногда они сидят на деревьях, но, когда я подхожу, они улетают.

И ее голос сорвался от горя.

– Они клюют зерно в полях, но они не хотят подождать, чтобы поиграть со мной, – объяснила она через некоторое время.

– Ты хотела бы, – внезапно спросил Омар, – чтобы они спустились с небес и играли у твоих ног?

– О да, – выдохнула она, хлопнув в ладоши.

Омар поднял влажную глину из-под своих ног. Где-то близко был водоем, и глина была перемешана ногами животных, идущих на водопой. Взяв еще одну пригоршню глины, он сжал их вместе на короткой палке и слепил тело и голову голубя. Маленькая девочка с интересом придвинулась ближе, чтобы лучше видеть, что он делает.

Затем Омар воткнул две небольшие палки в глиняного голубя вместо ног и отложил его в сторону.

– Жди, – сказал он ребенку, – и после того, как солнце высушит его завтра, поставь около воды. Другие голуби спустятся с неба, чтобы поговорить с ним. Но ты должна сидеть не двигаясь и не бегать за ними.

– Ай, как он похож! – воскликнула девочка убежденно.

Когда крестьяне привели свежую лошадь, Омар заметил, что это была не рабочая лошадь с фермы. Он выпрямился и поднял плетеную клетку.

– Скоро ли прибудет день, – прошептал старший, держа его стремя, – день, который еще не настал?

– Нех ми данан, хода ми данад. Я не знаю; только Аллах знает.

Омар ехал всю ночь. Когда он увидел окруженный стеной город, в котором он признал Касвин, он объехал его кружным путем и выехал на большую хорасанскую дорогу, по времени всадники из Аламута могли быть вполне в Касвине и искать его.

Когда первые лучи солнца коснулись отдаленных гор и тень на равнине отступила к серым предгорьям, непреодолимая сонливость напала на него. Придерживаясь за луку седла, он

начал кивать головой, и утомленная лошадь замедлила бег. Мозг Омара Хайяма уверял его в том, что он был на пути к Рею, на долгой хорасанской дороге, по которой путешествовал Рахим, ведя его в неизвестность. Голуби из глины шли по равнине пустыни, и почему-то дети принимали чудеса за истину, пока им не объяснили свои сомнения старые и застойные умы. Голуби из глины мчались по небу, неся сообщения об опасности. Их крылья бились и бились в его ушах…

Глухо ударили копыта рядом с ним, он очнулся, когда голос прокричал на арабском языке:

– Кто ты, человек?

Пыль зависла в ярком солнечном свете; множество всадников в свободном платье и головных уборах жителей пустыни ехали мимо него, а некоторые остановились взглянуть на него. Омар также глядел на свой пыльный красный атлас.

– Странник, – ответил он, – странник с Крыши мира, ищу двор великого султана Малик-шаха.

– О, господин Омар! – прозвучал знакомый голос. Сгорбленный человек сполз с седла, чтобы схватить Омара за колено в приливе радости. Не узнаешь ли ты Джафарака?

– Нет, – Омар улыбнулся, – Джафарак – в Каср-Качике.

– Нет, – шут засмеялся, – армия вернулась. Всадники Малик-шаха возвратились из Самарканда, так что я присоединился к ним, чтобы поискать тебя в Рее.

Проходящий мимо верблюд остановился и стал на колени, выражая протест, и с устроенного на его горбу сиденья поднялась женщина, устремившаяся между лошадьми к Омару.

– Мой господин! – кричала Айша. – Аллах сохранил тебя. На рынке Рея нам сказали, будто тебя похитили неизвестные дьяволы.

Она ухватилась за стремя Омара.

– Они изменили твое лицо… Что случилось с твоей бородой?

– О господин! – Это уже Исхак-привратник упал на колени. – Как я мог предотвратить это? Эта молодая персона не усидела бы и в золотой клетке. Она науськивала Джафарака последовать за тобой и поехала, не зная стыда, по людской дороге. Я сказал себе: «Вся тяжесть ответственности ляжет на твою голову, Исхак, надо спасать своего господина. Она не остановилась и в Рее, она пошла к командующему этими арабами, а он пошел к нашему султану, на котором лежит благословение Али и Абу Бекра, и наш султан повелел: «Найти Омара Хайяма, если даже он будет в снежных горах или в морской пучине».

– Замолчи, болтун! – прошипела Айша, которая не испытывала никакого смущения от появления в обществе

стольких мужчин. Арабские солдаты скромно поворачивались к ней спиной при ее появлении. – Это не твоя заслуга, что наш господин цел и невредим. Ты ведь совал свой нос за ворота и принимал серебро от шпионящих евнухов.

– Хватит ссориться! – сказал Омар серьезно, увидев приближающегося командира конников.

Даже Айша отвернулась, когда молодой красавец коснулся головы и своего пояса в приветствии, поглядывая озадаченно на странную одежду Омара.

– Скажи, – потребовал он, – господин, ты действительно астроном султана?

– Да, это так, – подтвердил Омар, думая, как объяснить свой внешний вид. – Я боролся с магами в тех горах, вон там, и я бежал в их одежде.

– Валлаи! Какой удивительный и необычный день! – Любопытство араба сменилось скрытой тревогой, и он натянул поводья. – Теперь слушайте приказ султана. Ты поедешь со мной прямо к султану.

– Как повелел султан. – Омар надеялся возвратиться в «Обитель звезд» в Нишапуре. – Где его лагерь, о вельможа?

– Он едет в Исфахан, и мы последуем туда.

Когда он устроился в носилках на горбе верблюда, на месте Айши, и его одолела сонливость, девушка откинула чадру и вздохнула свободно.

– Теперь ты в безопасности – ты узнаешь, что такое путешествие под охраной тысячи сабель, защищающих твой путь назад, и под покровительством султана, открывшего путь к тебе… Были ли женщины среди тех магов в горах?

Омар закрыл глаза:

– Только девушка-привидение, плачущая на плоту, который плавает по райскому озеру.

– Рай! Неужели тебя увезли из мира живых туда, в царство духов?

– Это был только сон, Айша. Действительно же истинным раем станет лишь краткий отдых на этой дороге жизни.

Айша притихла, обдумывая сказанное. Затем она обняла его и прижала губы к его уху:

– Низам ал-Мулк отстранен от своего поста. Именно поэтому султан призывает тебя.

Омар подумал, что Айша, должно быть, ошибается. Низам, который управлял империей сельджуков в течение двух обычных человеческих жизней, отстранен от должности!

– Это произошло из-за письма, – добавила она, видя его сомнение. – Ты, как никто, знаешь, как могуществен стал Низам,

который даже своих внуков назначил управлять городами. Хорошо, кто-то написал султану: «Низам – твой визирь или он делит с тобой твой трон?» И Малик-шах в гневе сказал Низаму, что отныне он, носящий корону, будет управлять без него, носящего тюрбан.

Омар был в замешательстве. Если бы он с самого начала повиновался Низаму и убедил Малик-шаха в том, что звезды предсказывают ему неудачу, если султан вернется в Хорасан, то Малик-шах мог бы не позорить престарелого визиря.

– Письмо, – продолжала Айша, – принес голубь, прилетевший с тех гор.

После того как она сказала об этом, Омар затих. Когда они остановились в первом окруженном стеной городе на исфаханской дороге, он спустился с носилок и попросил Исхака принести одного из голубей из плетеной клетки, которую он поручил заботе привратника. Когда ему принесли предметы для письма и трубочку для записки, он написал на маленьком квадратике бумаги: «Я принял решение. Твоя дорога не станет моей, но о том, что видел в твоем доме, я ничего никому не скажу, пока никто не станет наносить вред моему дому».

Эту записку без обращения и подписи он скатал в трубочку и привязал к ноге голубя, у которого было подрезанное перо и красная метка. Это означало, что птица была действительно из аламутской пары. Когда он подбросил голубя в воздух, тот взмыл и сделал один круг над городом. Затем он повернул на север, к далеким горам.

Айша и Исхак, заинтригованные его приготовлениями, наблюдали за ним с открытыми ртами.

– Он полетел прямо в обитель магов, – заметила рабыня.

– Похоже на то, – расстроился привратник. – Это либо просьба, либо заклинание. – С джиннами лучше так иметь дело. Еще никто не вернулся, войдя в берлогу медведя.

Часть пятая

Глава 1

Улицы Исфахана в конце южной дороги и подвалы Сына Огня

Для Айши город Исфахан казался сплошным праздником. Шелка на базаре радовали глаз своим неповторимым блеском. Она покупала в больших количествах оранжевый, и фуксиновый, и великолепный пурпурный, в то время как Исхак, присматривавший за ней, ворчал, что это не вписывается ни в какие рамки, когда позволяют симпатичной рабыне делать самой покупки на базаре. Ее слух обострялся, заслышав любую сплетню, передаваемую шепотом, а в Исфахане сплетен передавалось хоть отбавляй. Все это было намного увлекательнее, чем сидеть в одиночестве в пустынном саду. Даже Исхак получал удовольствие от сознания своей важности – он нанял пару стражников, чтобы сопровождать их на всякий случай тогда, когда он не сидел в парадной форме у дверей нового дома Омара.

Его господин стал единственным фаворитом Малик-шаха, и вход в его дом оказывался в настоящей осаде от соискателей покровительства. Их лошадей и конюхов можно было видеть с рассвета и до вечерней молитвы. Исхака распирало от счастья, когда он продержал весь день камергера Сипаф-силара, командующего всеми армиями империи, пришедшего с просьбой, пока Омар не закончил чтение одной из своих книг.

– Не вытягивай ноги дальше своего коврика, – предостерегал Джафарак привратника, когда Исхак рассказал ему об этом, – а то ты узнаешь, как жалят скорпионы.

– Да ладно, мои ноги никогда не окажутся там, где должна быть голова.

Джафарак проводил время в скитаниях по пустым переулкам, и это казалось Исхаку безмозглым времяпрепровождением, когда у ворот дома Омара можно было делать большие деньги, поскольку каждый исфаканец, который приходил к дому Омара с просьбой, давал небольшую мзду привратнику. Исхак сильно сожалел, что его хозяин уделяет просителям так мало внимания.

Вместо того чтобы полностью игнорировать голытьбу, подыгрывать именитому дворянству и ради выгоды устанавливать связи с купцами, Омар слушал их с безразличием и разговаривал резко и бесцеремонно. Он даже умудрился уверить их, что не является тайным советником, когда все посетители прекрасно знали, что к нему прислушивается даже сам Малик-шах.

– Это все потому, что он не может бросить свою тяжелую

работу со звездами, – пришел к заключению Исхак, – он сердится. Вот ведь как, он самый разумный из ныне живущих, а все равно не знает, как ободрить эмира, который хочет купить пост лекаря султана. Валахи, что за несчастье!

Айша не задумывалась над этим, но она инстинктивно понимала, что, если Омар станет обычным царедворцем, Малик-шах перестанет доверять ему столь безоговорочно. По ее мнению, самым правильным было просто получать покровительство человека, который в одночасье мог поставить четыреста тысяч сабель под свои знамена.

Она любила сидеть на затененном балконе их дома, наблюдая за площадью перед домом, когда Малик-шах прибывал посмотреть игру в поло где-то за полдень. Тогда она могла восхищаться тюрбанами высокопоставленных эмиров, кичливо украшенными драгоценными камнями, плащами из дамаста или шитыми золотом, да и самим султаном, сидевшим напротив под атласным навесом, с Омаром, стоявшим подле него. Всадники гоняли мяч, пытаясь попасть в тяжелые мраморные ворота, с криками и звоном, издаваемыми музыкантами, когда игра заканчивалась по единому слову Малик-шаха, – все это, казалось, только усиливало положение Омара. Айша надкусывала обсахаренный имбирь и ревниво наблюдала за другими прикрытыми чадрой женщинами, которые, как ей казалось, ловили взгляды астронома султана.

Только когда она услышала, как он разговаривает с закутанным в шерсть суфием, сидя на крыше в одну из ночей, она запротестовала. Суфий заявил, что во все времена только Аллах знал, чему суждено быть.

– Следовательно, он знал, что я буду пить вино, – сказал Омар. – Тогда мне не остается ничего иного, как подчиниться ему.

Это напугало Айшу, и, когда суфий ушел, она подошла к Омару и прижалась щекой к его рукам:

– Ты плохо себя чувствуешь, о мое сердце, если высмеиваешь то, что предначертал Аллах. Посмотри на благополучие и роскошь, которые он обрушил на твою голову.

Он сразил ее своим взглядом – рабыня испугалась его демонического взгляда.

– Когда ты умрешь, Айша, сможешь ли ты забрать это богатство и роскошь с собой?

– Я не знаю, – ответила она, задумчиво трогая пальцами серебро на своих запястьях.

– Радуйся тому, что у тебя есть сейчас, поскольку, поверь мне, второй жизни не будет.

Губы ее дрогнули, и она сдержала всхлипывание.

– Не переживай, Айша, – он взял ее за подбородок, – я не променяю тебя на все обещания рая.

– Даже на призрак, который ждет на плоту на озере?

– На кого? О… – Омар задумался и покачал головой. – Даже на нее.

Вдохнув удовлетворенно, Айша провела пальцем по его лбу, носу, губам. Но она продолжала ежедневно посещать самую большую мечеть и молиться. В глубине души она надеялась, что после того, как окончится ее жизненный путь здесь, на земле, ей будет позволено встретиться с Омаром в раю. Мысль, что неверная, сотканная из мечты златовласка, может ожидать его у порога рая, чтобы заключить его в страстные объятия, наполняла ее беспричинным гневом.

Малик-шах не проявлял стремления освободить Омара от необходимости присутствовать на государственном совете. После смещения Низама султан сконцентрировался на постижении административных знаний под руководством своего астронома. Он полагал, что рост могущества империи и его собственные победы были достигнуты благодаря предсказаниям Омара. Без сомнения, в основе его деяний лежало провидение Всевышнего, но чтение по звездам определяло для него, что он должен делать.

– «Провидение доступно Аллаху единому», – прочитал он вслух однажды в Коране. – И здесь еще сказано: «И хотя мы посылаем ангелов к ним, и духи умерших говорят с ними, но не верят они, пока Всевышний не повелит им».

– Но если мне не суждено читать знамения правильно, о повелитель Востока и Запада, – что из того? У человека только одни глаза, чтобы видеть, и он может часто ошибаться.

Малик-шах задумался и покачал головой:

– Сила Кааба, мне не следует этого бояться. Предсказатели со скудным умишком могут ошибаться, но ты достаточно преуспел в познании звезд. Каким образом может случиться, что ты ошибешься в простом их осмотре?

Малик-шах просто выкинул эту тему из головы.

– Гляди, здесь написано, что даже у пророков есть враги, дьяволы и джинны, которые живут среди людей. Я, который является просто султаном, по воле Всевышнего имею намного больше врагов. Поэтому я больше нуждаюсь в правильных предсказаниях.

Закрыв тяжелые страницы Корана и приняв молчание Омара за знак согласия, он задумчиво добавил:

– Рядовой астролог мог бы быть подкуплен, чтобы сказать неправду. Такие мысли время от времени приходят мне в голову.

Но я знаю, что целая башня золота не заставит тебя сказать «да», когда ты считаешь «нет».

Омар молчал. Никакие аргументы были не в состоянии поколебать веру султана в звезды.

– Низам ал-Мулк никогда не предавал вас, мой господин, – произнес он решительно.

– Низам забрал в свои руки слишком много власти, принадлежащей трону. – И, как будто что-то вспомнив, Малик-шах перевернул страницы Корана и вынул небольшой клочок бумаги. – Это касается тебя, – добавил он.

На клочке бумаги было короткое послание, выполненное красивым, но торопливым почерком: «Если Палаточник напялит на себя одежды пророка, внимательно присмотрись, не шакал ли это в шкуре льва».

– Мне нет необходимости присматриваться к тебе, – заметил Малик-шах прежде, чем Омар смог что-либо вымолвить. – Я знаю тебя очень хорошо. С той битвы у Маласгирда наши судьбы переплетены слишком тесно.

Забрав назад послание, он смял его сильными пальцами. Затем разгневанно со свистом швырнул его в жаровню.

– Шпионы! – закричал он. – Хочу переловить их всех в своих владениях, а Низам утверждал, будто они – мои глаза и уши. Они сидят среди моих военачальников и стоят с моими слугами. Выходит, и те, кто боится меня и организует заговор против трона, также платят моим шпионам, чтобы те хвалили их мне. О-алла, те, кто действительно любят меня, тем не приходит в голову платить им. В течение длительного периода времени я слышу много хорошего о моих врагах и почти ничего о друзьях. Но до этого мига никто не осмеливался пачкать твое имя.

– Я сам виноват! – выкрикнул Омар. – Мне нечего здесь делать. Позволь мне вернуться в «Обитель звезд»!

Малик-шах удивленно посмотрел на него:

– О-алла, ты мне нужен здесь.

– К тому же я почти закончил новую работу. Я открыл нечто новое в строении Вселенной.

– Ха! Новую звезду! – Султан обрадовался и подался вперед, чтобы взять с блюда, стоявшего перед ним, кисть отборного винограда, смоченную в вине. Виноград он передал Омару – знак высочайшего одобрения. – Истинно, наше владычество да укрепится твоей мудростью.

– Это не новая звезда. Я доказал, что Земля вращается во Вселенной и вокруг своей оси.

На мгновение Малик-шах оцепенел от ужаса. Затем он кивнул понимающе:

– Кто защищен от подобных затмений разума? Мне самому однажды приснилось, что я падаю, падаю. Земля уходит из-под ног, и я падаю в пустоту. Не думаешь ли ты, что это дьявольское знамение?

– Тот сон? Нет, звезды благоволят вашему знаку. Не беспокойтесь.

Омар хотел поведать Малик-шаху, как он годами проверял свою теорию, что Земля, оставив все остальные планеты недвижимыми, вращается раз в сутки вокруг своей оси. Таким образом, вместо того чтобы быть больше Солнца или Луны, она в действительности является маленькой крупинкой во Вселенной. Но Малик-шах никогда бы не поверил. И он начал медленно есть виноград, восхищаясь вкусом ягод.

– На днях, – подвел черту их беседе султан, – я созвал на свою большую охоту более девяти тысяч человек. Я вот думаю, правильно ли это – держать в услужении так много душ, принадлежащих Аллаху, для себя одного? И я решил раздать милостыню в сумме девяти тысяч серебряных монет во искупление.

– Бисмилля – во имя Всевышнего.

– Ай, возноси имя Аллаха. – Малик-шах преданно наклонил голову. – Как-нибудь в следующий раз, возможно, ты расскажешь мне. А сейчас я могу упустить момент для небольшого распутства.

Омар вышел после беседы с султаном через заполненную людьми прихожую в глубоком унынии. Пересекая площадь, на которой зажгли лампы, теперь подмигивающие ему сквозь легкую дымку пыли, он слышал за свое спиной шепот узнавания:

– Это Палаточник, который создал календарь… Смотри, идет ходжа имам Омар, который предсказывает, что случится в будущем… Друг неверных… он уничтожил стихи, которые написал, чтобы не…

Сказав всем, кто еще ждал аудиенции, что он никого не принимает, Омар прошел на ту половину дома, где располагался гарем и его ждала Айша. Она встретила его, изобразив девушку-танцовщицу с насмешливой торжественностью. Она приняла ванну, принесла кое-какие сладости с базара для него, купила шкатулку из лазурита, инкрустированную драгоценными камнями и золотом, подбросила в жаровню веток серой амбры, чтобы воздух был свеж для него, и сердце ее забилось нетерпеливо в ожидании.

Но Омар подошел к исписанным страницам. Он не склонен был разговаривать. Не замечал он и пряного запаха серой амбры. Когда Айша увидела, как он потянулся к перу, она отвернулась.

Некоторое время она занималась своей прической, затем ревниво спросила:

– Что там написано?

– Ничего.

– Это то, – она смотрела через его плечо, – что делает тебя печальным. Это заклятие? Что там сказано?

Я был тот ястреб, взмывший прямо в рай,
Чтобы похитить книгу судьб людских,
И вот отныне знаю я, не ведая друзей,
Ту дверь, откуда изгнан я в терзаниях своих.

– Ястребы не похищают книг, – заметила Айша зло. – Они камнем падают на птиц или зайцев. Звучит крайне глупо. Если ты был бы ястребом, то не смог бы думать, а если ты стал мужчиной, то не можешь летать. – Она демонстративно зевнула. – Только книжники и священнослужители несут такой бред.

Омар оглядел комнату, наполненную многочисленными сокровищами Айши. К блюду с угощениями, приготовленными специально для него, никто не притрагивался. Она ждала его, чтобы он попробовал их первым, хотя очень любила свежие фрукты.

Она лежала рядом с ним, ее тело было расслаблено, глаза закрыты. Когда Айша надевала тончайший шелк и накрашивала свое лицо, она напоминала странную райскую птицу, но когда она лежала вот так, без движений и забыв про него, он остро ощущал ее красоту.

Наклонившись, он нежно поцеловал ее в губы. Она ответила чувственным поцелуем, а нежные девичьи руки оплели его шею. Она вовсе не спала и ждала его, ее глаза победоносно взглянули в сторону клочка бумаги с четырьмя строфами на нем, который незамеченным упал на пол.

– Господин, – сказал Джафарак, – маги с твоих гор преследуют нас в Исфахане.

По крайней мере, как утверждал шут, странные вещи происходили на улицах города. Он слышал сплетню у ночных ворот главной мечети. Сплетники говорили о мужчине, который сорвал занавес между жизнью и смертью. Он умер, но потом он посетил рай пророка Мухаммада и вернулся на землю, чтобы поведать о нем.

– Что, – спросил Омар, – он видел в раю?

– Вино, бьющее из родника, ковры, расстеленные по траве, и темноглазую диву, которая заставила его испытать блаженство.

– А там, в раю, не было реки?

Джафарак энергично закивал. Он частенько пытался узнать, что ждет его за могильной чертой.

– Те люди, что слышали рассказ мертвеца, говорят иное. Там не было реки, только озеро под серебряной луной.

Смущенно он поглядел на Омара. Часто Айша ревниво вспоминала, как Омар видел видение, когда боролся с магами в горах, и в том видении было как раз такое озеро. Но в отличие от человека, воскресшего из мертвых, Омар мало что мог рассказать об увиденном.

– Да, – согласился он, – озеро, а по тому озеру бесшумно плывет разукрашенный плот и спящий лебедь.

– Валлай, а что еще, о господин?

– Пробуждение поутру.

Джафарак вздохнул. Его суставы одеревенели, он чувствовал свои годы. И страстное желание появилось у него, невыразимая надежда, что после того, как ангелы смерти склонятся над ним, он, может быть, станет юным и сильным, прямым и стройным, как другие мужчины там, в раю пророка Мухаммада.

– Кто когда-либо возвращался, – задумчиво размышлял Омар, – из этого длительного путешествия?

– Возможно, хотя бы один, но вернулся.

В глубине души Джафарак верил, что так оно и было на самом деле. Разумеется, Мухаммад обещал всегда полные фонтаны, и Омар, который никогда не обманывал, видел в своем видении, Айша была абсолютно в этом уверена, фонтаны с вином.

Поэтому разве мог он не поверить этому покойнику, восставшему из мертвых, который тоже говорил о фонтанах? Джафарак хотел верить, и он устремился к воротам главной мечети ночью, при этом его уши жаждали сплетен.

Дервиш заговорил с ним, тощий, в лохмотьях, дервиш, который тоже верил в это. Он поведал Джафараку, как лично присутствовал при рассказе восставшего из мертвых, когда тот явился избранным, и что мертвец вновь будет рассказывать в канун предстоящей пятницы, после последней молитвы, в доме ибн Аташа на улице, что позади Джами-Масджид. Джафараку показалось, что, если уж дервиш подтверждает такое человеческое чудо, значит, это настоящее.

Он все рассказал Омару, который посмотрел на него задумчиво, но ничего не сказал. Но возбуждение охватило его до такой степени, что он не удержался от того, чтобы не сходить на улицу позади главной мечети и, оглядывая дома, не найти дом, принадлежащий ибн Аташу. На следующую ночь он пошел по тому же адресу, надеясь, что ему все-таки удастся застать

странника.

Вместо этого он увидел человека на лошади, наблюдавшего из тени, кто пройдет мимо.

– Что ты здесь забыл, о Джафарак?

Это был Тутуш, изнуренный и подозревающий всех и во всем. Больше чем одна тайна, как пояснил командир всех шпионов, случилась на улицах Исфахана.

В последние месяцы с устойчивой последовательностью исчезали люди. В этом, разумеется, не было ничего необычного. Но это были не обычные граждане или попрошайки. Богатые купцы, известные гости, главы больших родов – пятеро пропали без вести.

Они не были вывезены совершившими налет соплеменниками, поскольку они исчезли из виду внутри городских стен, и всегда – поздним вечером. Все пятеро ехали на лошадях или шли пешком в одиночестве, большинство из них возвращались домой из мечети.

Более того, и это было очень странно, все пятеро перед этим получили странные подношения. Опрашивая членов их семей, Тутуш установил, что в разное время исчезнувшие люди были разбужены ото сна тем, что обнаружили две свежевыпеченные лепешки хлеба рядом со своими головами.

– Как куличи могли оказаться в постелях у богатых? – спрашивал сам себя Тутуш в приливе гнева. – Ай, свежевыпеченный хлеб, как будто его в ту ночь привезли из пекарни?

Джафарак покачал головой. Подобные истории были нежелательны, но, видимо, Аллах предопределил, чтобы они случились. Они не были из области призраков, которых видел дервиш.

– Вот, смотри, – раздраженно ворчал Тутуш, – они возвращались домой пешком из мечети, трое из пяти в последний раз были замечены в Джами-Масджид. Поэтому не следует ли мне осмотреть все дворы и расставить моих людей по крышам? Что мы увидим? Разве мы можем видеть в темноте? Друзья исчезнувших людей громко вопят и стенают в государственном совете о катастрофе, обращаются к управителю города, но что ты-то делаешь в этом переулке, шляясь здесь каждую ночь?

– Я жду друга, который обещал вернуть долг. Нет, а может, все пять человек тайно бежали.

– Тогда куда они пошли? Стражники на городских воротах не заметили их. Кроме того, они были богатеями, а не какими-то нищими крысами. Ты когда-нибудь слышал, чтобы богатый человек с полными карманами золота выходил один, никого не

взяв с собой?

Джафарак обрадовался, что тучный шеф шпионов перестал допрашивать его.

– Возможно, если они так богаты, они были похищены людьми вне закона, чтобы получить выкуп.

Тутуш хрюкнул, перебирая пальцами бусинки своих четок:

– Они называют тебя дураком, но я знаю умных людей, у которых куда меньше здравого смысла. Нет, только не с целью выкупа, потому что все пять семей не получили требования выкупа. Хотя, Аллах керим, кто-то может прийти за золотом. Проклятье висит на моей шее в любом случае.

– Пусть розыск ваш увенчается успехом.

Джафарак расстался с шефом шпионов и на миг засомневался в своих намерениях. Ему не доставило бы радости идти под наблюдением шпионов Тутуша, хотя ему очень хотелось вернуться в переулок на случай, если все же встретит дервиша, и услышать еще какие-нибудь рассказы о приходящих призраках. Поэтому он поспешил к мечети, решив сначала заглянуть в калитку.

К тому моменту шел третий час ночи, и ночная молитва закончилась. В свете факела, укрепленного над аркой входа в мечеть, он разглядел пару мулл и копейщика, который сонно опирался на свое копье. Слепой человек со своей поклажей постукивал палкой, двигаясь в тени, и, когда Джафарак поравнялся с ним, тот обратился к нему с просьбой:

– Ай, будь столь любезен к убогому, не проводишь ли ты того, кто лишился зрения, до двери дома?

– Да, конечно, – согласился Джафарак, – а где твой дом?

– Он за мечетью. – Слепой взял протянутую руку и быстро пошел вперед. – Третья дверь слева, как раз за фонтаном. Это недалеко, на бросок камня как меры длины для того, кто лишен зрения. Ай-я!

– Третий дом слева, – повторил Джафарак с пробудившимся интересом. – Это не дом ибн Аташа?

Слепой повернулся к нему, как будто хотел взглянуть ему в лицо:

– Ибн Аташ? Что ты знаешь о нем, о друг обездоленных?

– Я… я ищу его.

– Эх, многие разыскивают его.

Палка слепого отбивала ритм по спекшейся глине, когда они свернули за угол мечети и вошли в узкую улочку. Джафарак услышал шум фонтана и увидел в темноте третью дверь слева. Возможно, если слепой знает секрет этого дома, он смог бы выведать у него что-нибудь.

– Вот и дверь. – Слепой отдернул войлок и застучал быстро своей палкой, пока дверь не открылась. – Пойдем со мной, – прошептал он, – о ночной друг, отдохнешь.

Перевалив весь свой вес на руку Джафарака, он шагнул вперед. Что-то зашевелилось за их спинами, и рука схватила шута за горло. Предсмертные судороги пробежали по телу Джафарака, и он упал вперед в абсолютную темноту…

Айша вздрогнула и пробудилась ото сна. Ее обостренные чувства предостерегали от чего-то неприятного или беды, поджидавшей ее у порога. Вытянувшись на ковре рядом с Омаром, а они оба спали на крыше, она прислушивалась к ночи, не двигаясь.

Она опять услышала слабый звук, разбудивший ее, босые ноги шлепали по черепице крыши. Незваный гость тяжело дышал так близко от нее, что ее нервы напряглись, как струны. Мягко зашуршала бумага, и странный запах ударил в нос. Девушка закричала и вскочила на ноги, как лань, вспугнутая со своего места.

Вскочив, она разглядела тень на фоне звезд. Босые ноги убегали прочь, а Омар, вскочивший на ноги, смог разглядеть тень человека, спускающегося по лестнице. С криками он бросился в погоню.

Но в темноте двора внизу он потерял след злоумышленника. Сонные слуги шумно сбежались из своих комнат, принесли факелы. Злоумышленник исчез, а Исхак, спавший у запертых ворот на земле, вознес девяносто девять молитв, что ворота оказались на замке.

– Взгляни, мой господин, – позвала Айша с крыши, – взгляни сюда.

Когда принесли факелы, Омар разглядел два предмета, положенные рядом с его стеганым одеялом, на котором он спал. Клинок без ножен и лепешка свежеиспеченного хлеба, еще пахнущего пекарней. Ничего подобного здесь не было, когда он ложился спать, и он понял, что злоумышленник рискнул своей жизнью во имя того, чтобы положить сюда эти предметы, или, возможно, это сделал кто-то из его прислуги. Айша не сомневалась, что клинок не выпал из ножен, а его аккуратно положили в изголовье Омара.

Он внимательно изучил оружие и определил, что это кривой ханджар, кинжал, обоюдоострый короткий клинок, выкованный из прекрасной серой стали. Омар видел такое оружие раньше, за поясами у фидаистов в Аламуте, и он отложил его задумчиво.

– Но что это значит? – требовала объяснений Айша, которая была рассержена оттого, что страшно перепугалась. – Кинжал и

этот хлеб…

– Одно означает «жизнь», – важно заметил Исхак, – другое – «смерть». Безусловно, это предостережение.

– Правда, – Айша парировала, – если бы наши жизни были доверены твоей охране, о хранитель врат храпа, нас бы давно завернули в саван. Ай-ва! Ты что-то никогда не спишь, когда просители идут с серебром для твоего кармана, а когда жулики приходят ночью – где тебя искать?

– Поглядите! – воскликнул Исхак. – Здесь записка какая-то.

Опустившись на колени, он поднял клочок рисовой бумаги и передал его Омару, который поднес его к факелу. Надпись была сделана по-персидски – только одна строка без подписи.

– «Держи язык, – прочитал он вслух, – за… зубами».

– Держи язык за зубами, – глубокомысленно закачал головой Исхак. – Сколь справедливо это предостережение, о господин. Без сомнения, оно относится к Айше, смотрите, клинок имеет форму ее языка. Лучше бы она пекла хлеб и жила бы с миром.

Но Омар знал, что предостережение адресовано ему. И оно пришло, он был в том уверен, из Аламута, а то и от самого Хасана. Бумага была того же качества, что и в голубиной почте Повелителя Гор, и кто еще мог послать предупреждение без подписи? Да, в Исфахане Омар выбросил все воспоминания об Аламуте из головы и никому не рассказывал о том, что видел в кругу семиричников. Он хотел понять, почему вдруг Хасан послал ему хлеб и кинжал.

Вскоре после того, как рассвело, он получил разъяснения. Один из шпионов Тутуша пришел к нему домой и начал с велеречивого приветствия.

– В чем дело? – нетерпеливо спросил Омар.

– Кто знает, где найдет его смерть? О тень султана, гляди, с первыми лучами солнца мы, патрулировавшие без устали улицы города, нашли одного из твоих слуг лежащим в водосточной канаве. Идем посмотришь, мы принесли его.

Спустившись во двор, он провел Омара к носилкам, оставленным в тени, рядом с которыми сгрудились несколько его товарищей. Носилки были прикрыты холстом.

Твердой рукой Омар отдернул покрывало и отпрянул, подавляя тошноту, подкатившую к горлу.

То был труп Джафарака, с почерневшим лицом и горлом, перерезанным ниже подбородка. Из разреза торчал язык Джафарака, как будто он был оторван от всего, кроме своего основания.

– Аллах всемогущий! – всхлипнул уличный стражник. – Я никогда не видел раньше, чтобы кого-то так убивали. К тому же

он в годах и калека.

Омар накинул покрывало и глубоко вздохнул. Он знал, что с исполнителя спрос невелик.

– Ты подчиняешься Тутушу? Быстро пришли своего начальника ко мне, мигом.

Тутуш появился так быстро, словно поджидал своего человека за углом. Без лишних слов Палаточник повел шефа шпионов в угол двора, где их никто не мог подслушать. Тутуш промокал пот со своих щек концом тюрбана и нервно перебирал четки, он не забыл, как этот самый Джафарак направил гнев Омара на его голову много лет тому назад. Исподтишка он изучал лицо хозяина дома и не находил в нем ничего обнадеживающего.

Но Омар думал только об убитом Джафараке. С убийством доверенного шута была порвана последняя нить, связывавшая его с беспечными днями юности, с Рахимом.

– Кто мог это сделать? – спросил он. – У него не было врагов. О бог, он был безобиден как ребенок.

Тутуш почти достал пола в своем приветствии.

– Во имя всего святого, это какая-то страшная тайна. Клянусь бородой Али, он разговаривал со мной вчера вечером недалеко от Джами-Масджид, и я предостерег его, пусть Аллах покарает меня еще сильнее, если я лгу, чтобы не шлялся по улицам. Более того, я проводил его до безопасного места, – по мере того как он оправдывался, все больше таинственности звучало в его словах, потому что Тутуш боялся гнева Омара больше, чем сожжения на костре или удара сабли, – и оставил его в добром здравии. Я клянусь…

– Где вы нашли его?

– Один из моих людей нашел его на улице недалеко от реки, далеко от мечети. Но убили его не там, никаких следов крови в пыли. Послушайте меня, о достопочтенный, клянусь Хасаном и Хусаином, святыми мучениками…

– Заткнись! – процедил Омар сквозь зубы.

Хасан! Хасан – сын Сабаха. Хасан только что предупредил его держать язык за зубами. И язык Джафарака был наполовину вырван из тела прошлой ночью. По какой причине, по какой земной причине? Если только люди Хасана не решили, что он следит за ними. Чем занимался Джафарак последние дни? Ничем, кроме того случая с мертвецом, от которого несло Аламутом. Мертвец, рассказывающий о рае в доме ибн Аташа на… Омар вздрогнул, память обострилась, – да, дом рядом с Джами-Масджид. По улице за Джами-Масджид в ночь на пятницу. Вот разгадка.

Джафарак, видимо, мог быть убит рядом с мечетью, а тело

его отнесли подальше от того места.

– Что ты знаешь о доме Сына Огня (ибн Аташа) на аллее позади мечети? – спросил он.

– Ничего… Я никогда не слышал это имя.

Омар привстал, готовый отправиться именно в тот дом и узнать все на месте. Затем он опять присел на ковер, и Тутуш снова вздохнул. Нет смысла искать следы убийц, если они уже совершили преступление. В этот миг они могут молиться с дервишами в мечети.

– Я знаю одно, – размышлял вслух астроном. – Этой ночью вор доставил мне в изголовье послание, предупреждая меня держать язык за зубами.

Тутуш открыл рот, подумав о смерти Джафарака.

Сзади из-за дальней решетки раздался голос, прервавший их беседу.

– Прости меня, мой господин, расскажи ему также о кинжале и свежевыпеченном хлебе.

– Айша, – произнес Омар спокойно, – иди назад в гарем.

Послышалось шуршание одежды, затем наступила тишина.

– Лепешка хлеба! – прокричал шеф шпионов.

– Да… что из того?

– Йа-алла! И кинжал?

– Ты слышал об этом?

На мгновение Тутуш замолк. Затем он рассказал обстоятельства исчезновения пятерых известных людей в течение нескольких дней после того, как те находили хлеб в изголовье своих постелей.

– Думаю, они положили мне хлеб после того, как убили Джафарака, – медленно произнес Омар. – Полагаю, это один почерк.

– Без сомнения, – подумав, согласился Тутуш. – К тому же Джафарак ждал по ночам в том месте у мечети, рядом с которым пропали трое.

– Это работа фидаистов, – сделал вывод Омар.

Слова произвели странное впечатление на Тутуша. Рот его открылся, а потом закрылся, по коже под тюрбаном заметно побежали мурашки. – Ч…чья? – заикаясь переспросил он.

– Посвященных, пожирателей наркотиков, носителей кинжалов Повелителя жизни и смерти, Хасана ибн Сабаха. Он – владыка Аламута, и часто его величают господином семиричников.

Тутуш умоляюще воздел руки к небу, оглядываясь по сторонам от неожиданно охватившего его страха:

– Не произносите это имя, о достопочтенный.

Омар посмотрел на него:

– Выходит, ты знаешь о них и что это – их работа?

– О Повелитель Звезд, я ничего не знаю. Только отдельные доносы. Люди боятся имени, которое вы, ваша светлость, упомянули.

– А теперь ты мне расскажешь все, что знаешь об этих людях.

Это было нелегко – заставить Тутуша рассказать все, что было у него на уме. Его страх перед семиричниками не уступал его страху перед Омаром. Наконец он поведал шепотом, постоянно озираясь на далеко отстоявшую от них решетку, словно за ней было скопище змей.

Низам приказал Тутушу провести расследование, он настаивал на этом, потому что считал последователей Хасана еретиками. Низам записал все сведения о тайном братстве, вторгнувшемся из Египта. Он распорядился вскрыть эти бумаги только после своей смерти. Он, Тутуш, является исполнителем, который подчинялся приказам. Последние слова он произнес громко и отчетливо.

Хасан, как установили люди Тутуша, приобретал власть, внушая страх правоверным мусульманам и слугам трона. Он терроризировал богатых купцов до тех пор, пока те не выплачивали ему большие суммы денег. Как правило, он посылал своих фидаистов оставить лепешку свежевыпеченного хлеба подле спящей жертвы как знак того, что этот человек обязан сделать подношение владыке гор. На следующий день нищий приходил к дверям дома жертвы, прося самого хозяина дома подать ему хлеб из своих рук. Вместо хлеба нищий уносил полный мешок золота, а откупившийся таким образом избегал нависшей над ним угрозы.

– Пока мы не знаем, придумал ли это сам Хасан или это работа кого-то, кто служит ему. Мы старались схватить его, но все впустую. Да, он осмелился прийти в Дар-аль-Каттаб в Рее и сидеть в присутствии Низама, никто не знает его в лицо и каково его настоящее имя. Когда мы искали его потайные убежища, он всегда растворялся как снег на поверхности пустыни.

Совсем недавно угроза нависла и над жителями Исфахана. Тутуш так ничего не и узнал о пятерых, не заплативших отступного и исчезнувших. Было куда страшнее думать, что их просто похитили с улицы, чем найти их тела, даже убитых как Джафарак. Он полагал, что ассасины имеют твердую поддержку в городе, но не был в этом уверен.

– Как ты назвал их? – поинтересовался Омар.

– Ассасины – по-арабски гашишины – пользователи гашиша. Это наркотик, который подвигает их на дьявольские проделки.

Омар вспомнил вино, которое пил в Аламуте, и трех фидаистов, которые прыгнули с крепостного вала в бездну. Да, обитатели Аламута являлись ассасинами, рабами гашиша.

– Возможно, сегодня, – продолжал Тутуш, – к тебе придет дервиш за подаянием. Было бы разумно хранить молчание и отдать ему немного денег.

– Не думаю, что они попросят у меня денег.

– Нет… я совсем забыл. Ведь уже этот купец, Акроенос его зовут, ушел с товарами и казной от каравана вашей светлости. Тот уже взял дань с вашего богатства. Хотя, может, им захотелось большего.

– Теперь платить придется им, за смерть Джафарака.

Тутуш вздрогнул, его пальцы при этом лихорадочно вцепились в четки.

– Лучше залить уголья гнева водой спокойствия. Что может сделать достопочтеннейший против них?

Проповедники и люди, облеченные властью, публично выступали против семиричников, ассасинов. А затем, немного времени спустя, они умолкали, если не начинали восхвалять тех же самых сектантов. Кто ответит почему… или как? Эти ассасины путешествуют, притворяясь погонщиками верблюдов, купцами, дервишами. Да и сейчас по меньшей мере один из них работает слугой здесь, в доме вашей милости.

Омар вспомнил евнуха, который часто посещал Каср-Качик, и задумался над тем, кто бы из его многочисленных слуг мог положить хлеб и кинжал с запиской этой ночью.

– Вот уже, – продолжал Тутуш, – они держат в оковах страха горный массив от Касвина до Рея. Их эмиссары прибыли и в Нишапур. И здесь, в Исфахане, их видели на руинах старинного Замка Огня на вершине горы Диз-Кох. А как исчезли эти пять горожан Исфахана? Бог мой! Если б я только знал! Их убили, но тайно, как других, они не покидали ворот Исфахана, и никаких следов убийства не осталось. Страшное дело может случиться. Будьте разумны, достопочтенный Омар, и не досаждайте этим людям… Ха… этим людям гор.

– Они используют гипноз, магию и трюки. Значит, есть только один путь разрушить их защиту таинственности.

– Вы… вы займетесь их поисками?

– Нет, они сами сорвут завесу своей тайны.

Тутуш быстро поднялся. Истинная правда, он верил, что Омар Палаточник владеет сверхъестественной силой и может противостоять магам своими чарами. Но Тутуш хотел бы держаться подальше от подобного конфликта.

– Достопочтеннейший, – прошептал он, – ручаюсь моей

жизнью за все, о чем рассказал вам сейчас. Но я… я не хотел бы связываться с потусторонними силами. Позвольте мне уйти!

Когда последние лучи заката уступили свое место звездам в ночь накануне пятницы, Омар покинул свой дом. Он вышел черным ходом, и из всех обитателей дома только Айша знала, как он изменил внешность. Человек, пересекавший огромную площадь раскачивающейся походкой уроженца пустынных районов, был одет в черный просторный плащ из верблюжьей шерсти, характерный для арабов из хораишского клана.

Свободная одежда скрывала его фигуру и короткую кривую саблю, заткнутую за кушак, в то время как верхняя часть наряда скрывала его лицо. Даже голос приобрел неприятные гортанные интонации представителей этого рода.

В час наиярчайшего сияния звезд, время последней молитвы, Омар оказался в Джами-Масджид среди сотен молящихся. Выйдя с толпой из мечети, он повернул в сторону в поисках переулка позади мечети. Какие-то еще люди свернули туда же, и он замедлил шаг, чтобы убедиться, что они вошли в дверь дома по левой стороне этой узкой улочки.

Какой-то человек сидел перед дверью. Он задрал голову при приближении Омара, как это делают слепые, в руке у него был посох. Омар остановился напротив него и заговорил:

– Я разыскиваю дом ибн Аташа.

– О товарищ пустынь, ты его нашел. А зачем тебе нужен ибн Аташ?

– Я слышал рассказ одного человека, который поведал, будто он был в раю.

Слепой присел на корточки, довольно похихикивая:

– Ай-ай! Так уж и в раю!

Поскольку он ничего не добавил к своим словам, Омар вошел внутрь через темный вход. Где-то рядом, на расстоянии вытянутой руки, чей-то голос говорил нараспев, но ничего не было видно. Протянув руку, он отдернул тяжелый занавес и отбросил его в сторону.

К его лицу поднесли свечу, и тощий дервиш стал внимательно его рассматривать. Видимо, осмотр дал положительный результат, так как дервиш отошел к занавесу у себя за спиной, и Омар проник в большую комнату, набитую до отказа. Взгляды людей сосредоточились на тяжелом меховом пологе, закрепленном на дальней стене.

Перед этим пледом стоял маджхаб, медленно поворачивающийся и причитавший, одновременно он бил поклоны – полусумасшедший бродячий дервиш, чьи затуманенные глаза мерцали на побитом оспой лице. Когда он

повернулся в сторону Омара, он нараспев произносил восхваления Хусейну, одному из мучеников персов.

– Как погиб Хусейн? О, как он погиб? Он был зарезан саблей, и земля напиталась его святой кровью. О правоверные, вспомянем Хусейна… да, во славу Хусейна. Смотрите, я бью себя по груди, за Хусейна!

Песнь и танец были знакомы Омару. Он стал пробираться поближе к маджхабу, раздвигая толпу. Никаких признаков ассасинов не замечалось. Нигде. Слушателями были горожане, воины, даже несколько мулл из мечети – все сгорали от нетерпения в предвкушения события. Некоторые время от времени отбивали такт руками вслед за дервишем.

Фимиам распространялся из небольшой жаровни, наполняя воздух едким запахом. Свет падал от двух больших ламп, установленных на полу рядом с танцующим дервишем.

– …Скорбим о Хусейне, да, во славу Хусейна! – бормотала толпа.

Когда собравшиеся были подготовлены, маджхаб неожиданно прекратил свое вращательное движение.

– О чудо, – вскрикнул он, – голос умершего говорит с нами!

Вскочив, он отдернул плед. Плед скользнул по металлической полоске, открывая сводчатый проход в альков.

На полу среди ламп стояла большая медная ванна, до половины залитая кровью. В центре ванны лежала человеческая голова, глаза были закрыты, волосы тщательно выбриты.

Вопли раздались в толпе. Только мертвецкая бледность отличала торчавшую из ванны голову от головы обычного человека.

– Тише! – прокричал дервиш.

Затем глаза у головы открылись. Они повернулись справа налево. В этот миг уже не стало нужды утихомиривать толпу, поскольку в комнате зависла могильная тишина.

Губы у головы в ванне зашевелились, и она произнесла:

– О правоверные! Слушайте рассказ о том, чего нельзя увидеть при жизни.

– О-алла! – запричитал мулла рядом с Омаром.

Пока тихим голосом голова рассказывала о тайнах райской жизни, Омар, в отличие от других, больше смотрел, чем слушал. Голос, без сомнения, исходил от головы в ванне, и, без вопросов, то был живой человек, но тело его оказалось как-то спрятано.

В алькове стояла одна ванна, но стены что-то укрывали. Голос ослаб, глаза закрылись, лицо стало неподвижным, а дервиш упал на ковер, расположенный между альковом и слушателями.

– Карамат! – выкрикнул мулла рядом с ним. – О чудо!

– Знамение! Предвестник больших событий, – раздавались иные оценки.

Мужчины вновь смотрели и дышали спокойно. Но кое-кто молчал, и Омар расслышал шепот замешательства. Спустя мгновение возник спор – поверившие утверждали, будто слышали голос мертвого, в то время как сомневающиеся требовали подтверждения, не показали ли им голову живого человека.

Дервиш наблюдал за ними с насмешливой улыбкой.

– Докажите! – крикнул наконец какой-то воин. – Вааллах, если это действительно чудо, докажите.

– Тихо! – в ответ начал дервиш. – Сейчас вы получите доказательства.

Он выждал момент, как бы убеждаясь, что все смотрят на него, затем снова отдернул ковер. Отойдя в глубь алькова, он взял голову за оба уха и поднял ее высоко над собой, медленно повернулся, чтобы все могли увидеть, и положил ее обратно в ванну с кровью.

Мулла первым изменился в лице, и гул прокатился по комнате. Это была голова, которая только что разговаривала с ними, но тела там не оказалось.

– Мы верим! Мы видели!

Омар встал и прошел к ковру, подняв руку.

– О друзья мои! – Отчетливые звуки его голоса прозвучали подобно удару грома. – Это не чудо, а фокус уличных шутов. Мертвые не говорят, просто того, кто только сейчас говорил с нами, сразу же убили. Взгляните!

Омар Хайям не заметил свидетельства показанного фокуса, но вырисовывалось только одно возможное решение. Отдернув покрывало, он направился к безжизненной голове и опрокинул тяжелую ванну. На месте, где она стояла, он обнаружил отверстие в каменном полу, квадрат со стороной в один фут.

Дервиш сердито зашипел, а собравшиеся жители Исфахана в недоумении повскакивали со своих мест. Но Омар схватил лампу и начал срывать покрывала со стен алькова. В одной из стен оказалась открытая дверь. Он бросился в нее, прикрывая огонь лампы от ветра.

Несколькими ярдами далее по коридору он обнаружил темные камни, залитые кровью.

– Клянусь своей жизнью, ты разглядел правду, араб, – произнес воин у него над ухом. – Кого-то тут только что резали, а та голова – еще теплая. Но тела нет.

Остальные испуганно напирали на них, пока они обследовали помещения в задней части дома. Там обнаружились лежанки для нескольких человек и открытая дверь на правой стене. Но на

первой же ступени лестницы, ведущей в подвал, свет лампы выхватил из темноты обезглавленное тело человека, завернутое в белую накидку фидаистов.

– Его здесь бросили! – закричал воин. – Посмотрите, братья, не спрятались ли эти собаки внизу.

Когда они проходили мимо запертой двери в подвал, воин остановился, и его лицо исказила гримаса. Исходивший оттуда запах перебивал даже запах фимиама.

– Там больше, нежели одно обезглавленное тело, – произнес он. – О проклятые собаки. – Ударом ноги он вышиб дверь и посветил туда лампой. – Одно, два… пять. Но они не похожи на того, сегодняшнего.

– Нет, – эхом отозвался мулла, пробравшийся в первые ряды. – Маш-алла! Это тело Аним Бека. А там… вот тот… это купец Шир Афган, который часто посещал мечеть. Видимо, это те пятеро, которые пропали в Исфахане. Лови собак, отнявших их жизни!

Но дервиш уже сбежал, воспользовавшись замешательством, и в этот миг разъяренная толпа нашла только слепого, который размахивал в темноте своим посохом и призывал своих сбежавших товарищей не оставлять его.

Омар не спал в ту ночь, воспоминания об обезображенном теле Джафарака преследовали его.

Омара мало беспокоила смерть пятерых богатых горожан, но шут делил с ним горечь и сладость его собственной жизни, и его убили, как бродячую собаку. И Палаточника лихорадило от неукротимого гнева.

Пока погоня с криками «Лови! Держи!» обрушилась на ассасинов на улицах города на следующее утро, а Тутуш как взмыленный носился галопом по улицам, демонстрируя великое рвение, Низам ал-Мулк выполз из забвения и сам пришел к Малик-шаху.

– Мой султан, прикажи отловить всех ассасинов, прозванных семиричниками, – воззвал он к своему правителю, – по всей территории твоих владений. Посмотри, как их предводитель издевается над тобой, взимая дань в твоих же владениях.

Малик-шах считал семиричников всего лишь одной из многочисленных происламских сект, слишком малозначимой, чтобы говорить о ней. Но почтенный Низам настаивал, что действительной целью ассасинов является свержение трона и разрушение империи.

– Нет, – улыбнулся султан, – разве подобает мне гоняться словно гончей за всякой собакой, которая пытается укусить мою лошадь за копыта? Эти еретики не имеют ни оружия, ни людей в

достаточном количестве, чтобы противостоять одному эскадрону моих всадников.

Низам возразил, что они уже возвели одну сильную крепость, называемую Аламут, где-то в горах к северу от города, где и хранят свои сокровища. Более того, таинственный Хасан ибн Сабах призывает к свержению султана и вещает о приходе новых времен для последователей ислама.

– Если я стану казнить всякого предсказателя новых времен, – отвечал ему султан, – у меня не останется времени на охоту и прочие занятия. Пусть только этот Хасан выйдет в открытое поле, я изрублю его в мелкие клочья своими саблями.

– Ну а его замок?

Малик-шах нетерпеливо сдвинул брови:

– Как мне определить, какому из шпионских доносов верить? Тутуш клянется и божится своей головой, будто у ассасинов нет ни главаря, ни цитадели. Если этот Хасан ищет власти, то он ничем не отличается от многих в моем государстве. Ты можешь идти.

Склонившись в прощальном поклоне, престарелый Низам осознал, что стоило Малик-шаху только однажды взглянуть на своего Великого визиря с подозрением, как он утратил все свое влияние.

– Было бы разумно, – воззвал он, – проверить руины на горе Диз, господствующей над Исфаханом, поскольку ассасины обычно обосновываются на укрепленных высотах, господствующих над всеми твоими крупными городами, а на горе Диз их уже видели.

Во время очередной охоты Малик-шах обратил внимание на крутую гору, лишенную всякой растительности. На ней просматривались развалины древнего укрепления. Поговаривали, будто укрепления принадлежали когда-то великанам, утверждали также, что они принадлежали и поклонникам огня.

– Да, – решился он, – я и сам хотел использовать это место, потому что у меня есть намерение построить там крепость для моих воинов.

Вместо того чтобы послать командира воинов или хотя бы Тутуша, Малик-шах приказал Омару выехать из Исфахана с отрядом всадников на инспекцию отдельно стоявших развалин. За какое бы дело ни брался Омар, а султан в это верил, ему сопутствовала удача, и к тому же султану доложили, как Омар лично разрушил гнездо этих странных еретиков, превзойдя своей магией их возможности. Малик-шах поверил бы любому слову Омара.

На вершине горы Диз обитали лишь чабаны и семьи странников, нашедшие убежище в этих развалинах. Хотя воины

султана осмотрели каждый закоулок этих развалин и простучали своими копьями все ниши, они не нашли никаких признаков присутствия ассасинов.

Не нашли они и спрятанного в подвалах оружия, а перепуганные люди божились, что никогда не слышали ни об Аламуте, ни о лжепроповеднике Хасане ибн Сабахе.

Все-таки Омара не покидало смутное сомнение. Здесь обнаружился алтарь для поклонения огню, как в Аламуте. И местом встреч с ассасинами в Исфахане служил дом ибн Аташа. В расщелине с гулким эхом, отражавшимся от стен скалы, брал начало поток воды.

Место чем-то напомнило ему Аламут. Еще он отметил наличие большого количества молодых людей среди странников. Хотя он внимательно всматривался в их лица, но никого не узнал.

– Если ходжа позволит сказать, – начал один из воинов, обращаясь к нему, – по периметру замка полно разных фигурок. Они похожи на статуи богов неверных или магические символы.

Когда Омар спешился и подошел к подножию замка, воин показал ему резные фигурки, установленные по периметру на высоте человеческого роста. Они разместились вдоль всей наружной стены, опоясывающей древнюю крепость, таким образом не образуя ни начала, ни конца. И Омар узнал их.

Огромный Скорпион, Стрелец, Овен – налицо все двенадцать знаков зодиака, вырубленных из камня неизвестным мастером. Под каждой фигурой стояла бронзовая подставка с острием вверх, словно с нее что-то сняли.

– Это символы созвездий, – успокоил он воина, – но сделали их еще до появления ислама.

– Значит, господин, – сделал вывод один из воинов, обнаруживший фигуры, – они должны быть идолами неверных или дьявола. Давайте разрушим их боевыми молотами?

– Не надо… они не могут принести вреда.

Каким целям служили они? Безусловно, они не могли быть столь тщательно вырублены по единому фризу вверху ровных стен только в качестве украшения. Их поместили там по какой-то причине, возможно поклонники огня, построившие эту крепость. Несомненно, они играли определенную роль в обряде, ныне забытом.

Выйдя на центр крепости, он медленно повернулся на каблуках, не отрывая глаз от знаков зодиака. Да, они начинались с Овна и заканчивались Рыбами. Возможно, над стенами крепости солнце освещало их в определенной последовательности, знаменуя времена года… Он продолжал медленно поворачиваться на каблуках, а его люди смотрели на него, тяжело

дыша, полагая, что Повелитель Звезд поглощает сверхъестественную энергию. Неожиданно Омар рассмеялся.

– Что открылось тебе, ходжа? – нетерпеливо спросил воин, обнаруживший изваяния. – Это послание? Под нами зарыты сокровища?

– Послание Всевышнего, – подтвердил Омар. – И не следует о нем говорить сейчас.

С благоговейным лепетом «Аминь, аминь» они попятились. Омар тоже большими шагами покинул крепость. Он понял, как он может убедить даже догматика муллу во вращении Земли.

С этого момента он перестал с тоской размышлять о смерти Джафарака или об ассасинах. Он начал думать о том, как убедить Малик-шаха освободить его от должности, чтобы он мог вернуться в «Обитель звезд», где попытался бы опытным путем доказать свое новое открытие.

Медленно вращались колеса судьбы. Жизни людей, достигших своего предела, задувались подобно пламени свечи на ветру. На их место нарождались дети.

Султан совершал путешествие в Нишапур. Каждый вечер императорские феррашезы устанавливали шатер, где ему предстояло провести ночь, каждое утро убирали его и упаковывали для перевозки.

Низам писал новые главы своей книги. Медленно вращались колеса судьбы, но каждый миг люди боролись, добивались успеха или испытывали горечь поражения, они ловили за хвост птицу удачи или падали в грязь… Комета пронеслась в небе над лагерем султана, и султан срочно послал за Омаром, дабы тот разъяснил это предзнаменование.

Астроном отметил это как знак опасности. Огненно-красная, она пришла с запада в созвездие Дракона. Малик-шах и так понимал это. И, обдумав все, он приказал эмиру выдвинуться вперед с частью армии, чтобы разыскать и сровнять с землей замок Аламут в горах к северу от Касвина.

По мнению Малик-шаха, ему сейчас угрожала только эта опасность. И без сомнения, Хасан пришел из Египта, с запада. Поскольку в данный момент непоколебимый турецкий паша был слишком напуган, он расположил свой лагерь на равнине под видом охоты и не собирался двигаться в Нишапур. Не разрешил он и Омару удалиться.

Умерла луна, и, прежде чем на смену ей появилась новая луна, как серебряная кривая турецкая сабля, кинжалы ассасинов обнажились в лагере.

Это случилось в полночь. Юноша, одетый в одежды

дайламита, подошел к шатрам высших придворных, причитая, как попрошайка. Он увидел Низам ал-Мулка и, прежде чем кто-либо сумел что-то понять и помешать ему, воткнул кинжал в старика. Его скрутили стражники и изрубили на куски, но он только благоговейно кричал что-то о жизни в раю.

– Вот, – изумился Малик-шах, – беда и пришла к нам, предзнаменование сбылось.

Он искренне оплакивал Низама и направил нарочных к своей армии в горах, уже осадивших крепость, где возвышался Аламут, с приказом не жалеть сил и стереть с лица земли гнездо убийц. Он прочитал секретные страницы из книги Низама и уверовал в то, что новая религия представляет угрозу для его империи.

– Низам ал-Мулк, – поведал он Омару, – был преданным слугой. В течение месяца я буду молиться за него здесь.

И он освободил Омара от необходимости пребывания при нем на этот месяц, зная о его страстном желании посетить Нишапур.

Направляясь домой в сопровождении Айши, Омар написал четверостишие о власти султанов, сменяющих один другого:

Наш бренный мир как караван-сарай,
В котором свет дневной сменяет ночь —
Все то не больше, чем лишь пир горой
На месте, где гниют бренные кости Джамшида.

Со стороны высокогорья, где стоял Аламут, доносился грохот мощных машин. Огромные камни срывались с вершин и падали вниз. Разбиваясь вдребезги, кусками падали в водяной поток. Железные чаны с горящей нефтью взлетали в небо, обрушиваясь на крыши и сады.

Со стен Аламута защитники кидали вниз дротики, оттуда неслись тучи стрел и камней, которые разрушали метательные машины внизу. Армия султана потеряла до половины своего личного состава, но причинила мало вреда горным укреплениям.

Время от времени Хасан ибн Сабах лично появлялся на стенах крепости. Какими-то неведомыми путями он мог приходить и уходить из крепости по своему усмотрению, часто напоминая о своем существовании вне стен крепости. Его посланцы верхом выезжали по ночам в Рей, Нишапур и даже в далекий Балх и, не зная устали, собирали толпы и рассказывали людям о появившейся комете, пугая бедствиями. В такой момент доселе невидимый и долгожданный Махди мог явиться тем, кто ждал его.

Вдоль великой хорасанской дороги дервиши нашептывали

феллахам, что назначенный день уже близок.

В мечетях, у городских ворот и в караван-сараях люди говорили об убийстве Низам ал-Мулка. Некоторые верили, что Низама убили по приказу Малик-шаха, а некоторые утверждали, что его поразили сверхъестественные силы. В течение жизни двух поколений старый визирь управлял империей, а теперь он лежал в могиле.

Неуверенность и панический ужас, такие же невидимые, как яд, наполняли города и проникали в провинцию. Никто не знал причин беспокойства, но оно распространялось как чума.

Если бы Малик-шах появился со своим двором в Исфахане или Рее, страхи толпы успокоились бы.

Но Малик-шах, однако, продолжал охотиться. Временами он отказывался садиться на лошадь, не покидал шатра. Его командиры полагали, что он скорбит по Низаму.

В «Обители звезд» Омар Хайям работал над новым приспособлением. Его математики, занятые трактатом по геометрии, обрадовались отсутствовавшему длительное время учителю. Они увидели, насколько Омар захвачен новым экспериментом, который казался им столь примитивным, что только ребенок мог найти в нем удовольствие.

Это было не что иное, как эффект китайского фонаря, театра теней, только смотрящий располагался не снаружи, а внутри этого фонаря.

Омар выкинул все с первого этажа круглой башни. На высоте человеческого роста он соорудил полку по периметру стены и установил на ней сотни крохотных масляных ламп. Затем он закрыл полку и лампы занавесом, изготовленным из пергамента. Таким образом, ночью единственным источником света в помещении оставались расположенные по периметру комнаты лампы под пергаментом, расписанные изображениями знаков зодиака.

Когда математики с серьезным видом тщательно осмотрели всю конструкцию в первый же вечер, все лампы горели. Они не поняли, зачем она была сооружена. Ведь двенадцать знаков зодиака любой ребенок знал и без этого.

– Да, ребенок, – признал Омар с улыбкой. – Дети видят то, чего мы, взрослые, разглядеть не можем.

И хотя вновь математики посмотрели на конструкцию, медленно поворачиваясь кругом, они не увидели ничего значимого и того, чего они не видели бы ранее. Они обсудили это в узком кругу и пришли к выводу, что это не что иное, как грубая экспозиция знаков зодиака, суть которой заключается в том, что

это демонстрация движения Солнца и Луны мимо планет, расположенных по стенам опрокинутой вниз чаши Вселенной. К чему такое усердие со стороны Омара по подсветке планет, осталось неясным. Ведь все это и так видно на ночном небе.

Астроном столкнулся и с большими трудностями. Под его руководством рабочие в комнате зодиака, а именно так она теперь называлась, вынули несколько камней из потолка. Затем Омар удалил всех, кроме ремесленников, из башни. Были доставлены широкие доски и огромный деревянный столб. Плотники проделали в верхней части столба отверстия, в которые вставили длинные рукояти, наподобие тех, какие ставят для вращения массивных жерновов на мельницах. Все мастера ушли, кроме двоих, у которых, как казалось, было много еще работы в подвале под комнатой зодиака.

Далее, к изумлению своих помощников, Омар пригласил мистика Газали, который к настоящему времени стал известным профессором Академии в Нишапуре, посетить «Обитель звезд» и посмотреть на новое представление в китайском театре теней.

Гости, съедаемые любопытством, прибыли с наступлением полной темноты. Ибо каким бы эксцентричным ни оказалось представление, устроенное Омаром, никто не смог бы предположить его скучным.

Помощники астронома церемонно приветствовали избранников Академии, низко кланяясь Газали, который был одет в свой неизменно серый наряд.

Годы добавили степенности в осанке и важности мистику, и теперь его называли не иначе, как Худжрат ал-Ислам – Доказательство Ислама. Приглашение прибыть и посмотреть на комнату зодиака, отправленное Омаром Газали, не предвещало ничего хорошего. Так считали все обитатели «Дома звезд».

Омар дружески и радушно приветствовал мистика и предложил ему шербет и фрукты из собственных рук. Молодой защитник ислама ответил сдержанно.

– Я слышал, – сказал он, – о досточтимый ходжа, что вы отказались от покровительства Низам ал-Мулка, да будет славно его имя во веки веков, и что в Исфахане вы упражнялись в магии, подобно неверным.

– О прошлом, – храбро принял удар Омар, – много басен гуляет по свету. Но сегодня в своем доме я хотел бы, чтобы вы, Доказательство Ислама, проявили великодушие и оценили увиденное сейчас. Идемте со мной!

– Бисмилля! – произнес Газали. – Во имя Аллаха.

Когда они вошли на первый этаж башни, последователи астронома и мистика озадаченно оглядывались вокруг.

Освещения не было, если не считать подсвеченного пергамента со схематичным изображением созвездий зодиака. По знаку Омара все уселись вдоль стен, оставив двух профессоров по центру комнаты.

– Что это? – предвосхитил вопросы Омар. – Не могли бы вы повернуться разок справа налево и ответить мне?

– Видимо, это зодиакальные созвездия. Да, вот Овен, а там Телец… и Рыбы. Больше ничего не вижу, кроме двенадцати знаков зодиака, расположенных в должной последовательности.

Омар закивал в ответ:

– А теперь Доказательство Ислама не соблаговолит ли встать сюда, на центр, нет, на вот этот вращающийся деревянный круг. Вот так – лицом к первому знаку зодиака.

Ученики Газали замерли в ожидании того, что показалось им какой-то новой церемонией, и даже подались вперед, чтобы лучше все разглядеть. Их наполовину укрывала тень, за освещенным кругом.

Газали же оставался спокоен, почти безразличен.

– Теперь, – начал Омар, не повышая голоса, – не двигайтесь, не отходите в сторону. Вам не причинят вреда, только смотрите. С этого момента вся башня будет вращаться вокруг вас.

И он один раз ударил в ладоши.

С полуулыбкой Газали ждал, убежденный в невозможности подобного. Это была шутка, он резко вдохнул воздух. Освещенный круг начал движение.

Что-то скрипело и двигалось у него под ногами. Его ноги напряглись, и он непроизвольно вскрикнул. С далеким грохотом и тряской башня вращалась, знаки зодиака, сделанные на пергаменте, проплывали перед его глазами. Затем, с легким дребезжанием, они остановились, и он опустился на колени.

– Ай-уо-алла! Что, во имя милосердного, заставило вращаться эту массивную башню на таком фундаменте? Я видел, как она вращается.

Омар ждал, не проронив ни слова, подняв Газали на ноги, а последователи мистика поспешили к нему.

– Учитель, – сказал один из них, – но поверьте, башня не вращалась. Мы… мы видели со стороны, как вы сначала медленно, а потом быстро вращались, стоя на своих ногах.

– Нет, я не двигался.

– Сами вы не двигались, – подтвердил Омар, и смущенные голоса умолкли, – но вы сделали один круг. Действительно, такая тяжесть, как эта башня, не может повернуться, как колесо.

– Но как…

– Это площадка на столбе, который приводится в движение и

может вращаться снизу, как обычный жернов. Когда я ударил в ладоши, мои слуги пошли по кругу, толкая перед собой длинные ручки.

– На каком основании, – Газали осмотрел свой наряд, с достоинством подняв голову, – со мной разыгрывают детские шутки?

– Поскольку мудрость твоя превосходит нашу, я хотел услышать твои слова о том, что увидели твои глаза. Слушай! Сначала ты двигался, повернувшись на своих ногах, затем тебя действительно повернули, вместе с площадкой, и твой взгляд нащупал все те же огни и знаки зодиака на тех же местах, но тебе показалось, что повернулась башня. Почему так?

– Потому что я не двигался… меня разыграли. Тебя этому научили неверные?

– Каждую ночь, – голос Омара окреп, – ты видишь такую же ленту созвездий, огромную ленту знаков зодиака, проплывающую у тебя над головой, и говоришь: «Раз я не двигаюсь, значит, звезды двигаются вокруг меня!» А звезды стоят. Обман окутывает твой мозг.

Газали молчал, напряженно думая, а последователи смотрели на него, не будучи в силах поверить.

– Земля вращается, как этот столб, за одни сутки. Подумай, Газали, как в течение бесчисленных лет люди полагали, будто небесная сфера вращается. Кто-то должен взглянуть правде в глаза, открыть людям истину. Возможно, дети, новорожденные, и чувствуют, что Земля вращается относительно далекого и неподвижного мира звезд, вращаясь в космосе, в мироздании. Они видят это широко раскрытыми глазами, но не могут рассказать нам об этом.

– Нет, – вскричал мистик, – Аллах создал мир таким, каков он есть, неподвижным в центре Вселенной!

Его ученики согласно забормотали какие-то слова, и самый смелый из них воскликнул:

– Это было не больше чем уловка, о Повелитель Звезд, чтобы заставить Доказательство Ислама пасть на колени перед тобой. Что ты нам предъявил, кроме зажженных ламп и дьяволом подсвеченных знаков? Где доказательство того, что звезды не движутся?

– Дай нам доказательства, – отозвались эхом другие.

– Ну, это же и так ясно, – ответил Омар серьезно.

– Тогда показывай.

Кратко и торопливо, в каком-то нетерпении, Омар объяснил. Планеты – Марс, Венера и Меркурий – находятся ближе к Земле, и Луна с ними. Солнце также недалеко. Это было установлено во

время затмения, когда Луна прошла между Землей и Солнцем или Земля прошла между Солнцем и Луной. Но сами звезды оставались далеко на небесной сфере.

– А где, – спросил кто-то, – доказательства этого?

– Человек, – объяснил Омар, – стоявший той ночью в Каире, мог видеть почти все звезды из многих тысяч, которые наблюдатель мог видеть в Нишапуре. Большое расстояние на поверхности Земли показало только небольшую долю более или менее обширной небесной сферы. Так что размер Земли должен быть бесконечно мал по сравнению со Вселенной.

Он говорил теперь уверенно, зная, что так все и есть на самом деле. Но, хотя некоторые из математиков и задумались, люди Академии ждали доказательств во враждебной тишине.

– Некоторые из звезд, – продолжал он, – должны быть в тысячи раз по тысяче лиг дальше. Они кажутся маленькими, потому что они отдалены, а Солнце нам кажется большим, потому что оно – рядом и слепящее.

– Если бы и так, – закричал один из слушателей, – где хоть клочок доказательства этого? Маленькие или большие, звезды движутся относительно нас по воле Аллаха.

– Они не могут двигаться, – сказал Омар спокойно. – Если бы они кружились вокруг Земли на таком расстоянии, им пришлось бы двигаться через бесконечность на такой скорости, что они исчезли бы в огне, совсем как тогда, когда мы видим, что звезда, которая падает со своего места, исчезает в огне.

– Какое богохульство! – прокричал ученик. – О правоверные, разве не воля Аллаха превращает камень в огонь или огонь в камень?

– Согласен, – сказал Омар. – Воля, которая перемещает нашу Землю по ее орбите! Воля, которая расположила галактики рядом с другими галактиками в бесконечности космоса! Та же самая воля ведет нас по нашим крошечным жизням. – Порывисто он обратился к Газали: – Мы просто не так понимаем его волю.

– Все знание, – ответил Газали, – от Аллаха. Истинно, Аллах – наше Солнце, и все другие познания не больше, чем солнечный свет. Никакая частица Вселенной не существует вне его власти. Солнце? Солнце остается на своем месте, как ты или я остаемся на своем, мы были созданы Аллахом, когда Вечность уже была. Чему нас может научить Солнце, если мы не будем видеть его таким, как оно есть?

Омар умоляюще протянул к нему руку.

Внезапно мистик призвал своих учеников принести святую воду во фляге. Затем он приказал человеку полить воду на руки и ноги. Когда он очистил себя от скверны, Газали подобрал полы

одежды вокруг себя и вышел в дверь.

– Омар Хайям, – сказал он, – запомни мои слова, ты допустил богохульство. Я не оспариваю твои вычисления расстояния до звезд или расчеты наступления затмения. Но написано в книге, которую всем нужно читать: «Бог – свет Небес и Земли… Он направляет разум того, кого Он выбирает». Кто определяет, что и когда делать с душами человеческими? Подумай об этом!

– Я уже подумал. – Омар не мог сдержать смех из-за нахлынувших воспоминаний. – Я получил письмо, в котором мне предложили держать мой язык за зубами. А завтра я должен буду предстать перед общим собранием Академии и объяснять преподавателям результат исследований всей моей жизни.

Газали посмотрел на него с любопытством:

– Ты творишь безумие, Палаточник?

– Нет. Но человек не может жить вечно, и нить моей жизни может быть оборвана в любой миг. Я хотел бы говорить, пока я еще жив.

– Шут! Укороти себе язык, Палаточник, только поэт или шут может говорить так, как говоришь ты. Я буду молить Всевышнего, да прибудет прояснение в твой разум со временем.

Омар печально глядел вслед мистику и его последователям, которые не скрывали своего гнева. Он и не думал шутить.

– Учитель, – заметил один из его собственных помощников, – вы неправильно поступили, пытаясь самого Доказательство Ислама заставить пасть на колени перед вами. Толки распространятся по Нишапуру.

– Он не упал бы, – Омар ответил рассеянно, – если бы он не подумал, что башня поворачивалась.

– Не ходи в Академию, учитель. Нетрудно предугадать, какое поношение ждет тебя там.

– Если что-то написано пером, это не дано вырубить топором, по крайней мере ни тебе ни мне.

Слухи поползли по Нишапуру. На базаре рассказывали, как астроном султана пригласил Доказательство Ислама на встречу проверить его стойкость.

«Используя свое волшебное искусство, – гласила сплетня, – Омар Хайям почти преуспел в своем начинании, и всеми любимый Газали почти потерял сознание. Но на помощь был призван Коран, сила Газали была восстановлена, и в конце концов сам Омар был унижен и посрамлен». Некоторые люди утверждали, будто Омар боролся врукопашную с Газали и бросил его на колени. Другие были абсолютно уверены, что Газали обнаружил адскую машину, построенную тайно внутри башни.

Исхак-привратник услышал новости от проходившего мимо каравана торговцев шерстью, направляющегося в Балх. Один из погонщиков верблюдов наклонился вперед и сплюнул напротив ворот.

– Поедатель грязи! – взревел Исхак, утверждая собственное достоинство. – Пусть собаки помочатся на могилу твоего отца.

– Это твой дом полон таких собак. Да, владелец его – пьющий кровь неверный. Ва, само его имя и есть грязь.

– Что нашло на тебя? – потребовал объяснений Исхак, слишком удивленный, чтобы парировать сказанное. Всегда люди из караванов с восхищением смотрели в ворота дома Повелителя Звезд, а иногда они оставляли подарки у хранителя ворот, случись Исхаку оказаться у ворот в подходящий момент.

– Разве ты не слышал? – Погонщик верблюдов рывком осадил своего осла и сел боком, чтобы лучше видеть Исхака. – Сначала этот неверный, твой господин, вырыл волчью яму в своей проклятой башне. Хэй, она предназначалась для ловли, чтобы держать там и мучить живых людей. Но некий святой человек… забыл его имя, но он настоящий святой, прочитал благословенный Коран над этой ямой и разрушил ее злые чары. Да, еще я слышал от дочери владельца караван-сарая, как этот злобный предсказатель, твой господин, день и ночь вел разговор в школе для длиннобородых. И какие слова он говорил! Да не допустит Аллах больше ничего подобного. Он сказал, будто звезды перестали перемещаться.

Исхак слушал его, не веря своим ушам.

– Кроме того… – продолжал погонщик, передавая слухи, жуя темно-красные зернышки граната, – умх, он сказал, будто солнце не двигается. Да, я ведаю про Самарканд, где живут китайцы, да, и про Обитель Аллаха в Мекке, и много иных премудростей слышали мои уши. Но никогда не слышал я, чтобы ученый муж или дервиш утверждали, будто солнце не восходило и не садилось. Чтоб тебя собаки покусали и проклятие смерти Кербала напало на этот дом.

И с этой парфянской стрелой, приберегаемой напоследок, он пнул осла в ребра и отбыл прочь. Исхак встал и отправился жаловаться Зулейке на плохие новости.

– Говорила я, – заметила дородная хозяйка кухни, – что никакой выгоды не принесут ему все эти разговоры о козмлогии и вчилениях?

– Ай-алла, это что еще такое?

– Ладно, пусть будет вычилении, какая разница. Ой, ме, ну зачем господину понадобилось измерять время?

После кухни Исхак направился к узорчатой решетке гарема –

Айшу отправили в Каср-Качик, чтобы она укрылась там от жары и духоты города. Не без злого умысла он объяснил ей, как их господин привел в бешенство весь Нишапур. Айша с тревожным чувством обдумывала услышанное.

– Если наш господин утверждает, что солнце стоит на месте, – в конце концов промолвила она, – значит, так оно и есть. Кто может знать больше, если не он?

«Эта ссора с учеными мужами может принести беду, – решила она, – но, пока Омар пользуется покровительством султана, его враги могут причинить ему вреда не больше паршивых собачонок, кусающих прохожих за пятки».

Исхак возвратился к своим воротам очень озадаченный. Внимательно смотрел он на красный шар солнца, по мере того как тот исчезал за краем далекой равнины. Не было ни тени сомнения – солнце не изменило свои привычки. Оно садилось где-то там, куда взгляд не мог дотянуться, так же, как в тот вечер, когда начал использоваться новый календарь Омара, годы назад. Исхак стал считать годы на своих скрюченных пальцах и обнаружил, что с тех пор прошло уже целых тринадцать лет. Что это говорили тогда муллы о плохом предзнаменовании в первый час этого нового календаря?

Знамена смерти висели в небе, совсем как сейчас, этим вечером, эти алые полотнища. Нет, солнце не изменилось.

Исхак стал нести дежурство у ворот, чтобы собрать как можно больше новостей, поступающих из Нишапура. Он услышал от торговца рабами, будто ходжа Омар продолжал работу в «Обители звезд» вместе со своими математиками и будто Академия все еще гудела, погруженная в обсуждение тех нелепых и абсурдных речей. Торговец, который оказался человеком добрым, думал, что, возможно, Омар был пьян в тот момент и ему следовало бы совершить паломничество в святыню благословенного имама в Мешеде, которым он сумеет искупить свою ересь.

Весь в клубах пыли, по направлению к Самарканду галопом промчался дворцовый гонец, крича на ходу крестьянам и пастухам, чтобы те ушли с дороги и дали ему проехать.

– Какие новости? – закричал Исхак.

Через плечо на полном ходу гонец ответил:

– Плохие. Султан Малик-шах умер.

От Балха до Багдада известие о смерти Малик-шаха разнеслось со скоростью, с которой мчались из конца в конец страны лошади на полном скаку. Султан заболел на охоте, и, хотя его врачи делали ему обильные кровопускания, через несколько дней он умер, так и не назвав никакого преемника.

И в Нишапуре, и в Исфахане большие караваны сворачивали с дороги и поворачивали обратно, в то время как в разных местах могущественные эмиры собирали вооруженные войска. Армия, осаждавшая Аламут, отступила, потому что ее командующий сразу же поспешил присоединиться к лагерю Баркиярка, сына Малик-шаха, которого поддержали сыновья убитого Низам ал-Мулка.

Одновременно халиф Багдада утвердил преемником трона другого сына султана. Шли дни, и вскоре все вооруженные люди империи собрались под знамена двух соперничающих лагерей и разразилась гражданская война.

Поскольку Аламут уже никто не пытался захватить, Хасан ибн Сабах незамеченным сбежал в Каир, чтобы провести совет с главами ассасинов в Египте. Гражданская война, истощавшая и разрушавшая Персию, способствовала осуществлению его планов, поскольку его сторонники и последователи не теряли времени и безнаказанно распространяли свои проповеди во всевозрастающем хаосе междоусобицы. Кто бы ни получил трон, Баркиярук или Мухаммад, Хасан получал выгоду от их борьбы. Между тем и в Сирии имелись замки, которые следовало захватить. Его последователи уже перестали маскироваться и укрепляли крепость Дизх-Кох в Исфахане, а в планах уже маячила мировая империя, хорошо организованная и совершенная, которая будет создана с магистрами ассасинов в Каире.

Прошли годы, прежде чем его рука стала заметной в событиях Персии, а затем его последователи потерпели неудачу в попытке убить Баркиярка, получившего власть в победе над своим соперником.

При первом же известии о смерти Малик-шаха Айша с трудом, но заставила Исхака отвезти ее обратно в Нишапур, в небольшой дворец рядом с парком и улицей Продавцов Книг. Здесь ей следовало быть рядом с Омаром, проводившим почти все свое время в «Обители звезд», где трудился над пересмотром геометрии Евклида.

Айша собрала вместе несколько вооруженных слуг, главным образом арабов, всегда голодных и бесстрашных людей, мало интересовавшихся делами остальных персов до тех пор, пока их хорошо кормили и хорошо им платили. Айша также купила резвых лошадей и вьючных верблюдов на базаре. Теперь, когда защитник Омара отправился к милосердному Аллаху, она решила, что лучше всего собственным мечом защищать свою спину и иметь наготове лошадей, которые могли бы вывезти их из Нишапура в любое время. Она не доверяла персам, которые вели

себя как овцы: то кормились здесь, а то всем стадом перебирались на другое место.

Айша не заметила никаких особых перемен в жителях Нишапура. Разве только они больше не собирались толпой у ворот дома Омара, прося о его покровительстве. Сейчас, когда началась гражданская война, знать, естественно, искала новые союзы, а толпы в мечетях говорили только об армиях, которые шли из Багдада или Рея. Ночью ворота города закрывались и конные патрули объезжали улицы.

Спустя какое-то время имперский казначей прекратил выплачивать жалованье царскому астроному. И когда Омар нуждался в деньгах для своих учеников, он отсылал своего управляющего на базар взять в долг денег. Да и в сундуке, который ревностно охраняла Айша, всегда имелось достаточно золота.

Как-то она попыталась убедить Омара съездить в лагерь Баркиярка, только что победившего армию Багдада. Эта поездка казалась Айше прекрасным шансом сделать новые пророчества. Разве не написал придворный поэт султана, Му'иззи, оду, воспевающую победу, хотя одновременно и тайно послал побежденной стороне утешительные строки своей поэмы? Но Омар уверил ее в том, что не надо уезжать из Нишапура, так как скоро произойдет лунное затмение и здесь оно будет очень хорошо видно.

Омар не снимал белых траурных одежд по Малик-шаху. Молодой султан Малик-шах, которому исполнилось всего тридцать девять в год его смерти, был его спутником, начиная с юных лет. Теперь он присоединился к Рахиму, и Ясми, и Джафараку, и где все они?

Он написал четверостишие, которое не вызвало у Айши никакого энтузиазма.

– Но в твоих стихах нет ни слова, восхваляющего Баркиярка, – упрекнула она Омара. – Тебе не следует так часто думать о мертвых. Они покоятся в своих саванах и уже ничего больше не могут сделать. Тебе же всего немногим больше сорока, и я, как никто другой, – добавила она нежно, – прекрасно знаю, что твои силы ничуть не угасли. Почему бы тебе не поехать покататься верхом вместе со знатными господами вместо вечного сидения в этой башне и корпения над бумагами?

– Когда-то я скакал вместе с Малик-шахом. С этим покончено. Нет, Айша, сегодня вечером ты увидишь, как исчезнет Луна.

– Неужели шайтан съест ее всю? – Она задрожала в восторженном нетерпении.

– Наблюдай, и ты все узнаешь.

Ту ночь Омар провел на самом верху своей обсерватории. Айша лежала на крыше в Нишапуре, глядя на толпы людей, объятых смешанным чувством волнения и ужаса. Стояла полная луна, и, когда тень начала наползать поперек ее лика, по толпе прополз ропот.

Немедленно взревели карнаи, гулким эхом им ответили седельные барабаны. Стукнули цимбалы, на крышах завопили женщины. Все они, так же, как и Айша, решили, что шайтан со злыми намерениями пытается пожрать луну.

Мрак сгущался, и появились группы мулл с факелами и начали громкими голосами перечислять все девяносто девять священных имен Аллаха, дабы отнять силу у дьявола.

Но свет пропал. Со стороны пустыни подул холодный ветер, и вопли усилились. Наиболее рьяные мусульмане со всех ног бросились молотить в тазы и миски и кричать, пытаясь спугнуть злую силу в небе. Несмотря на их усилия, тень закрыла луну, и вскоре город погрузился бы в кромешную тьму, если бы не танцующие языки пламени от факелов.

Но тут в небе появилась тонкая полоска света, похожая на кривую турецкую саблю, и Айша закричала от радости. Барабаны и цимбалы били с новой страстью, и медленно, медленно дьявол был вынужден извергнуть луну, которую он проглотил.

И только когда в небе появилась вся полная луна, Айша свернулась калачиком и уснула неспокойным сном.

Она вспомнила Омара в его башне и задумалась, не бил ли он в барабан. Скорее всего, ничего подобного там не происходило.

Религиозный пыл, разбуженный затмением Луны, продолжался в течение некоторого времени, и кади, судьи ислама, собрались на совет. Они послали записку Омару с требованием явиться перед ними на следующий день. И стражники, которые принесли послание, остались караулить его и расположились так, чтобы их было видно из окон «Обители звезд» до того момента, когда им предстояло сопроводить его к судьям.

Странно, но никто не предупредил Омара об этом вызове к судьям ислама. Все его друзья, казалось, были поглощены своими собственными делами, хотя его помощники и умоляли учителя не говорить ничего такого, что возмутило бы кади. В конце концов, они считались судьями ислама, и было бы лучше соглашаться со всеми их претензиями, каковы бы они ни были, до тех пор, пока он не заручится поддержкой нового султана или даже, возможно, самого халифа.

Когда Омар вошел в Диван, один лишь взгляд на присутствовавших там показал ему, что весь совет Академии разместился вдоль стены, вместе с главами отделений

философии и богословия. Лицом к нему сидели кади в своих белых тюрбанах, во главе с Газали, мистиком, и муфтий, или Приниматель решений, из самой Улемы. Столь переполненным было это помещение, что ему отводилось лишь крохотное местечко прямо перед судьями, где он мог примоститься на коленях.

Ему приходилось часто бывать здесь, читать лекции профессорам, и большинство лиц тех, кто сидел перед ним, было ему знакомо. Но теперь, однако, они не демонстрировали ни малейших признаков знакомства с ним, и Омар понял, какому подвергнется испытанию, даже прежде, чем самый старый из судей проговорил первые слова:

– Бисмилля ар рахман ир рахим, именем Аллаха милостивого и милосердного.

Пока он слушал, все его существо тревожно напряглось, а сознание анализировало не произносимые формальные слова, но чувства этого совета, призванного судить его. Если бы Малик-шах оставался жив, они не посмели бы вызвать Омара на суд. Теперь в глазах всех этих мулл и профессоров права он читал застарелую ненависть, больше не скрываемую.

Один из мулл перечислил обвинения против Омара Палаточника, сына Ибрахима, бывшего придворного астронома султана, да будет он благословен.

Мулла объявил, что сначала надо заняться книгами Омара, поскольку книги эти распространены повсеместно в школах по всему исламскому миру.

Было выдвинуто обвинение на основании этих книг, которые, без всякого сомнения, были написаны согласно учению неверующих греков, что их автор оказался мулшедом, неверующим.

Он явно являлся еретиком, по многим показателям. Во-первых, он заставил предыдущего султана отменить подлинный исламский календарь и снова измерять время в соответствии с идеями неверных.

Кроме того, он создал свою обсерваторию подле кладбища с тем, чтобы иметь возможность бродить среди могил и вести греховную торговлю с мертвыми.

И вот еще: он произносил греховные слова против Бога, утверждая, будто Земля не является центром Вселенной и будто звезды, которые согласно Мухаммаду восходят и заходят на небе, на самом деле не двигаются. Большинство из тех, кто присутствовал сейчас на заседании суда, а все они преданные последователи Аллаха, слышали, как этот неверный произносил именно эти слова. Уже одно это, само по себе, было достаточной

причиной для его осуждения. Судя по всему, закончил мулла свою речь, спорить оказалось не о чем. Вне всякого сомнения, все эти обстоятельства были известны каждому. Сотни присутствующих могли свидетельствовать по каждому пункту обвинения. Единственный вопрос, который предстояло решить совету, – какое наказание должно быть применено к книгам Омара Хайяма и самому автору этих книг.

Когда мулла замолчал, заговорил доктор Академии. Он согласился со всеми уже упомянутыми фактами и с тем, что они не требуют никаких дополнительных доказательств. Рука Омара Хайяма, однако, совершила еще одно святотатство, не так широко известное.

Время от времени Омар Хайям пишет рубай, четверостишия, которые, хотя никогда и не были собраны воедино в книгу, повторяются во всех кварталах. Суфии особенно часто цитируют эти четверостишия, и нечестивые души используют их, бросая вызов Корану и традициям ислама. Ваш покорный слуга, скромный служитель улемы, собрал некоторые из этих четверостиший, переписанные разными почерками по всей Персии, однако все они принадлежат перу Омара Хайяма.

Если ученые мужи и достопочтенные кади разрешили бы ему, он, их покорный слуга, зачитал бы вслух эти нечестивые стихи, заранее испрашивая их прощения за произнесение слов, столь нечестивых по своему значению.

Среди присутствующих пробежала волна интереса, и все головы вытянулись вперед. Не каждый знал эти четверостишия. Сейчас, здесь создатель этих четверостиший сам себя обвинит своими же собственными словами.

– Читай и ничего не бойся, – сказал самый старый судья.

Медленно правовик читает стихи, и на лице Омара блуждает слабая улыбка воспоминаний… Вот Ясми рядом с ним, как мог он разделять мысль о рае… Действительно, вот вино спасло его от отчаяния… Ястреб, взлетевший, чтобы схватить книгу человеческой судьбы…

– От этих строчек веет кощунством, – сказал доктор, – но имеется и еще одна строчка явного богохульства.

…О ты, к кому обращены мольбы «Прости!»,
Скажи, где отыскать прощение твое…

Омар удивленно вскинул голову:

– Я не писал этого.

Никто ему не ответил. Бородатые лица под белыми тюрбанами были непроницаемы. Поднялся Газали, избегая

смотреть Омару в глаза, и стал пробираться к ближайшему выходу. Омару все стало ясно. Словно строчки на бумаге, Омар сумел прочитать их приговор – он был осужден.

Он тоже поднялся на ноги, и тут напряжение в его душе спало. Ему не хотелось больше бороться с этими однобоко мыслящими учеными и судьями.

– Тебе есть что сказать нам, Омар Хайям? – обратился к нему муфтий.

– Да. Тот стих не мой. Но я могу прочитать вам строчки, еще не записанные мной, – добавил Омар, – они только сейчас пришли мне на ум, в соответствии с моментом.

Гневный ропот послужил ответом на высказывание Омара, и муфтий поднял руку:

– Иди и жди решения судей.

Когда его пропустили через дверь, в которую только что вышел Газали, рябой дервиш наклонился к нему и едва слышно прошептал:

– Святилище и убежище в Аламуте.

Омар ничего не произнес в ответ, и дервиш ускользнул прочь, а стражники подвели его к нише мечети, где тень от минарета лежала на камнях. Со вздохом Омар постарался устроиться поудобнее.

Он не был больше сыном Ибрагима и не был больше ходжой имамом Омаром, любимцем султана, осыпанным наградами и всеобщим поклонением. В течение долгих лет он слышал все эти великие споры, здесь, во внутреннем дворе мечети, в которой он учился у подножия знания, не был он больше ходжой Омаром, а лишь подсудимым, ждущим приговора. Сам муфтий вышел, чтобы сообщить ему решение суда.

– Все книги твои объявлены вне закона, как труды неверующего. Их запретят в школах, а те, что найдутся здесь, будут сожжены. «Обитель звезд» конфискована; впредь все будет принадлежать совету Нишапура. Тебе запрещено появляться в стенах города и выступать перед народом в границах правления Нишапура.

– Понятно, – ответил Омар. – Но что со мной?

Муфтий задумался, поглаживая бороду.

– Некоторые из судей считают тебя сумасшедшим, раз ты смог поднять руку на веру в Аллаха. Может, это и так, не знаю. Ты свободен, но должен покинуть Нишапур и все исламские академии.

– Надолго?

– Навсегда.

Когда стражники ушли, Омар вышел из ворот. Не обращая

внимания на шепот в толпе, которая собралась посмотреть на него, он машинально повернул вниз по знакомой улице Продавцов Книг.

– О неверующий! – раздался насмешливый голос.

Группа школяров, толпой двигающаяся вниз к парку, затихла при его приближении. Из книжных лавок выглядывали любопытные лица, когда он проходил мимо. Там, где улица поворачивала, он остановился у фонтана. Вода сочилась из него так же, как и двадцать пять лет назад, и по-прежнему около него на камнях сидели женщины, погруженные в сплетни. Одна из них удивленно воскликнула что-то, девочка, заполнявшая водой глиняный кувшин, обернулась и опешила, увидев прямо перед собой Омара. Кувшин, наполовину заполненный, упал и разбился о камни.

– Прошу прощения! – порывисто сказал он и, развернувшись, пошел прочь.

Двадцать пять лет назад, когда он ждал у родника Ясми, он был настоящим, а все другие люди вокруг воспринимались им лишь как бледные тени, которые приходили и уходили, двигаясь, словно фигурки на китайском фонарике. Теперь они стали реальны, а он превратился в тень, без всякой цели бредущую куда-то. Это случилось тогда, когда они отняли у него «Обитель звезд».

Айша, плача, умоляла его тем вечером собрать все, что сумели сохранить его последователи, сундук с золотом и ее личные вещи и бежать с нею в Каср-Качик. Здесь, в Нишапуре, она всего боялась. Разговоры, слышанные в переулках, насмешки толпы в мечети! Пора было уезжать отсюда, она позаботилась о лошадях и держит наготове их и верблюдов для вещей. Пора ехать, прежде чем новая беда свалится на их головы.

Но Омар не чувствовал никакого желания покидать Нишапур. Он не успел закончить комментарии к трудам Евклида, работа ожидала его в «Обители звезд».

– Нет, – сказал он и отправился на крышу размышлять над случившимся и над тем, что ему теперь делать. Но ничего путного он не смог придумать. Только сидел и смотрел, как вечернее зарево превращалось в закат.

Было почти темно, когда прибежал Исхак:

– Ай, господин, большая толпа движется к «Обители звезд». Там солдаты, муллы и всякий сброд. Они громко выкрикивают хулу тебе, и, возможно, они будут грабить башню. Давайте поторопимся, соберем все, что сумеем, и отправимся в Каср-Качик, прежде чем закроются ворота. Вааллах, здесь совершенно небезопасно.

– Седлай одну лошадь, – сказал Омар, вставая.

Усевшись верхом, он выехал из внутреннего двора, приказав Исхаку никого из домашних не выпускать. Он пересек парк и помчался через городские ворота у реки, подхлестывая лошадь и пустив ее галопом.

В тот час дорога была почти пустынна. Когда он выехал из-под деревьев, его взгляд обратился к возвышавшейся обсерватории. Вместо темного силуэта на фоне звездного неба он увидел красные отблески.

По мере того как он подъезжал ближе, он различил языки пламени под клубами дыма. Вонзив шпоры в бока лошади, он рванулся вниз по склону сквозь рассеянные группы людей. У входа в сад он выпрыгнул из седла и побежал внутрь. Дым клубился вокруг него, и огненные языки облизывали амбразуры башни, то вырываясь из них, то исчезая внутри здания. Дыхание горячего воздуха опалило его лицо, и его откинули чьи-то руки, которые крепко схватили его за локти.

– Ай-алла! Слеп ты, что ли! Там же огонь.

– Там все горит.

– Да, и хорошо горит. Смотри, как пламя ест башню.

Люди, оттащившие его от двери обсерватории, с жизнерадостным восторгом обсуждали зрелище. Кое-кто из них в руках держал узлы, а какие-то двое ссорились из-за ширмы с вышитым на ней драконом, одновременно споря, стоило ли тащить ее на базар, чтобы продать.

Омар был наполовину оглушен криками и суетой, царившей вокруг, когда толпа убежала с награбленным. Первый этаж обсерватории превратился в огромную ревущую печь, и огонь поедал верхние этажи.

Все его книги и записи хранились там, на третьем этаже, там же находились звездные таблицы и отчеты о наблюдениях, годами проводившихся в обсерватории, наполовину законченные комментарии к трудам Евклида.

– Книги, что там с книгами? – кричал он, тряся стоявшего поблизости мужчину.

– А, что? Книги… книги – хорошее топливо. Айе, да, правда, мы сложили их вон там, внизу.

Мальчишка пробежал мимо, спрятав что-то под рубашкой. Солдаты ножами вырезали дракона из рамки. Так было легче тащить ее без рамы. Они с интересом наблюдали, как рухнул второй этаж башни и вокруг рассыпались искры.

Когда крыша башни упала, она превратилась в печную трубу, возвышающуюся над вспыхивающими и тлеющими углями. Огонь уже не пылал столь ярко, жар спал. Голоса утихали, по мере того

как толпа схлынула, спеша вернуться прежде, чем закроются городские ворота.

Группа всадников въехала в сад и остановилась, чтобы посмотреть на открывшееся им зрелище. Кто-то подошел, чтобы осмотреть большой бронзовый глобус Авиценны, который вынесли из башни, и теперь он стоял в безопасности, вместе с астролябией на нем. Значит, глобус когда-нибудь сможет послужить другим наблюдателям за звездами.

– Ваше превосходительство напишет оду по случаю этого события?

Омар, пораженный, огляделся. Вопрос задавал кто-то из вновь прибывших, и он адресовал его человеку, обряженному в одежду судьи, верхом на великолепном белом коне.

Всадник показался ему знакомым, и спустя мгновение Омар узнал в нем Му'иззи Восхвалителя, придворного поэта.

Му'иззи притворился, будто не заметил астронома. Вместо этого он отпустил какую-то остроту по поводу пожара и повернул свою лошадь, намекая своим спутникам, насколько они припозднились. Стук копыт слышался уже на дороге, и Омар остался один.

Ему и в голову не приходило покидать это место. Здесь он работал, и годы его трудов тлели теперь там, среди тех почерневших камней. Он вспомнил о своих помощниках и, задумавшись над их судьбой, решил, что все они сбежали от толпы.

Тлеющие угли лежали толстым слоем и напоминали множество роз, светившихся изнутри, сначала ярко освещенных этим огнем, затем постепенно затухавших, становившихся все тусклее и тусклее по мере того, как сгущалась ночь и ветер стихал. Однако в его сознании пламя продолжало реветь, и он чувствовал этот жар, который нес опустошение. Такое уже было с ним раньше, когда горела палатка на берегу Евфрата, совсем недавно. Ничто не могло уничтожить это воспоминание, и он снова чувствовал жар от пламени, наблюдая, как дым окутывал покрывалом полосу неба.

Но здесь круглая луна смотрела вниз с ясного неба. Омар мерил шагами разоренный сад. Некоторые розовые кусты усыпали лепестками своих цветов дорожки, в тени цвела белая лилия. Омар чувствовал, что он должен быть осторожен, чтобы не наступить на цветы, очертания которых с трудом угадывались в темноте. Было бы лучше взобраться на коня и покинуть это разрушенное место.

Его коня, однако, украли, а может, тот блуждал где-то в темноте. Поэтому Омар пошел прочь пешком. Луна светила над

ним, и отбрасываемая им тень составляла ему компанию, двигаясь рядом в такт его большим шагам…

Городские ворота уже заперли, и стража окриками прогнала его. Так что он побрел через пригородное поселение, пока не оказался рядом с освещенным дверным проемом. Когда он услышал приглушенный взрыв смеха и перебор струн, он остановился.

В мастерской под навесом он разглядел только гончарный круг, с налипшей на нем глиной, и коврик с одним или двумя кувшинами. И все вокруг оказалось наполненным ароматом вина. Омар вошел, отогнув занавеску, загораживающую внутреннее помещение.

Вдоль стен один над другим были развешаны кувшины. Девочка-крестьянка с открытым лицом улыбалась человеку, перебиравшему струны неуклюжими пальцами. Старик держал в руках кувшин, как будто обнимал его, при этом наливая в чашу.

– Осторожно! – закричал Омар. – Не расплескай.

Когда он взял в руки чашу, прохладное красное вино радостно перекатывалось, и он потягивал его, в то время как эти трое не спускали с него глаз.

– Маш-алла! – произнес седобородый, низко кланяясь, – ваша честь заблудились?

Омар оглядел свою одежду, покрытую пылью и пеплом. Потом со вздохом опустошил чашу. Здесь, в этой винной лавке, стояла прохлада, и старый гончар со скрюченными пальцами от тяжелой работы походил на архангела. Усевшись подле кувшина, Омар задумался.

– Сегодня, – наконец произнес он в ответ, – я выгнал из своей опочивальни религию и науку и развелся с ними, взяв в жены дочь виноградной лозы.

– Какие странные имена у твоих жен, – рассмеялась девочка.

– Пойте, – потребовал Омар, – а ты, с открытым ртом, играй. Такой развод случается не каждый день.

Он замолчал надолго. Вино музыкой булькало, выливаясь из кувшина, и Омару захотелось привлечь внимание остальных к этим мелодичным звукам. Он приложил руку к прохладному боку кувшина и обратился к гончару:

– Что, если эта глина, подобно мне, когда-то была вздыхающим влюбленным – его губы прижимались к губам прекрасной возлюбленной, и его руки ласкали ее шею?

– Кто знает? – сонно отвечал старик.

Потом Омар слушал пение девушки, но и оно стихло. Все погрузилось во мрак, и он уже спал. Проснувшись, он сел, покачал кувшин, но тот стоял уже пустой. Он перевернулся на бок

и снова погрузился в сон.

Когда кто-то коснулся его плеча, он открыл глаза и увидел, что все вокруг было заполнено серым светом. Старик выглядел обеспокоенным и испуганным.

– Просыпайся, мой господин, – подгонял он Омара, – муэдзин уже зовет с минарета. Просыпайся.

– Не обращай на него внимания, – сказал Омар, – ведь он зовет тебя из укрытия, спрятавшись от тебя на башне. Остерегайтесь его.

И он снова перевернулся на другой бок, рядом с пустым кувшином. Почему он должен был вставать, когда ворота Нишапура все равно закрыты для него? И «Обитель звезд» засыпана пеплом…

– Послушай же, господин, – умолял старик.

– …Идите молиться… все на молитву… туда, где возносятся молитвы к небу…

Отдаленный призыв отражался в стенах комнаты гончара, и Омар поднялся на ноги, слегка пошатываясь. На пороге он остановился, о чем-то задумавшись. Наступал рассвет.

И он снова вернулся в дом и уснул. Днем вертелся гончарный круг, рассеивая вокруг прохладные капли воды. Скрюченными пальцами гончар создавал из влажной глины причудливые формы. Ночью Омар охлаждал пылающий в груди огонь вином до тех пор, пока ряды фляг, столь неподвижных при солнечном свете, не становились человеческими лицами, способными говорить с ним. Когда он утомлялся от разговора, он засыпал и даже не пытался считать дни.

– Меня они не беспокоят, – мудро изрекал он, объясняя это гончару, – ни дни, которые ушли, ни дни, которые еще не настали.

Однако однажды один из наступивших дней принес волнение. Айша и Исхак стояли подле него, и голос Айши пронзительно звенел от гнева:

– Какое новое безумие охватило тебя? Знаешь ли ты, что мы все эти недели где только не искали тебя? Эй-уо-алла! – Она заломила руки. – Разве мало того, что они сожгли «Обитель звезд», а базарные ростовщики забрали городской дом в уплату твоих долгов?

Но все это произошло, должно быть, уже вчера. Пожар утих, а огненные языки уже, несомненно, превратились в холодный пепел.

– Эй, да они отняли и Каср-Качик. Теперь твое имя подвергается осмеянию при дворе нового султана. Он отменил твой календарь и вновь восстановил отсчет по лунным месяцам…

– Мой календарь?

– Да, им больше нечего с ним делать. Разве мало мне, что женщины в купальне показывают на меня пальцами и говорят: «Смотрите, вот рабыня Омара Хайяма!» Разве мало, когда шлюхи этого Му'иззи разъезжают в паланкинах и черные рабы очищают им путь, а у меня осталась только лошадь и Исхак. Ты же в это время погряз в вине с этой дочкой гончара…

– Все, хватит. – Омар сел. – Айша, обещаю тебе, что женщины больше не станут дразнить тебя именем Омар Хайям и впредь эти павлиньи курицы Му'иззи не будут иметь оперение ярче, чем у тебя. Исхак, ты ведь припас кое-что из серебра?

– Один лишь Аллах знает сколько! – сказала Айша.

– И у Айши есть сундук золота и кое-какие вещи?

Рабыня и стражник обменялись красноречивыми взглядами. Давным-давно они убедились, что Омар мог читать их мысли, но тем не менее эта его способность не переставала их удивлять.

– И украшения у нее есть, – поторопился согласиться Исхак, – и сундучок с монетами.

– Тогда будь свидетелем, о гончар, что все это, принадлежавшее мне, я отдаю моей рабыне и моему слуге, которых ты видишь перед собой. Сходите к муфтию Нишапура и засвидетельствуйте, что такова моя воля.

Пораженные, все на какое-то время умолкли, потом Исхак с любопытством спросил:

– Но, господин, а как же ты сам?

Омар задумался над тем, что осталось на этом свете из принадлежавшего ему. Его книги, запрещенные в школах, его сгоревшие записи, его забытый календарь и сам он, выгнанный из всех исламских академий?

– Где-то там, за далью небесной сферы, – глубокомысленно ответил он, – там спрятан кубок, который каждому предстоит испить до дна. Не вздыхай, когда придет твой черед взять его в руку, но радостно осуши его. Это – все, что мне ведомо.

Исхак подтолкнул гончара локтем в бок и многозначительно дотронулся до своей головы.

– Да, скажите тому же муфтию, – продолжил Омар, – что я отправляюсь с караваном, уходящим в Алеппо, а вы отправляйтесь в Нишапур – все.

Когда они были уже в седлах, продолжая о чем-то переговариваться и спорить, Айша вдруг начала плакать под чадрой. Исхак помог ей усесться на лошадь и воскликнул:

– Женщина, о чем теперь ты плачешь?

– Я не знаю. Но… а эти сундуки, они действительно станут моими?

– Непременно. Ведь господин сам сказал так.

Медленно Айша высушила слезы. На пути к дому муфтия она не могла удержаться и не заглянуть сквозь ворота на большой базар, где женщины с закрытыми лицами толпились вокруг шелков.

В воротах караван-сарая, в двух днях пути от Хорасана, сидел на корточках Омар, помешивая огонь, у которого он грелся всю ночь. На его плечах повис потрепанный плащ из верблюжьей шерсти. Голые ноги он вытянул поближе к тлеющим угольками.

В ночном небе созвездие Дракона спускалось к западным холмам. Еще два часа, и его время истечет, так как наступит рассвет. Порыв ветра пошевелил опавшие листья, мертвые листья закружились, подобно несчастным душам в мучениях. Омар сгреб их с земли руками и кинул на угли. На мгновение сверкнуло пламя. Грудь зудела, и он с наслаждением почесался. Час приближался.

Но что-то потревожило его. Стук копыт лошади по высохшей глине дороги прекратился, и одинокий всадник приблизился к костру.

– О сторож, – обратился к нему незнакомец, – это караван, идущий в Алеппо?

– Да, – ответил Омар.

Всадник спешился, размял свои закостеневшие в седле ноги и зевнул.

– О-алла, как долго я скакал сюда из Нишапура. Путешествует ли ходжа Омар Хайям с этим караваном?

Подкинув немного веток колючки в костер, Омар задумался. Заслышав голоса, из своего укромного места за воротами появился владелец караван-сарая и уселся на корточки около всадника.

– Нет, – сказал каравансарайщик, – здесь только один торговец, но и он ни ходжа, ни Хайям.

– Я тот, кого вы ищете, – признался Омар, поразмыслив.

Мужчины посмотрели на него и расхохотались.

– О-алла! – со смехом сказал всадник. – Неужто я должен передать письмо самого халифа караванному сторожу с нестриженой бородой? Сам халиф Каира пишет Омару Хайяму, предлагая ему хорошие деньги, если тот составит ему гороскоп. И мне поручено доставить его с почестями ко двору Каира.

– Инш-алла! – воскликнул владелец караван-сарая. – Неужели правда?

Посыльный вытащил из пояса свернутое письмо, перевязанное и запечатанное большой печатью.

– Взгляни сюда! – сказал он.

– Скажи, я ведь не ошибся и господин Хасан из Аламута сейчас тоже при каирском дворе и пользуется особым доверием господина вашего халифа, да? – поинтересовался Омар.

– Кто ты такой, чтобы знать это? Ну да, он – там, как ты и сказал. Но какой…

– Принеси мне перо и чернила, – приказал Омар каравансарайщику, не спускавшему с него глаз.

Омар взял письмо и повертел его в руке. Тяжелое и, без сомнения, длинное. Было бы достаточно просто сорвать перевязь и выяснить, что в нем написано. Омар закрыл глаза и еще раз взвесил письмо на пальцах.

Зачем эти двое подошли к костру и потревожили его в этот час? Теперь перед его мысленным взором снова стоял Низам, опять вопрошавший его, сможет ли он по-новому измерить время, и Малик-шах, жаждущий услышать предсказание, и Акроенос, обогатившийся с его помощью. Теперь ему все стало ясно. Хасан стремился воспользоваться его умом, академики и кади сослали его, а придворные султана насмешничали и издевались над ним… Все это время он был похож на бесполезную листву, гонимую по воле ветра.

Когда-то он был столь самоуверенным, не сомневающимся во власти, которой обладал. Он протянул руку к завесе Незримого, и что же?! Незримое так и осталось столь же далеким, как и прежде.

– Вот перо, – раздался голос владельца караван-сарая.

И Омар вновь почувствовал перо в своей руке.

– Если он умеет писать, – прошептал хозяин посыльному, – никакой он не сторож.

Ему следует поскорей избавиться от этих двоих, перед тем как зазвучит барабан. Да, он должен написать ответ халифу Каира от Омара Палаточника, который сшил себе так много шатров знания. Наклонившись ближе к костру, Омар написал четыре строки на обратной стороне письма.

Когда он протянул бумагу посыльному, тот воскликнул:

– Но ты же даже не прочитал письмо!

– Я знаю, что в нем.

Не спуская с Омара глаз, всадник отступил от костра. Вот он каков, этот Омар Хайям, именно таким его и описывали… чародей, читающий человеческие судьбы. Ведя за собой своего коня, он вошел вслед за хозяином в ворота. Омар внимательно посмотрел через плечо. Созвездие Дракона было уже на гребне холмов, и в воздухе ощущался предрассветный холод. Теперь наконец-то он остался один, без друга, верного спутника, без

утешителя, без семьи.

Какие слова говорила тогда Ясми об этом предрассветном часе? Как жестоко оставаться одному без разделенной любви, когда звезды в небе гаснут. Была ли Ясми тенью на завесе Незримого? А Рахим… Рахим, чья кровь капля за каплей падала на глину и никогда больше не потечет по его жилам. Ему, Омару, нельзя думать о них. Их никогда больше не будет. Они не появятся здесь снова, как этот верховой посыльный, прискакавший по большой хорасанской дороге.

Сжав голову руками, Омар раскачивался, стоя на коленях у дороги.

– О, будьте милосердны, – плакал он.

Ибо час их появления был неминуем. Тени собирались в темноте, кружась по дороге. Они толпились теперь подле него, их едва узнаваемые голоса о чем-то кричали, напоминая голос ледяного ветра.

Он не мог коснуться их, хотя и протягивал к ним руки. Не мог остановить их поспешный уход.

Он не мог видеть их. По пятам темноты они стремительно устремлялись вдаль, оглядываясь назад, на него. Их тонкие голоса убеждали его следовать за ними в необъятную даль.

И он должен поторопиться. Он поднял глаза к небу. Звезды исчезли. Пора. Оглушенный, он поднялся на ноги и побежал будить спящих. Когда он ударил по барабану кулаком, стены караван-сарая повторили этот звук.

Омар спешил от человека к человеку, поднимая их из-под стеганых одеял. Зазвенели колокольчики зашевелившихся верблюдов. Кто-то кашлял, кто-то бранился, бадья плескалась в колодце…

– Но, – удивился держатель караван-сарая, пересчитывая монеты в своей руке, – я же видел, как он написал стих на письме халифа.

Хозяин каравана завязал кошелек и спрятал его в пояс.

– Да, Аллах наказал его. И все же он никогда не просыпает солнце. Вот, послушай. – И, повернувшись в седле, позвал Омара: – Эй, сторож, куда идет караван?

Омар, тянущий за веревку первого верблюда, обернулся. День наступил, лучи солнца проникали сквозь пыль, поднятую в караван-сарае.

– Туда, куда ушла ночь, – ответил он нетерпеливо. – Но мы должны поторопиться.

– А где это? – спросил владелец каравана с улыбкой.

Устало Омар провел рукой по глазам.

– Нигде, – сказал он. И, накинув свой ободранный плащ на

голову и подняв палку, потянул ведущего верблюда за собой через ворота.

notes

Примечания

1

Детали ниспровержения ассасинов ордами хана Улагу и общая история того времени описаны в моей книге «Крестовые походы – костер ислама». (*Примеч. авт.*)

2

В русской литературе встречаются несколько иные даты: родился около 1048 года и умер после 1122 года (См.: БЭС. М., 1988; Краткая литературная энциклопедия. М., 1968), 1131 года (Математический энциклопедический словарь. М., 1995). (*Примеч. перев.*)

3

Низами Арузи Самарканди. «Чахар Магал» («Собрание редкостей, или Четыре беседы»).(*Примеч. авт.*)

4

Из «Алгебры» Омара Хайяма.

5

Любопытно, что слово, использованное для обозначения фонаря, famous, как видно, взято из греческого, а не из персидского языка. (*Примеч. авт.*)

6

В нашей книге мы выдвигаем два положения, отличающиеся от общепризнанных в науке.

Во-первых, даты рождения Омара. Здесь рассматривается дата, приблизительно на десять лет не совпадающая с общепринятой датой его рождения (приблизительно 1052 г. вместо 1043–1044 гг.). Жизнь Омара почти полностью совпала с жизнью Хасана ибн Сабаха, даже при более поздней дате рождения, эти два человека будут идти по жизни рядом в течение более чем семидесяти лет вплоть до смерти. Изучение дат жизни людей, которые знали Омара при жизни, по моему мнению, указывает, что он был моложе, чем принято считать, когда начал свои астрономические изыскания в обсерватории. Ему, по-видимому, исполнилось двадцать лет, когда он принял ответственность за обсерваторию.

Во-вторых, я считаю, что Омар был наполовину арабом. Это подтверждает его собственное имя и имя его отца. Характер его ранних занятий соответствует некоторым личностным особенностям, таким, например, как краткость и прямолинейность высказываний, его терпеливое отношение к работе до самого конца и почти азбучная ясность его четверостиший – черты, не часто встречаемые в персидском. Возможно, что его отец был арабом. (*Примеч. авт.*)

Каба – вид мужской одежды. (*Примеч. перев.*)

8

Абба, или аба (*араб.*) – шерстяная накидка или широкий мужской плащ. Может быть односторонним и двусторонним. (*Примеч. перев.*)

9

«Хайям» дословно обозначает «палаточник» или «швец палаток». Его отец принадлежал к роду тех, кто шил палатки, шатры и купола для базарных площадей. (*Примеч. перев.*)

10

Динар – старинная золотая монета в арабских странах. (*Примеч. перев.*)

11

По имени Ахмада ибн Хабала, одно из направлений среди суннитов. Наиболее ревностные хранители ортодоксального ислама и блюстители чистоты веры. (*Примеч. перев.*)

12

Рум – наименование Рима, а затем и Восточной Римской, или Византийской, империи в странах мусульманского владычества. У сельджуков так называлась Малая Азия, входившая в состав Византии. Руми – румийцы. (*Примеч. перев.*)

13

Автор употребляет одно из первоначальных названий алгебры. (*Примеч. перев.*)

14

В этой книге употребляются традиционные для английского языка названия планет и созвездий. (*Примеч. перев.*)

15

Титул Великого визиря – Низам ал-Мулк – скорее переводится как Устроитель Державы или Устроитель Государства, поскольку обозначается через «мулк». (*Примеч. перев.*)

16

Хорасан. (*Примеч. перев.*)

17

Кади – духовное лицо у мусульман, выполняющее обязанности мирового судьи. (*Примеч. перев.*)

18

Медресе, основанные Низам ал-Мулком во многих городах, назывались низамийя. (*Примеч. перев.*)

19

Гномон – столб – указатель для солнечных часов. (*Примеч. перев.*)

Улем – мусульманский ученый-богослов. (*Примеч. перев.*)

21

Михраб – ниша в мечети, показывающая молящимся направление на Мекку, чтобы они могли обратить туда лицо, совершая молитву. (*Примеч. перев.*)

22

Шербет – напиток из фруктового сока и сахара. (*Примеч. перев.*)

23

Кантар – единица массы в странах Ближнего Востока. В различных местах составляет от 45 кг до 320 кг. (*Примеч. перев.*)

24

Тамариск – кустарники или деревья с множеством тонких и длинных ветвей, идущих на корм верблюдов и овец. Другое название – гребенщик. (*Примеч. перев.*)

25

Священный источник Замзам неподалеку от Мекки, который даровал Агарь, матери Исмаила, сам Аллах, когда она погибала в пустыне от жажды. (*Примеч. перев.*)

26

Числовой круг – ноль. Исламские математики одиннадцатого столетия поняли и использовали числовой круг, ноль, за несколько столетий до европейского Средневековья; но только некоторые из них разработали концепцию, хотя и не сформированную до конца, по которой числа могут быть отрицательными так же, как и положительными. (*Примеч. авт.*)

Ар-км – Архимед. (*Примеч. перев.*)

28

Расчет времени в году, сделанный учеными под руководством Омара Хайяма, очень точен. Он имеет отклонение в положительную сторону только в 19,45 с в год, принимая во внимание тот факт, что календарь, который мы используем сегодня, имеет подобное отклонение в 26 с. (*Примеч. авт.*)

29

Полное имя султана Малик-шаха ни разу не упоминается в этой книге. Его звали Джалал ад-дин ва-д-дин Абу Фатха Малик-шах ибн Алп Арслан ибн Дауд ибн Микин ибн Сельджук. (*Примеч. перев.*)

30

Инструменты, называемые гитарой, известны в Испании только с XIII в. Возможно, автор имеет в виду древнегреческие кифары, напоминающие лиру, но, скорее всего, это могла быть либо лютня, как древний ближневосточный струнный инструмент, либо рубаб – струнный щипковый инструмент Среднего и Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии, известный в Иране уже с X в. (*Примеч. перев.*)

Сук – базар в мусульманских странах. (*Примеч. перев.*)

Перевод на английский Эдварда Г. Броунса. (*Примеч. перев.*)

33

Институт черных евнухов существовал для поддержания порядка на женской половине. (*Примеч. перев.*)

34

Автор употребляет название одной из ветвей движения исмаилитов, считавших неизбежным приход седьмого пророка ал-Кайма ал-Махди незадолго до Судного дня. Со второй половины IX в. их называли карматами, по прозвищу проповедника-исмаилита – Кармата. (*Примеч. перев.*)

35

Наркотик, применяемый Хасаном, был гашиш или индийский гашиш. Это было до того, как в Персии стали использовать опиум, и гашиш оставался почти неизвестен, пока Хасан не ввел его в употребление. Его эффект поражал его последователей, которые приобщились к нему, но могли получать его только из этого источника. В свое время они стали известны как гашишины, пользователи гашиша – следовательно, от этого слова и пошло название «ассасины». (*Примеч. авт.*)